Сетевой научный журнал
https://modernrsp.ru
ISSN: 3033-9855

Modern Research and Scientific Practice

现代研究与科学实践

Современные исследования и научная практика

№ 2 / 2026

Главный редактор журнала:
Мусийчук Мария Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Психологии», Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия, Магнитогорск.

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация.

Члены редакционной коллегии:

Блохина Наталья Александровна, доктор философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Россия, Рязань.

Гришечкина Наталья Васильевна, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, Россия, Саратов.

Джохадзе Игорь Давидович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Россия, Москва.

Дьяченко Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Курский государственный университет, Россия, Курск.

Ерохина Павла Владимировна, кандидат философских наук, преподаватель кафедры «Философия и культурология», Сибирский государственный университет путей сообщения, Россия, Новосибирск.

Жукова Евгения Михайловна, кандидат философских наук, преподаватель, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина, Россия, Москва.

Загирняк Михаил Юрьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, Калининград.

Иванова Анна Игоревна, кандидат философских наук, ассистент кафедры философии факультета Философии и социологии, Курский государственный университет, Россия, Курск.

Майкова Олеся Александровна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Международный юридический институт, Россия, Москва.

Пелевин Сергей Игоревич, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры основ российской государственности, Армавирский государственный педагогический университет, Россия, Армавир.

Пеннер Регина Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Россия, Челябинск.

Скибина Виктория Владимировна, кандидат философских наук, кафедра истории зарубежной философии, Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва.

Тимофеев Александр Вадимович, доктор философских наук, профессор кафедры информационных систем и технологий, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Россия, Самара.

Устинов Олег Александрович, доктор философских наук, руководитель литературно-драматической части, Культурно-просветительский центр "Дубрава" имени протоиерея Александра Меня, Россия, Сергиев Посад.

Шматько Александр Александрович, доктор философских наук, доцент кафедры философии и мировых религий, Донской государственный технический университет, Россия, Батайск.

Эзри Григорий Константинович, кандидат философских наук, старший преподаватель, Благовещенский государственный педагогический университет, Россия, Благовещенск.

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая Народная Республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул. Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: https://modernrsp.ru/

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-92138 выдан 25.08.2026 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN: 3033-9855

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Modern Research and Scientific Practice, 2026 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.7.2. «История философии (философские науки)»

5.7.7. «Социальная и политическая философия (философские науки)»

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по

существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Modern Research and Scientific Practice» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Modern Research and Scientific Practice» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Editorial Board:

Blokhina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia.

Grishechkina Natalia Vasilevna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Humanities and Psychology, V.I. Razumovsky Saratov State Medical University, Saratov, Russia.

Dzhokhadze Igor Davidovich, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Diachenko Olga Nikolaevna, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Kursk State University, Kursk, Russia.

Erokhina Pavla Vladimirovna, PhD in Philosophy, Lecturer of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia.

Zhukova Evgeniia Mikhailovna, PhD in Philosophy, Lecturer, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Moscow, Russia.

Zagirniak Mikhail Iurevich, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Ivanova Anna Igorevna, PhD in Philosophy, Assistant of the Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Sociology, Kursk State University, Kursk, Russia.

Maikova Olesia Aleksandrovna, PhD in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, International Law Institute, Moscow, Russia.

Pelevin Sergei Igorevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foundations of Russian Statehood, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia.

Penner Regina Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

Skibina Viktoriia Vladimirovna, PhD in Philosophy, Department of History of Foreign Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Timofeev Aleksandr Vadimovich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Information Systems and Technologies, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia.

Ustinov Oleg Aleksandrovich, Doctor of Philosophy, Head of the Literary and Drama Department, Dubrava Cultural and Educational Center named after Archpriest Alexander Men, Sergiev Posad, Russia.

Shmatko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University, Bataysk, Russia.

Ezri Grigorii Konstantinovich, PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

Founder and publisher:
LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"
Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.
INN: 9303040432
KPP: 930301001
OGRN: 1259300002103
Phone: +7 (909)679-60-04
Website: https://modernrsp.ru/

Media registration number: El No. FS77-92138 Issued on 25.08.2026 by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor)
ISSN: 3033-9855

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.
Publisher's address: Moscow

© Modern Research and Scientific Practice, 2026 г.
The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:
5.7.2. "History of Philosophy (Philosophical Sciences)"
5.7.7. "Social and Political Philosophy (Philosophical Sciences)"

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Modern Research and Scientific Practice" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Modern Research and Scientific Practice" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors 'point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.7.2. История философии 9

Бирюков И.Л. ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА 9

Никитина Т.С. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ СВОБОДЫ ОТ МОРАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ К НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА И Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ 27

Кравченко А.Л. ОТ REGULAE К MEDITATIONES: ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДА И МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ У ДЕКАРТА 43

Беляков Н.С. ГЕНЕЗИС ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕДУКЦИИ У ГУССЕРЛЯ: ОТ ДЕСКРИПТИВНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ К ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОМУ И ГЕНЕТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ 67

Муфтахова А.Н. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗНИЦА У М. ХАЙДЕГГЕРА: ОТ «БЫТИЯ И ВРЕМЕНИ» К «ВКЛАДАМ В ФИЛОСОФИЮ» 92

Бибарсов Д.А. ДЕКОНСТРУКЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ЧТЕНИЯ У ДЕРРИДА: DIFFÉRANCE, СЛЕД И КРИТИКА МЕТАФИЗИКИ ПРИСУТСТВИЯ 130

5.7.7. Социальная и политическая философия 153

Орлова Е.А. КЛИМАТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ГЛОБАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО 153

Герасимов М.В. ЦИФРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПЛАТФОРМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ, АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И СУБЪЕКТ 171

Лакаев П.В. ПРИЗНАНИЕ И УЯЗВИМОСТЬ: ОТ ГЕГЕЛЯ И ХОННЕТА К БАТЛЕР 190

5.7.2. История философии

Научная статья

УДК 1(091)(470)

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Бирюков Игорь Леонидович, кандидат философских наук, преподаватель, Ставропольская духовная семинария Ставропольской и Невинномысской епархии Русской Православной Церкви, Россия, Армавир, armavir.igor@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается, как русские мыслители конца XIX и первой половины XX века читали трансцендентальную философию И. Канта и какие типы прочтения сложились. Цель состоит в том, чтобы сопоставить интерпретации по единому основанию и проверить это основание на спорах современных историков. Материалом служат работы 2024, 2025 и 2026 годов, монографии Н. А. Дмитриевой и Т. Немета и три первоисточника, среди них статья В. С. Соловьева об И. Канте и русский перевод первой «Критики» Н. О. Лосского. Применены историко-философская реконструкция, сравнительно-типологический, герменевтический и контекстный анализ. Выделены пять моделей, а именно академическое кантианство, неокантианство в системном и аксиологическом вариантах, религиозно-философская критика с переработкой, марксистское прочтение и послереволюционная рецепция. Показано, что разногласия о самостоятельности русского неокантианства вытекают из выбора критерия близости к И. Канту. Предложено сравнивать прочтения по отношению к тексту, методу и проблематике. Результаты уточняют границы понятия «русское неокантианство» и вводят в научный оборот переводческий и педагогический материал. Привлечены данные об учебных программах, переводческих решениях и диссертациях.

Ключевые слова. рецепция Канта; трансцендентальная философия; русское неокантианство; академическое кантианство; религиозная философия; модели интерпретации.

Original article

MAIN MODELS OF INTERPRETING IMMANUEL KANT'S TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY IN RUSSIAN THOUGHT OF THE LATE NINETEENTH AND THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Biriukov Igor Leonidovich, Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, Stavropol Theological Seminary, Armavir, Russia, armavir.igor@mail.ru

Abstract. The article examines how Russian thinkers of the late nineteenth and the first half of the twentieth century read Kant's transcendental philosophy and which types of reading emerged from it. The aim is to compare the interpretations on a single basis and to test this basis against the disputes of modern historians. The material comprises studies of 2024, 2025 and 2026, monographs by N. A. Dmitrieva and T. Nemeth, and three primary sources, among them V. S. Solovyov's article on Kant and N. O. Lossky's Russian translation of the first Critique. The methods are historical-philosophical reconstruction, comparative-typological, hermeneutic and contextual analysis. Five models are identified, namely academic Kantianism, neo-Kantianism in its systematic and axiological versions, religious-philosophical criticism with reworking, the Marxist reading, and post-revolutionary reception. It is shown that disagreements about the independence of Russian neo-Kantianism largely follow from the choice of a criterion of closeness to Kant. A comparison by the attitude to the text, to the method and to the range of problems is proposed. The results refine the boundaries of the notion "Russian neo-Kantianism" and bring translation and pedagogical material into scholarly use. Data on curricula, translation decisions and dissertations are used.

Keywords. Kant's reception; transcendental philosophy; Russian neo-Kantianism; academic Kantianism; religious philosophy; models of interpretation.

Введение. О том, что И. Кант повсеместно присутствовал в русской мысли, историки почти не спорят. Н. А. Дмитриева считает, что «ни один сколько-нибудь значимый российский мыслитель не прошел мимо его философии» [1]. В. С. Соловьев в энциклопедической статье писал, что за И. Кантом остается «заслуга великого возбудителя», но не решителя важнейших вопросов [2]. Понимание удобно тем, что не называет результата возбуждения. И. Кант бывал для русских авторов учителем, поводом для спора, мишенью проповеди и просто словарем, из которого брали отдельные термины.

Когда влияние всеобще, по нему нельзя судить о характере рецепции, и современные работы расходятся в оценках. Т. Немет, автор монографии 2022 года, пишет, что в русском неокантианстве было мало собственно И. Канта и что никто из его участников всерьез не занялся трансцендентальной дедукцией[3]. В. Н. Белов и А. С. Перепечина, напротив, видят в нем самостоятельное движение, которое не держалось за школу и зависело от национальной культуры[4]. Оба вывода выросли из одного круга текстов. Они расходятся потому, что близость к И. Канту авторы измеряют разными мерками.

Цель статьи состоит в том, чтобы разделить русские прочтения трансцендентальной философии на типы по единому основанию и проверить, как это основание ведет себя в историографических спорах. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

1) описать, какие вопросы к И. Канту ставили академические профессора, неокантианцы, религиозные философы и марксисты;

2) сопоставить их ответы по отношению к букве кантовского текста, к

[1] Дмитриева Н. А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 55.
[2] Соловьев В. С. Кант // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 441.
[3] Nemeth T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 320.
[4] Belov V. N., Perepechina A. S. What is Russian Neo-Kantianism: Problems of Definition // Geltung: Journal of Studies on the Origins of Contemporary Philosophy. – 2025. – Vol. 4. – No. 1. – P. 12.

трансцендентальному методу и к кругу проблем;

3) показать, какие споры современных авторов снимаются такой постановкой, а какие остаются.

Обзор литературы. Планку основательности в изучении русского И. Канта задали очерк Г. Г. Шпета 1922 года и история русской философии В. В. Зеньковского. Н. А. Дмитриева продолжает их традицию и называет настольными две книги А. Н. Круглова[5]. Сам предмет менялся. До последней трети XIX века И. Кант звучал в России тише, чем Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель и Л. А. Фейербах, а с 1870-х и 1880-х годов его наследие стало наиболее цитируемым в работах самых разных направлений[6]. У этого поворота был внешний фон. Книга Л. Бюхнера «Сила и материя» к 1898 году выдержала 19 изданий, а «Мировые загадки» Э. Геккеля к 1926 году вышли на 25 языках тиражом 400 тысяч экземпляров, и грубый материализм преобладал в общественном сознании еще долго после того, как естествоиспытатели оставили его[7].

Т. Немет рассказывает историю русского неокантианства как цикл появления, распространения и исчезновения, который уложился примерно в 40 лет[8]. Скромный международный отклик он объясняет отсутствием текстового канона и считает, что движение не вышло из подготовительных проектов, программных деклараций и предварительных набросков, и здесь он цитирует В. Н. Белова[9]. В. Н. Белов иначе использует ту же формулу. Русское неокантианство, пишет он, осталось «в подготовительных проектах, программных заявлениях, предварительных набросках», и потому историк становится строителем, а не реставратором[10]. В. Н. Белов и А. С. Перепечина

[5] Дмитриева Н. А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 55.
[6] Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России: историко-философские очерки. – Москва: РОССПЭН, 2007. – С. 107.
[7] Там же. – С. 27, 28.
[8] Nemeth T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 320.
[9] Ibid. – P. 318.
[10] Белов В. Н. Трансцендентальная философия в России: Кант и неокантианство // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 66.

предлагают к тому же собственный критерий. Кантианцы, по их мысли, считают букву и дух кантовской системы неразделимыми, а неокантианцы полагают, что буква зависит от истории и поэтому может меняться ради сохранения духа[11].

А. Н. Круглов спорит не с неокантианцами, а с привычными шаблонами о религиозной философии. Утверждение В. В. Зеньковского, будто россияне узнали И. Канта в 1807 году из переводной французской книги, до сих пор переходит из работы в работу, хотя И. В. Л. Мельман по праву считается первым кантианцем в России, а первый русский перевод «Основоположения к метафизике нравов» вышел в 1803 году[12]. А. Н. Круглов считает, что абсолютизация линии решительного отвержения И. Канта приводит к тому, что «нейтральное или позитивное отношение к Канту воспринимается словно некая аномалия или маргинальная позиция, недостойная серьезного изучения»[13]. Н. А. Дмитриева поддерживает описанный поворот к источникам второго ряда. Она напоминает, что трансцендентальная философия, которая шла от И. Канта, развивалась в Московской и Санкт-Петербургской духовных академиях на протяжении XIX века, и просит не отмахиваться от текстов «deorum minorum»[14].

Н. А. Дмитриева называет четыре пробела, а именно духовные академии, судьбу отдельных сочинений И. Канта, вклад русских неокантианцев в российское кантоведение и послереволюционную кантиану[15]. Часть перечисленных пробелов заполняется узкими работами последних лет. Д. О. Рожин восстанавливает прочтение И. Канта у Алексея Введенского и раннего П. А. Флоренского, Л. Ю. Корнилаев прослеживает фихтеанскую линию неокантианцев и этику П. И. Новгородцева, М. А. Колеров публикует юбилейный текст С. И. Гессена 1924 года, Т. Г. Румянцева разбирает защиту

[11] Belov V. N., Perepechina A. S. What is Russian Neo-Kantianism: Problems of Definition // Geltung: Journal of Studies on the Origins of Contemporary Philosophy. – 2025. – Vol. 4. – No. 1. – P. 7.
[12] Круглов А. Н. Общее состояние исследований рецепции Канта в русской религиозной философии и его проблемы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2024. – Вып. 115. – С. 36.
[13] Там же. – С. 43.
[14] Дмитриева Н. А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 56.
[15] Там же. – С. 58.

И. Канта у Г. В. Плеханова, Д. А. Бабина и Е. В. Сердюкова сопоставляют критицизм И. Канта с интуитивизмом Н. О. Лосского, Д. П. Козолупенко изучает прочтение И. Канта у Я. Э. Голосовкера, Дж. Милбанк восстанавливает фихтеанский ход мысли С. Н. Булгакова. Сводной работы, которая поставила бы имеющиеся прочтения рядом по одной шкале, пока нет. Настоящая статья делает такую попытку на небольшом материале.

Методы исследования. Работа строится на историко-философской реконструкции. Для каждой модели восстанавливается круг вопросов, который автор задавал И. Канту, и тот текст, к которому он обращался, будь то подлинник, перевод, учебный курс или чужой комментарий. Сравнительно-типологический анализ сопоставляет модели по трем признакам из введения. Герменевтическое чтение применяется к первоисточникам, то есть к статье В. С. Соловьева об И. Канте, к работе А. И. Введенского 1895 года и к русскому переводу первой «Критики» Н. О. Лосского с аппаратом В. А. Жучкова. Контекстный анализ учитывает среду, в которой звучало высказывание, то есть духовные академии, университеты, журнал «Логос», эмиграция и советская печать.

Материал составили исследования 2024, 2025 и 2026 годов, две монографии (Н. А. Дмитриевой 2007 года и Т. Немета 2022 года) и три первоисточника. Источники 2024 года (А. Н. Круглов, М. А. Колеров, Д. А. Бабина и Е. В. Сердюкова) понадобились потому, что на статьи А. Н. Круглова и М. А. Колерова опирается Н. А. Дмитриева в обзоре 2025 года[16], а работа Д. А. Бабиной и Е. В. Сердюковой остается единственной в подборке, где Н. О. Лосский рассматривается критиком И. Канта по существу логики. Выводы о частных сюжетах ограничены тем, что подтверждают сами исследования, на которые опирается статья.

Результаты. Сопоставление дало пять моделей. Они стоят примерно в хронологическом порядке, но ни одна не исчезала с появлением следующей, а один и тот же автор иногда попадает сразу в две.

[16] Там же. – С. 58.

Академическое кантианство и спор о духе и букве. Первая модель складывалась на кафедрах университетов и духовных академий и держалась за текст. В. Н. Белов и А. С. Перепечина показывают, как трудно провести границу. Петербургский профессор А. И. Введенский в магистерской диссертации 1888 года согласовал свои взгляды с И. Кантом только по духу, но не по букве[18], а его ученик И. И. Лапшин в 1906 году потребовал держаться духа, а не буквы кантовской теории познания[17].

Иной А. И. Введенский работал в Московской духовной академии. Алексей Иванович Введенский, однофамилец петербуржца, считал, что И. Канта нельзя обойти тому, кто занимается философией всерьез, но принимать его целиком тоже нельзя[18]. Одной из самых крупных ошибок кантовской теории познания он считал жесткое разграничение созерцаний и понятий, потому что нет понятия без созерцательного элемента и нет созерцания без логических элементов[19]. Д. О. Рожин осторожно заключает, что строгим неокантианцем А. И. Введенский не был, но может считаться им «в широком смысле»[20]. В. В. Зеньковский называл его «плодовитым, но мало оригинальным»[21].

Спор о букве хорошо виден на одном слове. Н. О. Лосский учился у петербургского А. И. Введенского[22] и переводил кантовское Anschauung оборотом «наглядное представление», потому что для него созерцание означало непосредственное интуитивное знание. В. А. Жучков заметил, что его перевод порождает недоразумения и тавтологии, поскольку И. Кант различает созерцание и представление[23].

[17] Belov V. N., Perepechina A. S. What is Russian Neo-Kantianism: Problems of Definition // Geltung: Journal of Studies on the Origins of Contemporary Philosophy. – 2025. – Vol. 4. – No. 1. – P. 11, 12.
[18] Рожин Д. О. Алексей Иванович Введенский: между кантианством и неокантианством // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29. – № 4. – С. 1211.
[19] Введенский А. И. Учение Канта о пространстве: разъяснение и критика. Окончание // Богословский вестник. – 1895. – Т. 3. – № 7. – С. 76.
[20] Рожин Д. О. Алексей Иванович Введенский: между кантианством и неокантианством // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29. – № 4. – С. 1218.
[21] Там же. – С. 1206.
[22] Бабина Д. А., Сердюкова Е. В. Аналитические и синтетические суждения: критицизм И. Канта и интуитивизм Н. О. Лосского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № 2. – С. 391.
[23] Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского; отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В. А. Жучков. – Москва: Наука, 1999. – С. 6.

Неокантианство в системном и аксиологическом вариантах. Часть работ русские неокантианцы печатали в Германии. С. И. Гессен издал в Берлине «Индивидуальную каузальность» (1909), Г. Э. Ланц напечатал в Гейдельберге исследование о кантовском учении об объективности (1911), С. Л. Рубинштейн защитил диссертацию в Марбурге (1914)[24]. Многие будущие неокантианцы пришли с юридических факультетов, потому что обществу той поры требовалось больше юристов, чем профессоров философии, и юристам платили лучше[25]. Отсюда, по Т. Немету, больший интерес к социальным наукам, чем к естественным.

П. И. Новгородцев показывает, как трудно провести границы школы. Е. А. Фролова называет его представителем Баденской школы, а И. А. Кацапова пишет, что он не был последовательным кантианцем. Л. Ю. Корнилаев не выбирает между ними и указывает на общий признак, то есть на явное аксиологическое содержание проекта. П. И. Новгородцев поправлял кантовскую этику Г. В. Ф. Гегелем и В. С. Соловьевым[26]. М. А. Колеров же напоминает, что перед лицом марксистской социал-демократии он поставил рядом Г. В. Ф. Гегеля как вдохновителя марксизма и И. Канта как вдохновителя либерализма[27]. У Л. Ю. Корнилаева Г. В. Ф. Гегель служит поправкой к И. Канту, у М. А. Колерова противником, и описания совместимы, потому что первый автор смотрит на этику, а второй на политический спор.

С. И. Гессен перенес представленную логику в педагогику. Индивид, по С. И. Гессену, выходит за пределы личных целей к целям-заданиям, которые превосходят срок одной человеческой жизни, а то, что из них осуществляется в культуре, называется преданием[28].

[24] Белов В. Н. Трансцендентальная философия в России: Кант и неокантианство // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 67.
[25] Nemeth T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 8.
[26] Корнилаев Л. Ю. Аксиологические основания социального в философии П. И. Новгородцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 209, 210.
[27] Колеров М. А. Русский политический Кант после либерализма: С. И. Гессен о юбилее Канта в 1924 году // Кантовский сборник. – 2024. – Т. 43. – № 2. – С. 153.
[28] Загирняк М. Ю. Социальная педагогика Пауля Наторпа в аксиологическом историзме Сергея Гессена // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29. – № 1. – С. 125.

Самый заметный общий предмет русских неокантианцев связан с И. Г. Фихте. Б. В. Яковенко отверг привычное деление И. Г. Фихте на ранний и поздний периоды и заключил, что гипотезу о двух периодах нужно оставить. Л. Ю. Корнилаев подводит итог в одной фразе. «Философия Фихте сыграла важную методологическую роль в историко-философских и теоретических исследованиях русских неокантианцев»[29]. Т. Немет оценивает линию суровее. По его словам, Б. В. Яковенко можно назвать неонеокантианцем, и то же справедливо для значительной части движения[30].

Религиозно-философская критика и переработка. В. С. Соловьев задал модели образец. Он критиковал И. Канта с позиций онтологизма, и все же в статье для словаря Брокгауза и Эфрона 1895 года дал, по оценке Н. А. Дмитриевой, едва ли не лучшее в русской кантиане XIX века изложение его учения и корректную критику[31]. Если все, что я могу знать, есть только представление моего ума, рассуждает В. С. Соловьев, то и я существую только в собственном представлении, и все учение И. Канта о трансцендентальном единстве сознания оказывается petitio principii. Выход он видел в различении эмпирического и трансцендентального субъекта[32]. Как далеко он стоял от И. Канта, спорили уже современники. А. И. Введенский в речи 1900 года объявил заслугой В. С. Соловьева распространение критицизма в России, а В. Ф. Эрн возразил, что А. И. Введенский «не столько изучает гносеологию Соловьева, сколько неокантизирует по поводу нее»[33].

Н. О. Лосский вырос между двумя учителями. По его воспоминаниям, влияние И. Канта и А. И. Введенского запрещало ему заниматься метафизикой как гносеологически неоправданной, а влияние Г. В. Лейбница и А. А. Козлова влекло к ней, и выходом стала формула «все имманентно всему». Книга

[29] Корнилаев Л. Ю. Идеи Фихте в философских учениях русских неокантианцев // Кантовский сборник. – 2025. – Т. 44. – № 2. – С. 112, 122.
[30] Nemeth T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 320.
[31] Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России: историко-философские очерки. – Москва: РОССПЭН, 2007. – С. 112.
[32] Соловьев В. С. Кант // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 472–473.
[33] Там же. – С. 478–479.

«Обоснование интуитивизма», по оценке В. Я. Перминова, выступает против кантовской теории познания и представляет попытку ее систематического опровержения. С. И. Гессен нашел в рецензии, что интуитивизм отличается от исторического И. Канта «по-видимому, только своим отрицанием субъективизма», а другой автор, которого цитируют Д. А. Бабина и Е. В. Сердюкова, считает, что Н. О. Лосский «в каком-то смысле старался спасти трансцендентальный идеализм от самого Канта»[34].

П. А. Флоренский показывает, что отношение религиозного философа к И. Канту не сводится к одному эпитету. В 1908 году на пробной лекции И. Кант предстал у П. А. Флоренского «исполином философии». В курсе 1910/11 учебного года было 28 экзаменационных вопросов, и 19 из них касаются «Критики чистого разума», а среди 36 билетов предыдущего года И. Канту достались только два вопроса [35] . Рядом стоит речь 1914 года, где П. А. Флоренский говорил об И. Канте как о «Столпе Злобы Богопротивныя». А. Н. Круглов напоминает, что обвинения в «чертовщине» возникли в протестантской Германии еще при жизни И. Канта, а среди эпитетов И. Г. Гердера для критической философии есть «трансцендентальная зараза»[36].

С. Н. Булгаков шел к И. Канту через И. Г. Фихте. По Дж. Милбанку, он упрекает И. Канта в том, что тот подозрительно умалчивает о трансцендентальной апперцепции в трансцендентальной эстетике, хотя именно там самость переживает пространство и время[37].

Марксистское прочтение. Г. В. Плеханов обращался к И. Канту чаще, чем кто-либо из русских марксистов. В его 24-томном собрании сочинений 1920-х годов ссылки на И. Канта и «кантианство» встречаются более тысячи раз, и

[34] Бабина Д. А., Сердюкова Е. В. Аналитические и синтетические суждения: критицизм И. Канта и интуитивизм Н. О. Лосского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № 2. – С. 391, 392, 394.
[35] Рожин Д. О. О значении кантовской философии для П. А. Флоренского в ранний период его творчества // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2026. – Т. 10. – № 1. – С. 255, 261.
[36] Круглов А. Н. Общее состояние исследований рецепции Канта в русской религиозной философии и его проблемы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2024. – Вып. 115. – С. 40.
[37] Милбанк Дж. Сергей Булгаков: от грамматики к премудрости / пер. с англ. Г. Д. Мурина // Отечественная философия. – 2026. – Т. 4. – № 1. – С. 82.

больше ссылок только на К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. В. Ф. Гегеля. Он читал И. Канта на языке оригинала, но не различал кантианство и неокантианство, а в отличие от ряда русских философов не поверял К. Маркса И. Кантом, а скорее наоборот. Парадокс его позиции в том, что он защищал И. Канта от неокантианцев. Вслед за Ф. Энгельсом, который назвал попытку неокантианцев воскресить И. Канта шагом назад, Г. В. Плеханов критиковал Ф. А. Ланге, К. Шмидта, К. Лассвица и Э. Бернштейна. В. И. Ленин счел его критику слишком вульгарно-материалистической, потому что Г. В. Плеханов только с порога отвергал рассуждения кантианцев, а не исправлял их, как Г. В. Ф. Гегель исправлял И. Канта, а «Большая советская энциклопедия» 1939 года назвала лозунг «возврат к Канту» критикой справа по отношению к историческому И. Канту[38].

Послереволюционное и пограничное прочтение. Послереволюционное прочтение проще всего показать двумя примерами, которые мало похожи друг на друга. В 1924 году С. И. Гессен в эмиграции написал для берлинской газеты «Руль» юбилейную статью об И. Канте. М. А. Колеров, который перепубликует ее, пишет, что автор выступал с позиций «правового социалиста» и обошелся без прямых политических выводов. Для газеты текст оказался рекордным по длине, он занял целую полосу и четверть следующей, а итоговая формула такова, что философия должна установить пределы Добра так же, как И. Кант установил границы разума[39].

Второй пример далек от первого по времени и по среде. Я. Э. Голосовкер выпустил в 1963 году книгу «Достоевский и Кант». До нее его знали как филолога и переводчика, а в лучших историях русской философии, у В. В. Зеньковского (1948) и Н. О. Лосского (1951), его имени нет. Первый серьезный отзыв на книгу вышел только в 1979 году, и не в отечественной печати, а в журнале «Kant-Studien». Я. Э. Голосовкер доказывал, что Ф. М. Достоевский

[38] Румянцева Т. Г. Плеханов как «защитник» Канта от неокантианцев // Кантовский сборник. – 2025. – Т. 44. – № 1. – С. 92, 93, 99.
[39] Колеров М. А. Русский политический Кант после либерализма: С. И. Гессен о юбилее Канта в 1924 году // Кантовский сборник. – 2024. – Т. 43. – № 2. – С. 152, 157.

изобразил не И. Канта, а его схему и карикатуру, и Д. П. Козолупенко добавляет, что именно этот образ, который неприемлем для религиозной мысли, стал направляющим для части русских философов с конца XIX века[40].

Обсуждение результатов. Три признака, которые были приняты во введении, по-новому освещают спор Т. Немета с В. Н. Беловым и А. С. Перепечиной. Т. Немет измеряет близость к И. Канту по букве и по методу, то есть по тому, насколько подробно авторы разбирали три «Критики» и трансцендентальную дедукцию. По такой мерке неокантианство действительно выглядит тонким слоем. В. Н. Белов и А. С. Перепечина смотрят на проблематику и на независимость, и по их мерке движение оказывается самостоятельным. Оба описания верны на своих основаниях и друг друга не опровергают. Граница между кантианством и неокантианством у В. Н. Белова и А. С. Перепечиной проходит по отношению к букве, и схема статьи добавляет к ней метод и проблематику.

Из материала следует и менее очевидный результат. Если искать внимание к самому нерву кантовского текста, то есть к трансцендентальному единству апперцепции, оно обнаруживается за пределами строгого неокантианства. В. С. Соловьев увидел в этом учении petitio principii, а С. Н. Булгаков по Дж. Милбанку упрекнул И. Канта в молчании об апперцепции там, где речь идет о пространстве и времени. В. С. Соловьева при этом Т. Немет исключает из движения, хотя и он, и Б. Н. Чичерин многое принимали в кантовской этике[41]. Выходит, что вопрос о дедукции задавали те, кого неокантианская историография не считает своими, а неокантианцы с юридическим и педагогическим образованием спрашивали о праве, ценностях и воспитании. Вывод осторожен, потому что опирается на ограниченный круг работ, а не на полный обзор текстов.

Модели соединяет посредничество И. Г. Фихте, которое незаметно при

[40] Козолупенко Д. П. «Монструозный Кант»: рецепция оснований трансцендентальной философии Канта в концепции Я. Э. Голосовкера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29. – № 2. – С. 400, 403, 407.
[41] Nemeth T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 4.

делении по школам. Б. В. Яковенко читает И. Г. Фихте как единого мыслителя, С. Н. Булгаков возвращается к проблемам, которые И. Г. Фихте решал после критики И. Канта, а Дж. Милбанк находит неявный возврат к И. Г. Фихте у самого Г. Когена[42]. Т. Немет поэтому, вероятно, прав в одном. Значительная часть русского движения действительно была неонеокантианской, что говорит скорее о дороге, чем о слабости, потому что И. Кант не напрямую приходил в Россию. В. Н. Белов и А. С. Перепечина замечают то же, когда напоминают, что в России не было европейской последовательности кантианства, идеализма и возврата к И. Канту[43].

Отвержение И. Канта не означало незнания. П. А. Флоренский отдал «Критике чистого разума» большую часть экзаменационных вопросов, Н. О. Лосский взялся переводить ее, чтобы преодолеть критицизм, В. С. Соловьев в энциклопедической статье разобрал учение о единстве сознания. А. Н. Круглов и Д. П. Козолупенко приходят к сходному выводу с разных сторон. Первый считает стилизацией традицию восприятия И. Канта, которую связывают с именами В. Н. Карпова, Никанора и П. А. Флоренского, а второй показывает на примере Я. Э. Голосовкера, как схема и карикатура становятся направляющим образом И. Канта. Различие между моделями поэтому не совпадает с делением на сторонников и противников.

Перспективы дальнейших исследований. Перспективными кажутся четыре направления. Первое состоит в чтении трансцендентальной дедукции в русских текстах, в том числе неакадемических, потому что гипотеза о ее обсуждении вне неокантианства требует проверки по первоисточникам. Второе касается русского зарубежья, об отношении которого к И. Канту, по словам Н. А. Дмитриевой, известно совсем мало[44]. Третье состоит в сравнении с другими православными странами и католической и протестантской рецепцией.

[42] Милбанк Дж. Сергей Булгаков: от грамматики к премудрости / пер. с англ. Г. Д. Мурина // Отечественная философия. – 2026. – Т. 4. – № 1. – С. 81.
[43] Belov V. N., Perepechina A. S. What is Russian Neo-Kantianism: Problems of Definition // Geltung: Journal of Studies on the Origins of Contemporary Philosophy. – 2025. – Vol. 4. – No. 1. – P. 13.
[44] Дмитриева Н. А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 58.

А. Н. Круглов называет такие страны, как Сербия, Болгария и Греция, и сожалеет, что нет тома «Кант и православие» по образцу сборника «Кант и католицизм»[45]. Четвертое касается архивов. Н. А. Дмитриева указывает на конспекты лекционных курсов, малотиражные издания и архивные материалы, без которых рецепция И. Канта в России не будет изучена полно[46].

Заключение. Главный итог касается основания сравнения. Деление на сторонников и противников И. Канта объясняет мало, потому что самые резкие критики читали его внимательнее других. Различие моделей проходит по тому, что именно в И. Канте считают живым, букву, метод или проблему, и по тому, откуда на него смотрят, с кафедры, из храма, из партии или из эмиграции.

Принадлежность автора к модели подвижна. А. И. Введенский, Н. О. Лосский, С. И. Гессен и Г. В. Плеханов оказываются сразу в нескольких клетках, поэтому типология полезна как набор вопросов к тексту. Для историков это означает, что в каждом утверждении о близости к И. Канту или удаленности от него стоит называть критерий, по которому оно сделано. Ограничения работы очевидны. Она опирается на ограниченный круг литературы и на три первоисточника, поэтому выводы о частных сюжетах придется проверять по архивам и по полным текстам.

Список литературы

1. Бабина, Д. А. Аналитические и синтетические суждения: критицизм И. Канта и интуитивизм Н. О. Лосского / Д. А. Бабина, Е. В. Сердюкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 388–402.

2. Белов, В. Н. Трансцендентальная философия в России: Кант и неокантианство / В. Н. Белов // Философский журнал. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 63–69.

[45] Круглов А. Н. Общее состояние исследований рецепции Канта в русской религиозной философии и его проблемы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2024. – Вып. 115. – С. 43.

[46] Дмитриева Н. А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 56.

3. Введенский, А. И. Учение Канта о пространстве: разъяснение и критика. Окончание / А. И. Введенский // Богословский вестник. – 1895. – Т. 3, № 7. – С. 73–102.

4. Дмитриева, Н. А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны / Н. А. Дмитриева // Философский журнал. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 53–62.

5. Дмитриева, Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России: историко-философские очерки / Н. А. Дмитриева. – Москва: РОССПЭН, 2007. – 511 с.

6. Загирняк, М. Ю. Социальная педагогика Пауля Наторпа в аксиологическом историзме Сергея Гессена / М. Ю. Загирняк // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29, № 1. – С. 119–132.

7. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. О. Лосского; с вариантами переводов на русский и европейские языки; отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В. А. Жучков. – Москва: Наука, 1999. – 655 с.

8. Козолупенко, Д. П. «Монструозный Кант»: рецепция оснований трансцендентальной философии Канта в концепции Я. Э. Голосовкера / Д. П. Козолупенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29, № 2. – С. 398–419.

9. Колеров, М. А. Русский политический Кант после либерализма: С. И. Гессен о юбилее Канта в 1924 году / М. А. Колеров // Кантовский сборник. – 2024. – Т. 43, № 2. – С. 152–159.

10. Корнилаев, Л. Ю. Аксиологические основания социального в философии П. И. Новгородцева / Л. Ю. Корнилаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30, № 1. – С. 207–217.

11. Корнилаев, Л. Ю. Идеи Фихте в философских учениях русских неокантианцев / Л. Ю. Корнилаев // Кантовский сборник. – 2025. – Т. 44, № 2. – С. 101–126.

12. Круглов, А. Н. Общее состояние исследований рецепции Канта в русской религиозной философии и его проблемы / А. Н. Круглов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I:

Богословие. Философия. Религиоведение. – 2024. – Вып. 115. – С. 34–47.

13. Милбанк, Дж. Сергей Булгаков: от грамматики к премудрости / Дж. Милбанк; пер. с англ. Г. Д. Мурина // Отечественная философия. – 2026. – Т. 4, № 1. – С. 77–99.

14. Рожин, Д. О. Алексей Иванович Введенский: между кантианством и неокантианством / Д. О. Рожин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29, № 4. – С. 1204–1222.

15. Рожин, Д. О. О значении кантовской философии для П. А. Флоренского в ранний период его творчества / Д. О. Рожин // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 246–272.

16. Румянцева, Т. Г. Плеханов как «защитник» Канта от неокантианцев / Т. Г. Румянцева // Кантовский сборник. – 2025. – Т. 44, № 1. – С. 89–106.

17. Соловьев, В. С. Кант / В. С. Соловьев // Сочинения: в 2 т. / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца [и др.]; АН СССР, Ин-т философии. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 441–479.

18. Belov, V. N. What is Russian Neo-Kantianism: Problems of Definition / V. N. Belov, A. S. Perepechina // Geltung: Journal of Studies on the Origins of Contemporary Philosophy. – 2025. – Vol. 4, No. 1. – P. 1–17.

19. Nemeth, T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution / T. Nemeth. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – IX, 345 p.

References

1. Babina, D. A. Analiticheskie i sinteticheskie suzhdeniya: krititsizm I. Kanta i intuitivizm N. O. Losskogo / D. A. Babina, E. V. Serdyukova // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. – 2024. – T. 28, № 2. – S. 388–402.

2. Belov, V. N. Transtsendental'naya filosofiya v Rossii: Kant i neokantianstvo / V. N. Belov // Filosofskii zhurnal. – 2025. – T. 18, № 2. – S. 63–69.

3. Vvedenskii, A. I. Uchenie Kanta o prostranstve: raz"yasnenie i kritika. Okonchanie / A. I. Vvedenskii // Bogoslovskii vestnik. – 1895. – T. 3, № 7. – S. 73–102.

4. Dmitrieva, N. A. Kant v Rossii: temy, problemy, lakuny / N. A. Dmitrieva // Filosofskii zhurnal. – 2025. – T. 18, № 2. – S. 53–62.

5. Dmitrieva, N. A. Russkoe neokantianstvo: «Marburg» v Rossii: istoriko-filosofskie ocherki / N. A. Dmitrieva. – Moskva: ROSSPEN, 2007. – 511 s.

6. Zagirnyak, M. Yu. Sotsial'naya pedagogika Paulya Natorpa v aksiologicheskom istorizme Sergeya Gessena / M. Yu. Zagirnyak // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. – 2025. – T. 29, № 1. – S. 119–132.

7. Kant, I. Kritika chistogo razuma / I. Kant; per. s nem. N. O. Losskogo; s variantami perevodov na russkii i evropeiskie yazyki; otv. red., sost. i avt. vstup. st. V. A. Zhuchkov. – Moskva: Nauka, 1999. – 655 s.

8. Kozolupenko, D. P. «Monstruoznyi Kant»: retseptsiya osnovanii transtsendental'noi filosofii Kanta v kontseptsii Ya. E. Golosovkera / D. P. Kozolupenko // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. – 2025. – T. 29, № 2. – S. 398–419.

9. Kolerov, M. A. Russkii politicheskii Kant posle liberalizma: S. I. Gessen o yubilee Kanta v 1924 godu / M. A. Kolerov // Kantovskii sbornik. – 2024. – T. 43, № 2. – S. 152–159.

10. Kornilaev, L. Yu. Aksiologicheskie osnovaniya sotsial'nogo v filosofii P. I. Novgorodtseva / L. Yu. Kornilaev // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. – 2026. – T. 30, № 1. – S. 207–217.

11. Kornilaev, L. Yu. Idei Fikhte v filosofskikh ucheniyakh russkikh neokantiantsev / L. Yu. Kornilaev // Kantovskii sbornik. – 2025. – T. 44, № 2. – S. 101–126.

12. Kruglov, A. N. Obshchee sostoyanie issledovanii retseptsii Kanta v russkoi religioznoi filosofii i ego problemy / A. N. Kruglov // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. – 2024. – Vyp. 115. – S. 34–47.

13. Milbank, Dzh. Sergei Bulgakov: ot grammatiki k premudrosti / Dzh. Milbank; per. s angl. G. D. Murina // Otechestvennaya filosofiya. – 2026. – T. 4, № 1. – S. 77–99.

14. Rozhin, D. O. Aleksei Ivanovich Vvedenskii: mezhdu kantianstvom i neokantianstvom / D. O. Rozhin // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. – 2025. – T. 29, № 4. – S. 1204–1222.

15. Rozhin, D. O. O znachenii kantovskoi filosofii dlya P. A. Florenskogo v rannii period ego tvorchestva / D. O. Rozhin // Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. – 2026. – T. 10, № 1. – S. 246–272.

16. Rumyantseva, T. G. Plekhanov kak «zashchitnik» Kanta ot neokantiantsev / T. G. Rumyantseva // Kantovskii sbornik. – 2025. – T. 44, № 1. – S. 89–106.

17. Solov'ev, V. S. Kant / V. S. Solov'ev // Sochineniya: v 2 t. / obshch. red. i sost. A. V. Gulygi, A. F. Loseva; primech. S. L. Kravtsa [i dr.]; AN SSSR, In-t filosofii. – Moskva: Mysl', 1988. – T. 2. – S. 441–479.

18. Belov, V. N. What is Russian Neo-Kantianism: Problems of Definition / V. N. Belov, A. S. Perepechina // Geltung: Journal of Studies on the Origins of Contemporary Philosophy. – 2025. – Vol. 4, No. 1. – P. 1–17.

19. Nemeth, T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution / T. Nemeth. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – IX, 345 p.

Статья поступила в редакцию 16.07.2026; одобрена после рецензирования 02.09.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 16.07.2026; approved after reviewing 02.09.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Научная статья
УДК 123:17

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ СВОБОДЫ ОТ МОРАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ К НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА И Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ

Никитина Таисия Сергеевна, кандидат философских наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, Москва, nikitina_t@mail.ru

Аннотация. В статье прослеживается, как меняется понятие свободы при переходе от практической философии И. Канта к философии права Г. В. Ф. Гегеля. Цель статьи состоит в том, чтобы определить, в какой точке и по какой причине моральная автономия воли перестает быть для Г. В. Ф. Гегеля полной формой свободы и уступает место нравственной жизни, то есть семье, гражданскому обществу и государству. Материалом служат основные сочинения обоих философов и десять научных работ, которые вышли с 2024 по 2026 год. Автор использует историко-философскую реконструкцию, сравнительный и герменевтический анализ. Анализ показывает, что уже у И. Канта автономия не замыкается на себе, потому что учение о высшем благе и учение о праве требуют условий осуществления свободы. Г. В. Ф. Гегель сохраняет принцип самоопределения воли, но переносит вопрос с оправдания закона на определение обязанностей и на условия их исполнения. Спор о кантовском формализме отчасти держится на разном смысле слова определение, а упрек в принудительном характере права задевает двух философов неодинаково. Нравственная жизнь у Г. В. Ф. Гегеля достраивает моральную автономию и не отменяет ее.

Ключевые слова: автономия воли; нравственность; социальная свобода; формализм; философия права; Кант; Гегель

Original article

THE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF FREEDOM FROM MORAL AUTONOMY TO ETHICAL LIFE IN THE PHILOSOPHY OF IMMANUEL KANT AND G. W. F. HEGEL

Nikitina Taisiia Sergeevna, Candidate of Philosophical Sciences, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Moscow, Russia, nikitina_t@mail.ru

Abstract. The article traces how the concept of freedom changes between the practical philosophy of Immanuel Kant and the philosophy of right of G. W. F. Hegel. The aim is to determine at what point and why the moral autonomy of the will ceases to be, for G. W. F. Hegel, a complete form of freedom and gives way to ethical life. The material consists of the main works of both philosophers and ten scholarly studies of 2024 to 2026. The methods are historical and philosophical reconstruction, comparative analysis and hermeneutic reading. The analysis shows that already in I. Kant autonomy does not close upon itself, since the doctrine of the highest good and the doctrine of right require conditions for the realization of freedom. G. W. F. Hegel keeps the principle of self-determination of the will, but shifts the question from the justification of the law to the determination of duties and the conditions of their fulfilment. The dispute about Kantian formalism partly rests on different meanings of the word determination, and the charge that law rests on coercion affects the two philosophers unequally. In G. W. F. Hegel, ethical life completes moral autonomy and does not abolish it.

Keywords: autonomy of the will; ethical life; social freedom; formalism; philosophy of right; Kant; Hegel

Введение. Свободу в немецкой классической философии обычно делят между двумя именами. И. Кант считается мыслителем внутренней свободы, которую проверяет совесть отдельного человека, а Г. В. Ф. Гегель мыслителем

государства, где свобода получает плоть. Для учебника представленное деление удобно, но с текстами она плохо согласуется. Г. В. Ф. Гегель называет почвой права свободную волю, а систему права царством, где свобода стала действительностью[47]. Критик берет у своего оппонента исходное понятие и строит на нем собственное здание.

Хронология важна. «Основы метафизики нравственности» вышли в 1785 году, «Критика практического разума» в 1788 году, а единственный печатный труд И. Канта по праву появился только в 1797 году[48]. «Философия права» Г. В. Ф. Гегеля вышла в 1821 году[49]. Между двумя трактатами по праву лежит менее четверти века, и за незначительное время свобода поменяла место. У И. Канта она служит основанием морального закона, а у Г. В. Ф. Гегеля становится содержанием права, государства и истории.

Вопрос статьи состоит в том, что изменилось в понятии свободы при переходе от моральной автономии к нравственной жизни, было ли это отказом от кантовского принципа или его достройкой и какие доводы в пользу каждого ответа выдерживают проверку текстами. Цель работы состоит в том, чтобы выбрать из конкурирующих объяснений то, которое лучше согласуется с источниками. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1) восстановить кантовское понятие свободы в моральном и правовом пониманиях;

2) изложить гегелевскую критику понятия свободы вместе с возражениями против нее;

3) сопоставить оба понятия по единым критериям.

Новизна работы состоит в том, что она объединяет спор о формализме, спор о принуждении в праве и спор о социальной свободе, которые обычно рассматриваются обособленно друг от друга.

Обзор литературы. Имеющуюся литературу можно разделить на три

[47] Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. – Москва: Мысль, 1990. – С. 67.
[48] Круглов А. Н. Кант и Гегель: естественное право или философия права? // Философский журнал. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 41.
[49] Там же. – С. 48

группы. Первая группа посвящена кантовской свободе. Н. Весич и Дж. Вукашинович защищают традиционное прочтение, по которому политическая свобода опирается на моральную, и спорят с А. Вудом и М. Виллашеком, которые не выводят право из морали[50]. И. Е. Лапшин переносит вопрос в область религии. Автономия практического разума делает этику независимой от религии, но учение о высшем благе требует закона, по которому счастье соразмерно добродетели, и надежду на такой закон дает мысль о божественном законодателе[51]. Г. А. Шилина в обзоре книги Г. Праусса излагает критический взгляд. Из двух вариантов кантовской теории свободы законодатели взяли первый, а он опирается на принуждение личности к исполнению долга[52].

Вторая группа объясняет гегелевский поворот. И. К. Кукушкин считает кантианство бернского Г. В. Ф. Гегеля реальным, но сугубо инструментальным[53]. В. И. Коротких спрашивает, почему в системе Г. В. Ф. Гегеля нет отдельной этики, и ищет ответ в «Феноменологии духа»[54]. А. Н. Круглов доказывает, что кантовский трактат о праве и гегелевскую «Философию права» их авторы и современники считали сочинениями по естественному праву, и поэтому не следует противопоставлять естественное право и философию права[55].

Третья группа обсуждает переход. В. Вирсма оспаривает влиятельное прочтение, по которому теория признания разрешает у Г. В. Ф. Гегеля парадокс автономии[56]. В. Л. Афанасьевский видит в обоих философах представителей одного правового дискурса и находит различие в том, что Г. В. Ф. Гегель выводит

[50] Vesić N., Vukašinović Đ. Revisiting Kant's Conception of Political Freedom and Its Relation to the Practical Concept of Freedom from the Groundwork of the Metaphysics of Morals // Philosophies. – 2025. – Vol. 10, no. 5. – Art. 107. – P. 7.
[51] Лапшин И. Е. Проблема морального отчаяния в контексте морального теизма И. Канта // Этическая мысль. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 67.
[52] Шилина Г. А. Обзор книги Герольда Праусса «Мораль и право в государстве по Канту и Гегелю» (Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel) // Личность. Культура. Общество. – 2025. – Т. 27, № 4. – С. 234.
[53] Кукушкин И. К. О бернском кантианстве Гегеля // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2025. – Т. 49, № 6. – С. 50.
[54] Коротких В. И. Нравственность в царстве духа: к вопросу о специфике осмысления этической проблематики в философии Гегеля // Философский журнал. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 22.
[55] Круглов А. Н. Кант и Гегель: естественное право или философия права? // Философский журнал. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 40.
[56] Wiersma W. Hegel, Autonomy, and Social Freedom // Hegel Bulletin. – 2026. – First View. – P. 1.

свободу индивида в общество и государство[57]. А. К. Судаков считает гегелевский упрек И. Канту в формализме результатом недоразумения[58].

Ни одна из изученных работ не сопоставляет по общим критериям кантовские автономию, внешнюю свободу и высшее благо с гегелевскими личной, моральной и социальной свободой. Выявленный пробел и определяет замысел статьи.

Методы исследования. Материал статьи составили тексты двух видов. К первому относятся сочинения И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля в русских изданиях. Для анализа были отобраны «Основы метафизики нравственности», «Критика практического разума» и «Метафизические начала учения о праве» в шеститомнике 1965 года, «Философия права» в издании 1990 года и «Феноменология духа» в переводе Г. Г. Шпета. Ко второму виду относятся десять статей, которые вышли с 2024 по 2026 год. Книга Г. Праусса привлекается только в пересказе Г. А. Шилиной.

Работа опирается на три метода. Историко-философская реконструкция помогает установить, на какой вопрос отвечает автор в каждом тексте. Сравнительный анализ ведется по критериям определения свободы, отношения к принуждению, роли общности в исполнении долга и способу получения определенных обязанностей. Герменевтическое чтение мы применяем к ключевым местам, прежде всего к § 4, 29, 135, 142 и 149 «Философии права» и к разделам «Основ» о принципе автономии. Слабое место подхода в том, что работа идет с переводами, и поэтому спорные термины сверяются со статьями, в которых цитируется немецкий текст.

Результаты. *И. Кант. Автономия и внешняя свобода*. Автономию воли И. Кант определяет следующим образом. «Автономия воли есть такое свойство воли, благодаря которому она сама для себя закон (независимо от каких бы то ни

[57] Афанасьевский В. Л. Философские основания формирования рационалистического правового дискурса в эпоху Нового времени // Вестник Самарского юридического института. – 2025. – № 5 (66). – С. 15.
[58] Судаков А. К. Миф и правда о кантовском «формализме», или Эта невнятная форма максимы // Этическая мысль. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 68.

было свойств предметов воления)»[59]. Третий раздел «Основ» открывается тезисом, что понятие свободы служит ключом к автономии. Сначала свобода получает негативное определение как независимость от посторонних причин, а затем из него выводится положительное понятие, которое богаче по содержанию[60]. Вторая «Критика» уточняет порядок зависимости. Свобода есть основание существования морального закона, а моральный закон есть основание познания свободы[61].

Правовое понимание свободы И. Кант строит иначе. Всеобщий принцип права требует, чтобы произвол каждого мог существовать вместе со свободой всех остальных по общему закону. Принуждение допустимо там, где оно противодействует препятствию свободе, и потому право можно понимать возможностью взаимного принуждения, которое согласуется со свободой каждого[62].

Как представленные два понимания соединяются, Н. Весич и Дж. Вукашинович показывают на бытовых примерах. Обязанность вернуть заем одинакова по содержанию, но человек может вернуть деньги потому, что дал слово, и тогда обязанность принадлежит внутреннему законодательству. Он может вернуть их и из страха наказания по положительному закону, и тогда обязанность внешняя. Квитанция в обувном магазине не обязательно входит в этическое законодательство, но невыдача квитанции равна обману, и поэтому обязанность косвенно становится этической[63].

Г. Праусс в изложении Г. А. Шилиной читает похожий материал по-другому. И. Кант различает действие против долга, по долгу и сообразно с долгом, а в качестве третьего случая приводит купца, который не обманывает покупателей, хотя мог бы, из страха убытков. Нравственность уступает место

[59] Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения: в 6 т. – Москва: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – С. 283.
[60] Там же. – С. 289
[61] Кант И. Критика практического разума // Сочинения: в 6 т. – Москва: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – С. 314.
[62] Кант И. Метафизические начала учения о праве // Сочинения: в 6 т. – Москва: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 2. – С. 140, 141.
[63] Vesić N., Vukašinović Đ. Revisiting Kant's Conception of Political Freedom and Its Relation to the Practical Concept of Freedom from the Groundwork of the Metaphysics of Morals // Philosophies. – 2025. – Vol. 10, no. 5. – Art. 107. – P. 5.

честности, и Г. Праусс видит в этом утрату нравственностью статуса сверхзакона[64]. Н. Весич и Дж. Вукашинович используют различие мотивов, чтобы показать связь морали и права, а Г. Праусс видит в нем трещину. В. Л. Афанасьевский занимает промежуточную позицию. Государство у И. Канта есть реализация категорического императива в межличностных отношениях, но эти отношения нельзя определять одними мотивами морали, и потому право становится принуждением, которое все же служит свободе[65].

И. Е. Лапшин напоминает, что в «Критике способности суждения» И. Кант рисует образ добропорядочного атеиста и представляет в этой роли Б. Спинозу. Человек бескорыстно делает добро, но заранее знает, что обман, насилие и зависть будут преследовать его, а болезни и безвременная смерть не пощадят других честных людей[66]. Выходит, что даже автономная воля нуждается в гарантии достижимости своей цели, и И. Кант ищет эту гарантию в Боге как моральном законодателе. И. К. Кукушкин показывает, что молодой Г. В. Ф. Гегель в «Жизни Иисуса» идет другим путем. Царство Божие там держится не на верховном законодателе, а на самом человеке, который причастен божественному через разум[67].

Критика формализма и спор о ней. Г. В. Ф. Гегель принимает автономию как отправную точку. В примечании к § 135 он признает, что кантовская мысль о бесконечной автономии воли дала пониманию воли прочное основание. Но без перехода к нравственности, по его оценке, этика превращается в пустую форму, а наука о ней сводится к рассуждениям о долге ради самого долга. Из определения долга как отсутствия противоречия нельзя вывести ни одной особенной обязанности[68].

[64] Шилина Г. А. Обзор книги Герольда Праусса «Мораль и право в государстве по Канту и Гегелю» (Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel) // Личность. Культура. Общество. – 2025. – Т. 27, № 4. – С. 239.
[65] Афанасьевский В. Л. Философские основания формирования рационалистического правового дискурса в эпоху Нового времени // Вестник Самарского юридического института. – 2025. – № 5 (66). – С. 14.
[66] Лапшин И. Е. Проблема морального отчаяния в контексте морального теизма И. Канта // Этическая мысль. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 70.
[67] Кукушкин И. К. О бернском кантианстве Гегеля // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2025. – Т. 49, № 6. – С. 49.
[68] Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. – Москва: Мысль, 1990. – С. 176.

В. Вирсма показывает аргумент на двух примерах. Первый пример В. Вирсма берет у И. Канта. Максима отрицать вклад, на который нет расписки, разрушила бы себя, потому что вкладов тогда не существовало бы. Г. В. Ф. Гегель спрашивает, в чем тогда противоречие, если вкладов нет. Противоречие появляется, только если заранее признать, что вклады должны быть. Второй пример касается максимы помогать бедным. При всеобщей помощи бедных не останется, при всеобщей бедности помогать будет некому, и в обоих случаях максима уничтожает себя[69]. Вывод Г. В. Ф. Гегеля состоит в том, что один тест не определяет долг без нормативного содержания, которое уже есть до проверки.

А. К. Судаков возражает на другом уровне. Он считает, что Г. В. Ф. Гегель смешал логическую форму максимы, которая указывает средства к цели, с практической формой, которая представляет способ самоопределения воли к действию. Пример дает И. Кант. Предписания врачу, как надежно вылечить больного, и составителю ядов, как надежнее убить, равноценны по логической форме, потому что оба помогают исполнить намерение[70]. Нравственное различие между ними лежит в практической форме, которую логический критерий не улавливает. Столкновение позиций оказывается не лобовым. В. Вирсма сознательно оставляет открытым вопрос, насколько справедлив упрек в формализме[71]. А. К. Судаков замечает, что Г. В. Ф. Гегель понимает определение теоретически, как работу мысли, а И. Кант практически, как акт свободы[72].

В. И. Коротких объясняет гегелевский поворот без оценки И. Канта. В иенских набросках 1805 и 1806 годов Г. В. Ф. Гегель пишет о непроницаемости самосознания для взгляда, который оно обращает на себя [73] . Поэтому «Феноменология духа» переходит к деятельности самосознания в социальном окружении, а опыт книги, по формулировке В. И. Коротких, доказывает, что

[69] Wiersma W. Hegel, Autonomy, and Social Freedom // Hegel Bulletin. – 2026. – First View. – P. 13.
[70] Судаков А. К. Миф и правда о кантовском «формализме», или Эта невнятная форма максимы // Этическая мысль. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 77.
[71] Wiersma W. Hegel, Autonomy, and Social Freedom // Hegel Bulletin. – 2026. – First View. – P. 13.
[72] Судаков А. К. Миф и правда о кантовском «формализме», или Эта невнятная форма максимы // Этическая мысль. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 72.
[73] Коротких В. И. Нравственность в царстве духа: к вопросу о специфике осмысления этической проблематики в философии Гегеля // Философский журнал. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 24.

«недопустимо разрывать социально-историческое бытие и нравственное сознание»[74]. В той же книге Г. В. Ф. Гегель описывает моральное мировоззрение как постулат гармонии долга и действительности, то есть как ту задачу, которую И. Кант связывал с высшим благом[75].

Нравственная жизнь как осуществление свободы. Новое понятие свободы Г. В. Ф. Гегель закрепляет в определении права. Право он определяет наличным бытием свободной воли. В примечании к тому же параграфу он называет кантовское определение права отчасти негативным, потому что оно описывает ограничение моей свободы условием совместимости со свободой другого и ничего не говорит о содержании[76]. Нравственность Г. В. Ф. Гегель определяет в § 142 как идею свободы в виде живого добра и добавляет, что «нравственность есть понятие свободы, ставшее наличным миром и природой самосознания»[77].

Нравственный дух проходит ступени гражданского общества и государства. Семья держится на любви, и умонастроение в ней состоит в том, что человек сознает себя членом единства.[78] Государство Г. В. Ф. Гегель называет действительностью определенной свободы. В нем отдельная личность и ее частные интересы развиваются в полную силу, получают признание и в то же время сами выходят к общему интересу[79]. Обязанность меняет смысл. Для И. Канта долг противостоит склонности, а Г. В. Ф. Гегель в § 149 утверждает, что в обязанности индивид находит свое освобождение от власти природных влечений и от неопределенной субъективности[80].

В. Вирсма опирается на Ф. Нойхаузера и различает в «Философии права» три формы свободы. Личная свобода является способностью выбирать между целями, моральная свобода есть способность выбирать цели по принципам,

[74] Там же. – С. 31.
[75] Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. – Москва: Наука, 2000. – С. 306.
[76] Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. – Москва: Мысль, 1990. – С. 89.
[77] Там же. – С. 200.
[78] Там же.– С. 208.
[79] Там же.– С. 286.
[80] Там же.– С. 203.

которые исходят от самого субъекта, а социальная свобода есть общественный порядок, при котором первые две формы действуют на деле. Социальная свобода не заменяет прежние формы, а предполагает и завершает их[81].

Исторический масштаб добавляет М. Ф. Быкова. По Г. В. Ф. Гегелю, восточные народы еще не знают свободы, граждане Греции и Рима знали ее частично, потому что пользовались трудом рабов, а в германском мире свобода принадлежит человеку как таковому[82]. И. К. Кукушкин замечает, что в бернском сочинении рациональная мораль при столкновении с действительностью проигрывает, а разграничение моральности и нравственности появляется только в 1800-е годы[83].

Обсуждение полученных результатов. Результаты можно сопоставить с четырьмя прочтениями перехода. Первое видит в нем замену одной модели свободы другой. Г. Праусс в изложении Г. А. Шилиной напоминает, что Г. В. Ф. Гегель называет абстрактное право принудительным, а государство, по его словам, стремится стать независимым от воли индивида и превращается в машину, то есть в систему внешних зависимостей[84]. Второе прочтение видит достройку, и его представляют В. Вирсма и В. И. Коротких. Третье ищет корни поворота в ранних текстах, и за него стоит И. К. Кукушкин. Четвертое, которого придерживается А. К. Судаков, оспаривает повод для расхождения. Тексты говорят в пользу второго прочтения, но с тремя поправками.

Первая поправка касается парадокса автономии. Т. Пинкард формулирует его так, что принять принцип можно только по причине, а причина, которая существовала раньше принципа, уже не налагается субъектом[85]. Примечания к § 135 и § 149 показывают, что Г. В. Ф. Гегель решает другую задачу. Его интересует, откуда берутся конкретные обязанности и как воля их исполняет.

[81] Wiersma W. Hegel, Autonomy, and Social Freedom // Hegel Bulletin. – 2026. – First View. – P. 15.
[82] Быкова М. Ф. О реальном содержании философии истории Гегеля: попытка демистификации // Историко-философский ежегодник. – 2025. – Т. 40. – С. 207.
[83] Кукушкин И. К. О бернском кантианстве Гегеля // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2025. – Т. 49, № 6. – С. 51.
[84] Шилина Г. А. Обзор книги Герольда Праусса «Мораль и право в государстве по Канту и Гегелю» (Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel) // Личность. Культура. Общество. – 2025. – Т. 27, № 4. – С. 243.
[85] Wiersma W. Hegel, Autonomy, and Social Freedom // Hegel Bulletin. – 2026. – First View. – P. 3.

Социальное понимание свободы отвечает на поставленный вопрос, и парадокс для такого ответа не нужен. В. Вирсма убедительнее тех, кто видит в признании средство против парадокса.

Вторая поправка касается формализма. Довод А. К. Судакова сужает первое прочтение, потому что снимает обвинение в пустоте кантовского закона. Но практическая форма максимы, как ее описывает А. К. Судаков, представляет способ самоопределения воли и не дает перечня обязанностей для человека, который одновременно член семьи, участник рынка и гражданин. На такой перечень отвечает гегелевская нравственность. Необходимо обратить внимание, что кантовское учение о добродетели, где разбирается больше обязанностей, в нашем материале не рассматривалось, и поэтому вопрос остается открытым.

Третья поправка касается принуждения. Упрек Г. Праусса неодинаково задевает двух философов. У И. Канта принуждение имеет строгую роль, и по Н. Весичу и Дж. Вукашиновичу оно уместно только там, где действие определяет не воля[86]. Г. В. Ф. Гегель признает принудительность абстрактного права, но государство, как напоминает Г. А. Шилина, не может обойтись без убеждений граждан и опирается на религию[87]. Принуждение у него остается низшим слоем, а не сущностью государства. Неудобный вопрос Г. Праусса сохраняется, потому что человек, воля которого не совпадает с волей государства, не получает признания и остается несвободным[88].

Остается гарантия осуществления свободы. И. Кант удерживает Бога как законодателя, который обеспечивает соразмерность счастья и добродетели, но И. Е. Лапшин показывает, что его решение не единственное, ведь соразмерность может поддерживать и естественно-телеологический механизм[89]. Г. В. Ф. Гегель переносит гарантию в общественный порядок, но от религии как опоры

[86] Vesić N., Vukašinović Đ. Revisiting Kant's Conception of Political Freedom and Its Relation to the Practical Concept of Freedom from the Groundwork of the Metaphysics of Morals // Philosophies. – 2025. – Vol. 10, no. 5. – Art. 107. – P. 7.
[87] Шилина Г. А. Обзор книги Герольда Праусса «Мораль и право в государстве по Канту и Гегелю» (Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel) // Личность. Культура. Общество. – 2025. – Т. 27, № 4. – С. 244.
[88] Там же. – С. 252.
[89] Лапшин И. Е. Проблема морального отчаяния в контексте морального теизма И. Канта // Этическая мысль. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 75.

нравственности не отказывается. Выводы имеют границы, потому что мы читали переводы и знакомились с книгой Г. Праусса по обзору.

Перспективы дальнейших исследований. Перспективы относятся к трем задачам. Первая состоит в проверке нашего прочтения на «Энциклопедии философских наук» и на лекционных курсах Г. В. Ф. Гегеля, среди которых А. Н. Круглов выделяет курс 1824 и 1825 годов, который Г. В. Ф. Гегель начал с объяснения двойного названия трактата [90] . Вторая задача состоит в сопоставлении перечня обязанностей в кантовском учении о добродетели с гегелевскими обязанностями семьи, гражданского общества и государства. Третья задача лежит в области права. Г. Праусс связывает немецкое законодательство с первым вариантом кантовской теории свободы, и изучение того, как предполагаемая связь действует в современных нормах, потребует отдельного юридико-философского исследования.

Заключение. Три сюжета из работ, которые мы разобрали, служат пробными случаями для общей схемы перехода. Заем и квитанция у Н. Весича и Дж. Вукашиновича показывают, что один поступок может принадлежать этике и праву, смотря по мотиву, и потому кантовское разделение внутренней и внешней свободы не равно разрыву. Вклад и помощь бедным у В. Вирсмы показывают, что гегелевский довод бьет по способу проверки максим, а не по самой автономии. Врач и составитель ядов у А. К. Судакова показывают, что кантовский критерий различает поступки там, где логический не справляется.

Вместе указанные случаи изменяют привычную картину. Г. В. Ф. Гегеля нельзя излагать как противника автономии, а И. Канта как мыслителя, которого занимает только внутренняя жизнь. Открытым остается вопрос Г. Праусса о человеке, воля которого расходится с волей государства, и его удобнее ставить на материале кантовского учения о добродетели и гегелевских лекций.

Список литературы

1. Афанасьевский, В. Л. Философские основания формирования

[90] Круглов А. Н. Кант и Гегель: естественное право или философия права? // Философский журнал. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 48.

рационалистического правового дискурса в эпоху Нового времени / В. Л. Афанасьевский // Вестник Самарского юридического института. – 2025. – № 5 (66). – С. 9–15. – DOI 10.37523/SUI.2025.66.5.001.

2. Быкова, М. Ф. О реальном содержании философии истории Гегеля: попытка демистификации / М. Ф. Быкова // Историко-философский ежегодник. – 2025. – Т. 40. – С. 175–221. – DOI 10.21146/0134-8655-2025-40-175-221.

3. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. Г. Г. Шпета; отв. ред. М. Ф. Быкова. – Москва: Наука, 2000. – 495 с.

4. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем.; вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянца; АН СССР, Институт философии. – Москва: Мысль, 1990. – 524 с.

5. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант // Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – Москва: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – С. 311–504.

6. Кант, И. Метафизические начала учения о праве / И. Кант // Сочинения: в 6 т. – Москва: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 2. – С. 109–304.

7. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант // Сочинения: в 6 т. – Москва: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – С. 219–310.

8. Коротких, В. И. Нравственность в царстве духа: к вопросу о специфике осмысления этической проблематики в философии Гегеля / В. И. Коротких // Философский журнал. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 21–34. – DOI 10.21146/2072-0726-2024-17-1-21-34.

9. Круглов, А. Н. Кант и Гегель: естественное право или философия права? / А. Н. Круглов // Философский журнал. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 40–56. – DOI 10.21146/2072-0726-2025-18-3-40-56.

10. Кукушкин, И. К. О бернском кантианстве Гегеля / И. К. Кукушкин // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2025. – Т. 49, № 6. – С. 38–54. – DOI 10.55959/MSU0201-7385-7-2025-6-38-54.

11. Лапшин, И. Е. Проблема морального отчаяния в контексте морального теизма

И. Канта / И. Е. Лапшин // Этическая мысль. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 67–79. – DOI 10.21146/2074-4870-2026-26-1-67-79.

12. Судаков, А. К. Миф и правда о кантовском «формализме», или Эта невнятная форма максимы / А. К. Судаков // Этическая мысль. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 68–82. – DOI 10.21146/2074-4870-2025-25-2-68-82.

13. Шилина, Г. А. Обзор книги Герольда Праусса «Мораль и право в государстве по Канту и Гегелю» (Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel) / Г. А. Шилина // Личность. Культура. Общество. – 2025. – Т. 27, № 4. – С. 234–254. – DOI 10.25991/3033-604X.2025.59.76.017.

14. Vesić, N. Revisiting Kant's Conception of Political Freedom and Its Relation to the Practical Concept of Freedom from the Groundwork of the Metaphysics of Morals / N. Vesić, Đ. Vukašinović // Philosophies. – 2025. – Vol. 10, no. 5. – Art. 107. – P. 1–9. – DOI 10.3390/philosophies10050107.

15. Wiersma, W. Hegel, Autonomy, and Social Freedom / W. Wiersma // Hegel Bulletin. – 2026. – First View. – P. 1–25. – DOI 10.1017/hgl.2026.10102.

References

1. Afanas'evskii, V. L. Filosofskie osnovaniya formirovaniya ratsionalisticheskogo pravovogo diskursa v epokhu Novogo vremeni / V. L. Afanas'evskii // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2025. – № 5 (66). – S. 9–15. – DOI 10.37523/SUI.2025.66.5.001.

2. Bykova, M. F. O real'nom soderzhanii filosofii istorii Gegelya: popytka demistifikatsii / M. F. Bykova // Istoriko-filosofskii ezhegodnik. – 2025. – T. 40. – S. 175–221. – DOI 10.21146/0134-8655-2025-40-175-221.

3. Gegel', G. V. F. Fenomenologiya dukha / G. V. F. Gegel'; per. s nem. G. G. Shpeta; otv. red. M. F. Bykova. – Moskva: Nauka, 2000. – 495 s.

4. Gegel', G. V. F. Filosofiya prava / G. V. F. Gegel'; per. s nem.; vstup. st. i primech. V. S. Nersesyantsa; AN SSSR, Institut filosofii. – Moskva: Mysl', 1990. – 524 s.

5. Kant, I. Kritika prakticheskogo razuma / I. Kant // Sochineniya: v 6 t. / pod obshch. red. V. F. Asmusa, A. V. Gulygi, T. I. Oizermana. – Moskva: Mysl', 1965. – T. 4, ch.

1. – S. 311–504.

6. Kant, I. Metafizicheskie nachala ucheniya o prave / I. Kant // Sochineniya: v 6 t. – Moskva: Mysl', 1965. – T. 4, ch. 2. – S. 109–304.

7. Kant, I. Osnovy metafiziki nravstvennosti / I. Kant // Sochineniya: v 6 t. – Moskva: Mysl', 1965. – T. 4, ch. 1. – S. 219–310.

8. Korotkikh, V. I. Nravstvennost' v tsarstve dukha: k voprosu o spetsifike osmysleniya eticheskoi problematiki v filosofii Gegelya / V. I. Korotkikh // Filosofskii zhurnal. – 2024. – T. 17, № 1. – S. 21–34. – DOI 10.21146/2072-0726-2024-17-1-21-34.

9. Kruglov, A. N. Kant i Gegel': estestvennoe pravo ili filosofiya prava? / A. N. Kruglov // Filosofskii zhurnal. – 2025. – T. 18, № 3. – S. 40–56. – DOI 10.21146/2072-0726-2025-18-3-40-56.

10. Kukushkin, I. K. O bernskom kantianstve Gegelya / I. K. Kukushkin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. – 2025. – T. 49, № 6. – S. 38–54. – DOI 10.55959/MSU0201-7385-7-2025-6-38-54.

11. Lapshin, I. E. Problema moral'nogo otchayaniya v kontekste moral'nogo teizma I. Kanta / I. E. Lapshin // Eticheskaya mysl'. – 2026. – T. 26, № 1. – S. 67–79. – DOI 10.21146/2074-4870-2026-26-1-67-79.

12. Sudakov, A. K. Mif i pravda o kantovskom «formalizme», ili Eta nevnyatnaya forma maksimy / A. K. Sudakov // Eticheskaya mysl'. – 2025. – T. 25, № 2. – S. 68–82. – DOI 10.21146/2074-4870-2025-25-2-68-82.

13. Shilina, G. A. Obzor knigi Gerol'da Praussa «Moral' i pravo v gosudarstve po Kantu i Gegelyu» (Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel) / G. A. Shilina // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. – 2025. – T. 27, № 4. – S. 234–254. – DOI 10.25991/3033-604X.2025.59.76.017.

14. Vesić, N. Revisiting Kant's Conception of Political Freedom and Its Relation to the Practical Concept of Freedom from the Groundwork of the Metaphysics of Morals / N. Vesić, Đ. Vukašinović // Philosophies. – 2025. – Vol. 10, no. 5. – Art. 107. – P. 1–9. – DOI 10.3390/philosophies10050107.

15. Wiersma, W. Hegel, Autonomy, and Social Freedom / W. Wiersma // Hegel

Bulletin. – 2026. – First View. – P. 1–25. – DOI 10.1017/hgl.2026.10102.

Статья поступила в редакцию 24.09.2026; одобрена после рецензирования 23.10.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 24.09.2026; approved after reviewing 23.10.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Научная статья
УДК 1(091):165.7

ОТ REGULAE К MEDITATIONES: ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДА И МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ У ДЕКАРТА

Кравченко Алексей Леонидович, кандидат философских наук, ассистент, Университет Дубна, Россия, Дубна, kravchenko.a@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется изменение эпистемологических оснований картезианского метода от «Правил для руководства ума» до «Размышлений о первой философии» и «Начал философии». Рассматривается характер преемственности между ранней концепцией рационального познания, основанной на интеллектуальной интуиции и дедукции, и зрелой метафизикой, связывающей достоверность знания с природой мыслящего субъекта и существованием Бога. Источниковую основу составляют произведения Декарта, его переписка с Мерсенном и возражения современников. Посредством историко-философской реконструкции и сравнительного анализа устанавливаются различия между непосредственной очевидностью познавательного акта и метафизическим обоснованием истинности ясных и отчётливых восприятий. Особое внимание уделено учению о простых природах, mathesis universalis, доктрине сотворённости вечных истин, положению cogito и проблеме картезианского круга. Обосновано, что переход к первой философии не сопровождался отказом от первоначальных познавательных операций, но изменил характер их философского обоснования. Если ранний метод определял условия правильного движения мысли от простого к сложному, то зрелая концепция потребовала объяснить, почему результаты такого движения могут считаться истинными. Уточнены историко-философское содержание данной трансформации и границы преемственности между Regulae и Meditationes.

Ключевые слова: Рене Декарт, история философии, картезианство,

эпистемология, метод, первая философия, интеллектуальная интуиция, дедукция, mathesis universalis, cogito, ясность и отчётливость, вечные истины, картезианский круг.

Original article

FROM REGULAE TO MEDITATIONES: THE TRANSFORMATION OF METHOD AND THE METAPHYSICAL GROUNDING OF CERTAINTY IN DESCARTES

Kravchenko Aleksei Leonidovich, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant, Dubna State University, Dubna, Russia, kravchenko.a@yandex.ru

Abstract. The article examines the development of the epistemological foundations of Descartes' method from the Rules for the Direction of the Mind to the Meditations on First Philosophy and the Principles of Philosophy. It focuses on the continuity between the early account of rational inquiry, grounded in intellectual intuition and deduction, and the mature metaphysical project, which connects the certainty of knowledge with the thinking subject and the existence of God. The study draws on Descartes' philosophical works, his correspondence with Marin Mersenne, and contemporary objections to his arguments. Historical-philosophical reconstruction and comparative textual analysis are employed to distinguish the immediate certainty of intellectual perception from the metaphysical justification of clear and distinct knowledge. Particular attention is given to simple natures, mathesis universalis, the creation of eternal truths, the cogito, and the Cartesian Circle. The study argues that Descartes' transition to first philosophy did not entail abandoning the cognitive operations characteristic of his early writings. Instead, it changed the philosophical task assigned to them. Whereas the early method established the proper order of rational inquiry, the mature project sought to justify the truth of its results. This interpretation clarifies the relationship between methodological continuity and metaphysical transformation in Cartesian philosophy.

Keywords: René Descartes, history of philosophy, Cartesianism, epistemology, method, first philosophy, intellectual intuition, deduction, mathesis universalis, cogito, clear and distinct perception, eternal truths, Cartesian Circle.

Введение. Проблема соотношения ранней методологии и зрелой метафизики Рене Декарта занимает существенное место в исследованиях философии Нового времени. В «Правилах для руководства ума» (Regulae ad directionem ingenii) достоверность связывается с правильным осуществлением интеллектуальной интуиции и дедукции. В «Размышлениях о первой философии» (Meditationes de prima philosophia) предметом специального исследования становятся основания, позволяющие считать результаты рационального познания истинными. Различие этих задач нередко трактуется как свидетельство перехода от методологического рационализма к метафизической концепции знания. Однако подобное истолкование требует уточнения, поскольку позднейшая философия Декарта сохраняет значительную часть первоначальных требований к деятельности разума.

Становление картезианского метода происходило в условиях пересмотра схоластической традиции и развития математического естествознания первой половины XVII в. Геометрическое доказательство представлялось Декарту образцом достоверного рассуждения, позволяющего устанавливать необходимые связи независимо от изменчивых свидетельств чувств. Первоначально философ стремился определить порядок познавательных действий, обеспечивающий переход от простых содержаний к сложным. Вместе с тем успешность таких операций ещё не устраняла вопроса о соответствии интеллектуальной очевидности действительному положению вещей. Последующая метафизическая программа обращается именно к этому затруднению.

Особое значение для изучения рассматриваемого перехода имеет переписка Декарта с Мареном Мерсенном весной 1630 г. Сформулированное в

ней учение о сотворённости вечных истин позволяет установить, что метафизические вопросы возникают до создания «Размышлений». Следовательно, развитие картезианской философии нельзя описать как внезапное обращение к метафизике после завершения ранних методологических поисков. Необходимо выяснить, каким образом изменение представлений о происхождении математической необходимости повлияло на обоснование интеллектуальной достоверности.

Актуальность данной проблемы подтверждается современными историко-философскими исследованиями. А. Гатто рассматривает незавершённость Regulae в связи с доктриной вечных истин, подчёркивая, что последующее метафизическое развитие не означало полного отказа от первоначального проекта [1]. Дж. Целлмер, в свою очередь, исследует внутренние условия достоверности дедукции, что позволяет точнее определить содержание раннего метода [3]. Сопоставление этих подходов обнаруживает необходимость разграничить правильность познавательных операций и основания истинности получаемого знания.

Объектом исследования выступает философия Декарта в её развитии от конца 1620-х до середины 1640-х гг. Предмет исследования составляет изменение отношений между интеллектуальной очевидностью, методическими процедурами и метафизическими основаниями достоверности. Цель работы заключается в установлении характера преемственности между ранней концепцией рационального познания и зрелой картезианской метафизикой.

Исходная гипотеза состоит в том, что основное изменение затронуло не состав познавательных операций, а функцию метода в общей системе философии. Первоначально он определял способы достижения достоверного знания; позднее возникла необходимость обосновать способность человеческого разума достигать истины. Научная новизна исследования связана с разграничением непосредственной достоверности интеллектуального акта и метафизического обоснования общего правила истинности ясных и отчётливых

восприятий. Такое различие позволяет объяснить преемственность между Regulae и Meditationes с учётом существенных изменений картезианской аргументации.

Обзор литературы. Современные исследования картезианской философии позволяют рассматривать развитие метода за пределами привычного противопоставления математического рационализма и метафизики. В работе А. Гатто незавершённость Regulae связывается с необходимостью пересмотреть основания ранней эпистемологии после формулирования учения о сотворённости вечных истин [1]. Автор показывает, что доктрина 1630 г. создала предпосылки для изменения метафизических оснований первоначального проекта, причём это изменение не требовало отказа от ранее разработанных познавательных процедур. Данный вывод имеет принципиальное значение для определения характера преемственности между ранними и зрелыми произведениями.

Д. М. Федяев и Н. Д. Федяева исследуют содержание четвёртого правила Декарта, обращая внимание на особенности его понимания универсального метода и рациональной очевидности [2]. Их работа позволяет точнее определить отношение математического образца к общим требованиям научного познания. Дж. Целлмер рассматривает условия сохранения достоверности при дедуктивном рассуждении [3]. Установленная им зависимость надёжности дедукции от сложности интеллектуальных переходов и участия памяти показывает, что ранний метод не сводился к формальным правилам вывода. Существенное значение имела способность исследователя непосредственно удерживать необходимые отношения между положениями.

В исследовании А. Г. Корниенко картезианский метод рассматривается в связи с формированием рациональной деятельности субъекта [4]. Такой подход раскрывает роль деятельности субъекта в первоначальной программе, но не снимает вопроса о её метафизических предпосылках. Я. Томида, исследуя естественно-научную составляющую «Размышлений», показывает

ограниченность их истолкования как исключительно дедуктивной системы, полностью отделённой от конкретного научного знания [5]. Отсюда следует, что появление первой философии не означало устранения первоначальных исследовательских задач, связанных с изучением природы.

Проблема мыслящего субъекта затрагивается А. И. Желниным при анализе отношений интеллекта, сознания и психики [6]. Для историко-философского рассмотрения Декарта особое значение имеет различие между интеллектуальной деятельностью и более широким содержанием cogitatio. Дж. Аззуни исследует трудности различения актуального ясного восприятия и воспоминания о ранее совершённом познавательном акте [7]. Его аргументация позволяет уточнить проблему картезианского круга, поскольку достоверность текущего интеллектуального усмотрения и сохранение знания после прекращения непосредственного рассмотрения не обязательно имеют одинаковые основания.

Исследование К. В. Кянганена, посвящённое критике картезианской модели психического в философской антропологии Х. Плеснера, показывает необходимость различать первоначальное содержание учения Декарта и его последующие интерпретации [8]. С. Твейман рассматривает аналитическую форму «Размышлений» как особый способ движения от сомнения к первоначальной достоверности [9]. Ф. Моралес Карбонелль и Р. Гонсалес раскрывают значение практического знания в картезианской философии, предостерегая от сведения всех форм разумной деятельности к требованию совершенной теоретической очевидности [10]. М. Ленц обращает внимание на историографические ограничения представления о картезианстве как об учении исключительно изолированного сознания [11].

При различии поставленных задач рассмотренные исследования обнаруживают общую проблему. Условия непосредственной интеллектуальной достоверности, метафизические предпосылки истинности и историческая последовательность их разработки зачастую изучаются раздельно. В результате остаётся недостаточно прояснённым, изменяется ли у Декарта сам метод

познания или преимущественно основания доверия к его результатам. Решение данного вопроса требует сопоставления первоначальных произведений с перепиской 1630 г. и аргументацией «Размышлений», причём терминологическая преемственность должна рассматриваться вместе с изменением функций соответствующих понятий.

Материалы и методы исследования. Источниковую основу составляют Regulae ad directionem ingenii, переписка Декарта с Мерсенном от 15 апреля и 6 мая 1630 г., «Рассуждение о методе» (Discours de la méthode, 1637), «Размышления о первой философии» (1641), возражения современников и ответы философа, а также первая часть «Начал философии» (Principia philosophiae, 1644). При установлении текстовых соответствий используется традиционная пагинация критического издания Ш. Адана и П. Таннери (Œuvres de Descartes, далее — AT). Исторические произведения XVII в. рассматриваются как первоисточники; библиографический корпус современной исследовательской литературы ограничен публикациями 2024–2026 гг.

Основным методом выступает историко-философская реконструкция, позволяющая установить последовательность изменения картезианской проблематики. Сравнительный анализ применяется для сопоставления интеллектуальных операций, описанных в Regulae, с познавательными процедурами Meditationes. Исследование понятий intuitus, deductio, evidentia, cogitatio, substantia и clara et distincta perceptio направлено на определение не только их терминологического значения, но и роли в философской аргументации соответствующего периода.

Особое внимание уделено различию между методом интеллектуальной интуиции и дедукции, аналитическим способом изложения, методическим сомнением и порядком доказательства. Эти процедуры связаны между собой, но не могут рассматриваться как взаимозаменяемые. Поскольку датировка диалога «Разыскание истины посредством естественного света» остаётся спорной, он не рассматривается как свидетельство точно установленного промежуточного этапа

философского развития Декарта.

Методологическим ограничением исследования выступает необходимость различать хронологическую последовательность возникновения положений и их логическую зависимость в зрелой системе. Более позднее метафизическое обоснование познавательной операции не свидетельствует о её отсутствии в первоначальной методологии. Достоверность историко-философских выводов определяется согласованностью предлагаемой реконструкции с содержанием первоисточников и возможностью объяснить существенные различия между ними без предположения заранее заданного разрыва.

Результаты исследования и их обсуждение. Первоначальная картезианская методология направлена на определение условий, при которых правильное применение разума позволяет получать достоверное знание. В первом правиле Regulae Декарт характеризует назначение научных занятий как формирование способности выносить прочные и истинные суждения (AT X, 359–360). Решающее значение придаётся не накоплению отдельных сведений, а установлению порядка интеллектуальных действий, позволяющего избегать поспешных заключений. Такая постановка вопроса предполагает возможность достижения истины посредством правильно организованного мышления, однако ещё не содержит самостоятельного исследования метафизических оснований соответствующей способности.

В третьем правиле выделяются два основных способа достоверного познания — интеллектуальная интуиция (intuitus) и дедукция (deductio). Под интуицией понимается непосредственное усмотрение ясным и внимательным умом содержания, которое не оставляет оснований для сомнения (AT X, 368–370). В отличие от чувственного восприятия и деятельности воображения интеллектуальное усмотрение должно обладать определённостью, исключающей ошибочное истолкование предмета. Дедукция предполагает последовательный переход от уже известных положений к необходимым следствиям. Её достоверность зависит от непрерывности рассуждения и

способности удерживать связь между отдельными звеньями доказательства.

Существенное затруднение возникает при увеличении сложности дедуктивного процесса. Если разум перестаёт непосредственно воспринимать необходимую связь между положениями и вынужден полагаться на память о ранее установленных отношениях, достоверность рассуждения оказывается менее очевидной. Дж. Целлмер показывает, что Декарт учитывал не только число интеллектуальных переходов, но и сложность мыслительных операций, а также подготовленность самого исследователя [3]. Ранний метод поэтому нельзя считать исключительно формальной процедурой: его успешность связана с особенностями человеческой познавательной способности. В раннем методе преодоление этих затруднений связывается с совершенствованием интеллектуальных навыков.

Четвёртое правило вводит понятие mathesis universalis, раскрывающее универсальный характер картезианского метода (AT X, 373–379). Всеобщая математика не означает механического распространения арифметических операций на совокупность наук. Её предмет составляют порядок и мера, позволяющие устанавливать необходимые отношения независимо от особенностей исследуемых вещей. Математическое рассуждение служит образцом упорядоченного познания, при котором сложную задачу последовательно сводят к более простым элементам. Анализ четвёртого правила, проведённый Д. М. Федяевым и Н. Д. Федяевой, показывает, что содержание этого методологического требования не сводится к формальной универсальности математических процедур [2].

Учение о простых природах получает подробное изложение в двенадцатом правиле. Декарт различает интеллектуальные, материальные и общие простые природы, рассматривая их прежде всего в отношении к способности ума непосредственно постигать определённые содержания (AT X, 418–427). Простота здесь не обязательно означает онтологическую элементарность вещи. Она означает, что в рамках конкретной познавательной задачи предмет нельзя

разложить на более простые элементы. Поэтому переход от простых природ к сложным суждениям не следует отождествлять с последующим объяснением зависимости конечных субстанций от Бога. Первоначальная программа определяет порядок познания, тогда как зрелая метафизика обращается к основаниям существования и истинности.

Однако уже в Regulae обнаруживается положение, которое позднее приобретёт самостоятельное философское значение. Среди примеров непосредственного интеллектуального усмотрения Декарт упоминает достоверность собственного существования и мышления. Первоначально такое знание служит иллюстрацией интуитивной очевидности наряду с элементарными математическими положениями. В «Размышлениях» оно становится исходным основанием восстановления достоверного знания. Следовательно, историческое развитие картезианского cogito связано не столько с появлением ранее неизвестного содержания, сколько с изменением его функции в последовательности философского обоснования.

Незавершённость Regulae представляет особую проблему историко-философской интерпретации. Сам по себе незаконченный характер сочинения ещё не свидетельствует о несостоятельности разработанного метода. Однако последующая переписка Декарта обнаруживает появление вопросов, не получивших самостоятельного решения в первоначальной программе. В письмах к Мерсенну от 15 апреля и 6 мая 1630 г. философ формулирует учение о сотворённости Богом вечных истин (AT I, 145–153). Математические отношения, необходимые для человеческого разума, рассматриваются как зависящие от свободного божественного установления. Тем самым вопрос об интеллектуальной очевидности дополняется исследованием происхождения самой необходимости.

Данная доктрина существенно изменяет постановку эпистемологической проблемы. Если математические истины не существуют независимо от Бога, то непосредственная очевидность их содержания ещё не объясняет основание их

необходимости. Однако было бы неправомерным заключить, что признание сотворённости вечных истин разрушает первоначальный математический идеал. Декарт не утверждает возможности произвольного изменения необходимых отношений человеческим разумом. Для познающего субъекта они сохраняют обязательность, тогда как их метафизическое основание связывается с божественной волей. Возникает необходимость различать способ постижения истины и объяснение её существования.

А. Гатто связывает именно с появлением данного затруднения незавершённость раннего трактата [1]. Такая интерпретация позволяет объяснить, почему дальнейшее развитие картезианской философии сопровождалось исследованием метафизических предпосылок познания. Вместе с тем причинную связь между учением 1630 г. и прекращением работы над Regulae не следует считать окончательно установленным историческим фактом. Более осторожный вывод состоит в том, что учение о вечных истинах ставит вопросы метафизического обоснования, недостаточно разработанные в сохранившейся ранней программе. Прежние познавательные операции сохраняют значение, но вопрос об основаниях их достоверности приобретает самостоятельный характер.

Сопоставление Regulae и «Рассуждения о методе» показывает сохранение первоначальных требований к правильному мышлению. Во второй части Discours Декарт излагает четыре правила, предусматривающие принятие только очевидного, разделение сложных задач, последовательное движение от простого к сложному и полноту рассмотрения (AT VI, 18–19). Эти предписания соответствуют общей направленности раннего трактата. Различие состоит преимущественно в способе изложения и области применения: метод представлен как результат собственного интеллектуального опыта философа, имеющий значение для исследования различных предметов. Его универсальность не означает равенства всех наук по содержанию, но предполагает общность требований к рациональному рассуждению.

Четвёртая часть «Рассуждения» придаёт первоначальной методологической программе особую направленность. Декарт обращается к сомнению в истинности прежних убеждений и обнаруживает, что осуществление сомнения предполагает существование мыслящего субъекта. Формула je pense, donc je suis становится исходным достоверным положением (AT VI, 32–33). В Regulae знание собственного существования иллюстрировало непосредственную интеллектуальную очевидность. Теперь оно служит основанием, которое сохраняет силу после устранения прочих источников уверенности. Именно изменение функции знания о собственном существовании позволяет установить преемственность между двумя сочинениями без отождествления их исследовательских задач.

Наиболее последовательное развитие проблемы обнаруживается в первом размышлении. Декарт ставит под сомнение свидетельства чувств, а затем рассматривает возможность того, что сон нельзя достоверно отличить от бодрствования. Однако сомнение в существовании чувственно воспринимаемых предметов ещё не затрагивает необходимость простых математических отношений. Для распространения сомнения на интеллектуальное познание вводится предположение о могущественном обманщике, способном вызывать ошибку даже при рассмотрении очевидных положений (AT VII, 17–23). Такая процедура не доказывает ложности математики и не предполагает окончательного отрицания внешнего мира. Её назначение заключается в выяснении того, сохраняется ли основание доверия к человеческому разуму при наиболее радикальном сомнении.

Здесь проявляется принципиальное различие между ранним методом и зрелой метафизикой. Первоначальная программа стремилась предотвратить ошибки, возникающие вследствие неправильного порядка рассуждения, поспешности или недостаточной внимательности. В «Размышлениях» под вопрос ставится возможность ошибки даже при соблюдении требований интеллектуальной очевидности. Следовательно, затруднение больше не может

быть устранено исключительно совершенствованием познавательных операций. Возникает необходимость исследовать основания, позволяющие разуму полагаться на собственную способность различать истину и заблуждение.

Методическое сомнение при этом не становится полной заменой интуиции и дедукции. Оно выполняет самостоятельную подготовительную функцию, создавая условия для обнаружения первоначального несомненного положения. В ответах на вторые возражения Декарт специально различает аналитический и синтетический способы изложения (AT VII, 155–157). Анализ показывает путь открытия истины, позволяя читателю самостоятельно воспроизвести последовательность рассуждения. С. Твейман справедливо подчёркивает значение этой особенности построения «Размышлений» [9]. Однако аналитическая форма не сводится к психологическому описанию внутреннего опыта: она имеет логическое назначение, определяемое необходимостью обосновать первоначальные философские положения.

Во втором размышлении достоверность ego sum, ego existo обнаруживается непосредственно в акте мышления (AT VII, 25). Данное положение не следует понимать как обычное силлогистическое заключение, предполагающее предварительное доказательство общего правила о существовании всего мыслящего. Отрицая собственное существование, субъект уже осуществляет мыслительный акт, который делает отрицание несостоятельным. Тем самым достоверность cogito связана с невозможностью сомневаться в собственном бытии в момент мышления. Интуитивный характер такого знания сохраняет связь с Regulae, но его положение в метафизической аргументации существенно изменяется.

После установления первоначальной достоверности Декарт определяет себя как res cogitans — мыслящую вещь, которая сомневается, понимает, утверждает, отрицает, желает, воображает и чувствует (AT VII, 27–28). Понятие cogitatio охватывает здесь более широкий круг осознаваемых состояний, чем интеллектуальная деятельность в узком смысле. Даже при сомнительности

существования внешнего предмета сам факт соответствующего переживания остаётся несомненным. Однако отсюда ещё не следует окончательное доказательство реального различия души и тела. Достоверность собственного существования и определение онтологической природы мыслящей субстанции принадлежат различным этапам картезианской аргументации.

Значение этого разграничения особенно заметно при рассмотрении понятия substantia. В раннем методологическом проекте Декарт исследует прежде всего доступность содержаний интеллектуальному усмотрению. Зрелая метафизика обращается к вопросу о самостоятельном существовании того, что соответствует ясно воспринимаемым содержаниям. При этом онтологическое различие мышления и протяжения не выводится непосредственно из одного лишь факта cogito. Его доказательство связано с последующим обоснованием истинности ясных и отчётливых восприятий. Таким образом, переход к онтологической проблематике предполагает не устранение первоначального метода, а расширение круга вопросов, которые должны быть решены посредством рационального исследования.

В третьем размышлении Декарт замечает, что достоверность собственного существования сопровождалась ясным и отчётливым восприятием соответствующего положения (AT VII, 35). Возникает возможность сформулировать общее правило, согласно которому истинно всё воспринимаемое ясно и отчётливо. Однако отдельный достоверный познавательный акт ещё не обеспечивает окончательного обоснования универсального принципа истинности. Если сохраняется предположение о способности высшего существа вводить человека в заблуждение, необходимо исключить возможность ошибочности даже наиболее убедительных интеллектуальных представлений.

Обращение к доказательству существования Бога становится ответом на указанное затруднение. В третьем размышлении Декарт исследует происхождение идеи бесконечного и совершенного существа, опираясь на

различение формальной и объективной реальности и принцип причинной достаточности (AT VII, 40–52). Идея бесконечного не рассматривается как простое отрицание конечности. Напротив, осознание собственного несовершенства предполагает наличие представления о совершенстве, по отношению к которому определяется ограниченность человеческого существования. Вместе с тем причинное доказательство Бога уже использует интеллектуальные положения, достоверность которых должна получить окончательное обоснование.

В четвёртом размышлении проблема ошибки получает объяснение посредством различения интеллекта и воли. Интеллект предоставляет содержание возможного суждения, тогда как воля выражает согласие или несогласие. Ошибка возникает, когда воля выражает согласие с тем, что интеллект воспринимает недостаточно ясно (AT VII, 54–62). Подобная трактовка сохраняет связь с ранним требованием избегать поспешных заключений. Однако теперь правильность суждения получает метафизическое объяснение: совершенный Бог не является обманщиком, а неправомерное использование познавательных способностей связано с выходом воли за пределы ясного интеллектуального восприятия.

Сопоставление основных понятий позволяет определить характер обнаруженных изменений.

Таблица 1 — Изменение функций ключевых понятий в философии Декарта

Понятие	Ранняя методологическая программа	Зрелая метафизическая концепция
Intuitus	Непосредственное усмотрение простых содержаний и необходимых отношений	Сохраняет значение для первоначальной достоверности интеллектуального восприятия
Deductio	Последовательное установление необходимых связей между положениями	Используется в доказательствах, истинность которых требует общего обоснования
Evidentia	Характеристика непосредственно доступного разуму содержания	Связывается с вопросом о надёжности интеллектуального познания

Clara et distincta perceptio	Ясность и отчётливость характеризуют интеллектуальное усмотрение	Становятся основанием общего правила истинности
Cogitatio	Преимущественно интеллектуальная деятельность и её непосредственно постигаемое содержание	Широкая совокупность осознаваемых актов, характеризующих мыслящую вещь
Substantia	Не выполняет самостоятельной системообразующей функции	Приобретает онтологическое значение в учении о Боге, мышлении и протяжении
Сомнение	Не является универсальной процедурой обоснования познания	Используется для установления первоначальной достоверности и исследования оснований знания

Источник: составлено по Regulae III–VI, XII; Discours II, IV; Meditationes I–VI; Principia I, 7–9, 45, 51–53.

Проблема картезианского круга обнаруживает наиболее существенное затруднение зрелой эпистемологии. В четвёртых возражениях Антуан Арно поставил вопрос о взаимной зависимости доказательства Бога и правила истинности ясных и отчётливых восприятий. Если существование Бога устанавливается посредством положений, истинность которых ещё не гарантирована, а надёжность этих положений подтверждается существованием Бога, возникает опасность логического круга. Вместе с тем признание данного затруднения не требует заранее считать картезианскую аргументацию внутренне противоречивой.

Ответ Декарта опирается на различие между актуальным ясным восприятием и воспоминанием о ранее проведённом доказательстве (AT VII, 245–246). Пока разум непосредственно усматривает необходимую связь, соответствующее положение обладает достоверностью независимо от предварительного обращения к божественной гарантии. Иная ситуация возникает после завершения рассуждения: субъект продолжает считать его результат истинным, хотя уже не удерживает в сознании основания доказательства. Метафизическое обоснование направлено на исключение сомнения, способного возникнуть при обращении к ранее установленному

знанию.

Такое объяснение позволяет разграничить два уровня достоверности. Первый относится к непосредственному интеллектуальному акту, истинность которого воспринимается субъектом как несомненная. Второй связан с сохранением обоснованности знания после завершения непосредственного рассмотрения. Следовательно, доказательство существования Бога должно обеспечить не первоначальную возможность любого ясного восприятия, а надёжность общего правила истинности и сохранение знания. Именно здесь обнаруживается преемственность между ранней проблемой непрерывности дедукции и зрелым исследованием метафизических оснований познания.

Однако различение актуального восприятия и памяти не устраняет всех затруднений. Как отмечает Дж. Аззуни, картезианская аргументация предполагает способность субъекта надёжно различать непосредственное интеллектуальное усмотрение и воспоминание о нём [7]. Если такая способность сама требует доказательства, проблема оснований достоверности оказывается сложнее первоначально предложенного решения. Поэтому ответ Декарта Арно следует рассматривать как содержательную философскую позицию, а не как окончательное устранение всех возражений относительно картезианского круга.

Значение этой проблемы выходит за пределы отдельного доказательства. В Regulae Декарт стремился уменьшить зависимость дедукции от памяти посредством непрерывного движения мысли. В Meditationes необходимость обоснования возникает именно тогда, когда ранее установленное знание должно сохранять достоверность после завершения соответствующего интеллектуального акта. Следовательно, первоначальное методологическое затруднение получает метафизическое продолжение. Ранняя программа решала вопрос о сохранении очевидности в процессе рассуждения; зрелая исследует возможность устойчивой истинности уже полученного знания.

В «Началах философии» данная проблематика получает систематизированное выражение. Декарт устанавливает место cogito среди

первоначальных философских истин, исследует существование Бога и причины ошибок, а затем уточняет различие между ясностью и отчётливостью восприятия (Principia I, 7–9, 45). Ясным признаётся содержание, непосредственно присутствующее перед внимательным умом; отчётливым — содержание, достаточно отделённое от других представлений. Это различие продолжает раннее требование интеллектуальной определённости, но включается в более широкое объяснение условий истинного суждения.

Понятие субстанции также приобретает здесь определённое метафизическое значение. В строгом смысле независимое существование принадлежит только Богу; сотворённые субстанции обладают относительной самостоятельностью, поскольку зависят от божественного могущества (Principia I, 51–53). Таким образом, картезианская онтология не сводится к утверждению двух абсолютно независимых начал. Различие мышления и протяжения устанавливается в пределах общей метафизической зависимости конечного бытия. Однако для рассматриваемой проблемы существеннее другое: переход от ясного представления соответствующих сущностей к суждениям об их реальном существовании предполагает обоснованное доверие к интеллектуальному восприятию.

Метафизическое обоснование познания не означает, что Декарт стремился заменить им конкретные процедуры естественно-научного исследования. Я. Томида показывает, что «Размышления» сохраняют связь с научной проблематикой и не могут быть исчерпывающе представлены как замкнутая дедуктивная система [5]. Первая философия устанавливает основания достоверности, но не отменяет необходимости исследовать свойства конкретных объектов. Вместе с тем универсальность картезианского метода не предполагает одинаковых требований ко всем формам человеческой деятельности. В практической сфере, как отмечают Ф. Моралес Карбонелль и Р. Гонсалес, особое значение имеет моральная уверенность, достаточная для разумного действия при отсутствии совершенного теоретического знания [10].

Сказанное позволяет определить пределы распространённого представления о Декарте как основателе философии изолированного субъекта. Достоверность мыслящего Я служит исходным основанием метафизического исследования, однако задача этого исследования не сводится к описанию внутреннего сознания. Последующая аргументация направлена на обоснование возможности знания о действительности. М. Ленц справедливо обращает внимание на ограничения историографических схем, в которых картезианская философия заранее отождествляется с индивидуалистической моделью сознания [11]. Вопрос о действительном содержании картезианской субъективности следует решать прежде всего посредством анализа собственных текстов философа, а не на основании её позднейших критических интерпретаций.

Проведённое сопоставление позволяет заключить, что развитие картезианского метода связано с изменением его философской функции. Интеллектуальная интуиция и дедукция продолжают составлять основу рационального познания, однако их успешное применение больше не рассматривается как достаточное объяснение истинности получаемых результатов. Учение о сотворённости вечных истин ставит вопрос об основании необходимости; методическое сомнение выявляет пределы непосредственной интеллектуальной уверенности; cogito служит исходным достоверным положением, а доказательства существования Бога должны обосновать общее правило истинности ясных и отчётливых восприятий.

Предложенная реконструкция не предполагает полного устранения разногласий относительно характера картезианского круга или причин незавершённости Regulae. Она позволяет установить более ограниченный, но исторически обоснованный результат: позднейшая метафизика не отменяет познавательных средств раннего метода, а исследует условия, благодаря которым их применение может приводить к истинному знанию. Следовательно, между двумя этапами существует содержательная преемственность, сочетающаяся с существенным изменением уровня философского обоснования.

Выводы. Исследование показало, что переход от Regulae к Meditationes не может быть удовлетворительно объяснён посредством противопоставления раннего метода и зрелой метафизики. Интеллектуальная интуиция и дедукция сохраняют основополагающее значение на последовательных этапах творчества Декарта. Изменяется прежде всего задача философского исследования: первоначальное определение способов достоверного познания дополняется выяснением оснований истинности его результатов.

Переписка с Мерсенном 1630 г. занимает существенное место в развитии этой проблематики. Учение о сотворённости вечных истин позволяет различить интеллектуальное усмотрение математической необходимости и объяснение её метафизического основания. Возникновение соответствующего вопроса предшествует «Размышлениям», вследствие чего переход к первой философии следует рассматривать как постепенное изменение исследовательских задач, а не как внезапный отказ от первоначального методологического проекта.

Анализ cogito подтверждает необходимость различать содержание первоначальной достоверности и её функцию в философской аргументации. В Regulae знание собственного существования служит примером интеллектуальной очевидности, тогда как в Meditationes оно становится исходным основанием восстановления знания после методического сомнения. Однако достоверность мыслящего Я ещё не содержит завершённого доказательства онтологической самостоятельности души и её реального различия с телом.

Проблема картезианского круга обнаруживает основное затруднение перехода от непосредственного интеллектуального усмотрения к метафизическому обоснованию знания. Различение актуальной очевидности и сохраняемой достоверности позволяет объяснить назначение божественной гарантии, но не исключает критической оценки доказательств существования Бога. Вопрос об основаниях доверия к познавательным способностям тем самым приобретает самостоятельное значение, не сводимое к правильности отдельных

интеллектуальных операций.

Научный результат исследования состоит в уточнении характера преемственности между ранней и зрелой картезианской философией. Первоначальный метод определяет порядок приобретения достоверного знания, тогда как первая философия исследует условия, позволяющие считать его истинным. Такая интерпретация объясняет сохранение основных методологических требований при существенном изменении их метафизического обоснования. Историко-философское значение этой трансформации связано с постановкой вопроса о возможности перехода от непосредственной достоверности мышления к объективно обоснованному знанию. В дальнейшем этот вопрос стал одним из центральных для новоевропейской философии.

Список литературы

1. Gatto A. On Why Descartes Never Completed the Regulae ad directionem ingenii // Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie. 2025. Vol. 72. No. 2. P. 381–396. URL: https://hdl.handle.net/20.500.11768/196496.

2. Федяев Д. М., Федяева Н. Д. Четвертое правило Рене Декарта: попытка прояснения смысла // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (43). С. 65–70. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-43-65-70.

3. Zellmer J. Descartes on Certainty in Deduction // Studies in History and Philosophy of Science. 2024. Vol. 105. P. 158–164. DOI: 10.1016/j.shpsa.2024.05.014.

4. Корниенко А. Г. Учение о методе Р. Декарта и конструктивистская методология образования как вариации опыта самоконструирования разума // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 4 (510). С. 104–112. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-104-112.

5. Tomida Y. Cartesian Naturalism: Natural Science in the Meditations // Cogent Arts & Humanities. 2025. Vol. 12. No. 1. Art. 2583320. DOI: 10.1080/23311983.2025.2583320.

6. Желнин А. И. Интеллект в контексте психики и сознания: диалектика первого и третьего лица // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 6–17. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-6-17.

7. Azzouni J. Descartes' Versions of the Sortability and Traceability Theses // The Anatomy of Experience: Phenomenology, Cognitive Science and Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2026. P. 27–42. DOI: 10.1093/9780197790151.003.0003.

8. Кянганен К. В. Проблема психической реальности до антропологического поворота: критика Х. Плеснером классических моделей психического Р. Декарта, И. Г. Фихте, Э. Маха // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 4. С. 471–482. DOI: 10.17072/2078-7898/2024-4-471-482.

9. Tweyman S. Trauma and Healing in Descartes' Meditations on First Philosophy: An Essay // European Journal of Social Science Education and Research. 2024. Vol. 11. No. 3. P. 94–105. DOI: 10.26417/tb7tdc79.

10. Morales Carbonell F., González R. Cartesian Know-How // The Southern Journal of Philosophy. 2025. Vol. 63. No. 4. P. 553–569. DOI: 10.1111/sjp.12615.

11. Lenz M. Taking “Descartes's Myth” Seriously: Rethinking the Rylean Narrative // The Southern Journal of Philosophy. 2025. Vol. 63. No. 2. P. 128–142. DOI: 10.1111/sjp.12619.

References

1. Gatto A. On Why Descartes Never Completed the Regulae ad directionem ingenii // Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie. 2025. Vol. 72. No. 2. P. 381–396. URL: https://hdl.handle.net/20.500.11768/196496.

2. Fedyaev D. M., Fedyaeva N. D. Chetvertoe pravilo Rene Dekarta: popy`tka proyasneniya smy`sla // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarny`e issledovaniya. 2024. № 2 (43). S. 65–70. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-43-65-70.

3. Zellmer J. Descartes on Certainty in Deduction // Studies in History and Philosophy

of Science. 2024. Vol. 105. P. 158–164. DOI: 10.1016/j.shpsa.2024.05.014.

4. Kornienko A. G. Uchenie o metode R. Dekarta i konstruktivistskaya metodologiya obrazovaniya kak variacii opy`ta samokonstruirovaniya razuma // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2026. № 4 (510). S. 104–112. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-104-112.

5. Tomida Y. Cartesian Naturalism: Natural Science in the Meditations // Cogent Arts & Humanities. 2025. Vol. 12. No. 1. Art. 2583320. DOI: 10.1080/23311983.2025.2583320.

6. Zhelnin A. I. Intellekt v kontekste psixiki i soznaniya: dialektika pervogo i tret`ego licza // Sovremenny`e filosofskie issledovaniya. 2025. № 4. S. 6–17. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-6-17.

7. Azzouni J. Descartes' Versions of the Sortability and Traceability Theses // The Anatomy of Experience: Phenomenology, Cognitive Science and Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2026. P. 27–42. DOI: 10.1093/9780197790151.003.0003.

8. Kyanganen K. V. Problema psixicheskoj real`nosti do antropologicheskogo povorota: kritika X. Plesnerom klassicheskix modelej psixicheskogo R. Dekarta, I. G. Fixte, E`. Maxa // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya. 2024. № 4. S. 471–482. DOI: 10.17072/2078-7898/2024-4-471-482.

9. Tweyman S. Trauma and Healing in Descartes' Meditations on First Philosophy: An Essay // European Journal of Social Science Education and Research. 2024. Vol. 11. No. 3. P. 94–105. DOI: 10.26417/tb7tdc79.

10. Morales Carbonell F., González R. Cartesian Know-How // The Southern Journal of Philosophy. 2025. Vol. 63. No. 4. P. 553–569. DOI: 10.1111/sjp.12615.

11. Lenz M. Taking “Descartes's Myth” Seriously: Rethinking the Rylean Narrative // The Southern Journal of Philosophy. 2025. Vol. 63. No. 2. P. 128–142. DOI: 10.1111/sjp.12619.

Статья поступила в редакцию 12.08.2026; одобрена после рецензирования 24.09.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 12.08.2026; approved after reviewing 24.09.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Научная статья
УДК 165.62:1(091)

ГЕНЕЗИС ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕДУКЦИИ У ГУССЕРЛЯ: ОТ ДЕСКРИПТИВНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ К ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОМУ И ГЕНЕТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ

Беляков Николай Станиславович, кандидат философских наук, младший научный сотрудник, Уфимский университет науки и технологий, Россия, Уфа, beliakov-n@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется становление феноменологической редукции в философии Эдмунда Гуссерля, рассматриваются изменения её методологического назначения и предметной направленности на различных этапах развития феноменологического учения. Цель исследования состоит в определении характера преемственности между дескриптивной феноменологией «Логических исследований», обоснованием редукции в лекциях 1907 года, трансцендентальной проблематикой «Идей I» и последующим обращением к генезису опыта, интерсубъективности и жизненному миру. Методологическую основу составляют историко-философская реконструкция, сравнительный анализ первоисточников и понятийное разграничение основных феноменологических процедур. Установлено, что введение трансцендентальной редукции существенно преобразует первоначальную дескриптивную программу, не устраняя разработанного в ней понимания интенциональности. Показано, что эпохе, трансцендентальная и эйдетическая редукции обладают различными исследовательскими функциями. Генетическая феноменология исследует роль временной организации сознания и пассивных синтезов в формировании предметного смысла, сохраняя связь со статическим анализом. Обращение к жизненному миру позволяет включить в исследование межсубъективные и исторические предпосылки научного знания. Научная новизна заключается в обосновании периодизации развития редукции на основе изменений её

методологических функций. Сделан вывод о сохранении единой исследовательской задачи при существенном преобразовании способов её решения.

Ключевые слова: Эдмунд Гуссерль, история феноменологии, феноменологическая редукция, эпохе, интенциональность, трансцендентальная субъективность, эйдетическая редукция, статическая феноменология, генетическая феноменология, интерсубъективность, жизненный мир.

Original article

THE GENESIS OF PHENOMENOLOGICAL REDUCTION IN HUSSERL: FROM DESCRIPTIVE PHENOMENOLOGY TO TRANSCENDENTAL AND GENETIC ANALYSIS

Beliakov Nikolai Stanislavovich, Candidate of Philosophical Sciences, Junior Researcher, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, beliakov-n@mail.ru

Annotation. The article examines the development of phenomenological reduction in Edmund Husserl's philosophy, focusing on changes in its methodological function and thematic orientation. The purpose of the study is to establish the relationship between the descriptive phenomenology of the Logical Investigations, the justification of reduction in the lectures of 1907, the transcendental framework of Ideas I, and subsequent investigations into the genesis of experience, intersubjectivity, and the life-world. The methodological approach combines historical-philosophical reconstruction, comparative textual analysis, and conceptual clarification. The study demonstrates that transcendental reduction substantially transforms the original descriptive programme without abandoning its account of intentionality. The epoché, transcendental reduction, and eidetic reduction are distinguished according to their respective philosophical functions. Genetic phenomenology is interpreted as an investigation of the temporal and passive formation of objective meaning that

complements static analysis. Husserl's later turn towards the life-world extends the scope of phenomenology to the intersubjective and historical conditions of scientific knowledge. The original contribution consists in developing a functional periodization of phenomenological reduction. The findings support the conclusion that the principal methodological task remains continuous despite substantial changes in its implementation.

Keywords: Edmund Husserl, history of phenomenology, phenomenological reduction, epoché, intentionality, transcendental subjectivity, eidetic reduction, static phenomenology, genetic phenomenology, intersubjectivity, life-world.

Введение. Развитие феноменологии Эдмунда Гуссерля связано с последовательным переосмыслением оснований философского исследования сознания. В «Логических исследованиях» (1900–1901) центральное положение занимают проблемы идеального значения, интенциональности и очевидности. В первом томе «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913) рассмотрение тех же вопросов предполагает уже специальную исследовательскую установку, позволяющую отказаться от некритического использования естественных суждений о существовании мира. Возникновение феноменологической редукции между этими этапами составляет самостоятельную историко-философскую проблему, решение которой необходимо для понимания внутренней логики гуссерлевского учения.

Вопрос о характере данного преобразования не имеет однозначного решения. С одной стороны, трансцендентальная редукция отсутствует в ранних произведениях в той форме, которую она приобретает в «Идеях I». С другой стороны, её появление подготовлено первоначальным анализом интенциональной направленности сознания и способов предметной данности. Представление о полном разрыве между дескриптивной и трансцендентальной феноменологией не позволяет объяснить преемственность основных понятий. Противоположная интерпретация, признающая редукцию лишь уточнением

прежней дескриптивной техники, недооценивает изменение философского статуса исследуемой субъективности.

Дополнительные трудности связаны с определением места генетической феноменологии в истории метода. Переход от описания уже сложившихся структур опыта к исследованию их становления нередко характеризуется как самостоятельный поворот в философии Гуссерля. Между тем генетический анализ развивался в рамках трансцендентальной проблематики и опирался на ранее разработанные способы феноменологического исследования. Необходимо также уточнить место позднего обращения к жизненному миру, поскольку исследование исторического происхождения научных смыслов не тождественно изучению индивидуального генезиса переживаний.

Актуальность исследования определяется необходимостью различать возникновение редукции, её трансцендентальное обоснование и последующее расширение феноменологического анализа. Отождествление этих процессов приводит к неточному пониманию этапов творчества Гуссерля и существенно осложняет объяснение отношений между статической, генетической и генеративной феноменологией.

Цель статьи состоит в историко-философской реконструкции становления феноменологической редукции и установлении характера её методологических преобразований. Исходная гипотеза заключается в том, что различные этапы разработки метода объединены задачей прояснения условий предметной данности, тогда как способы её решения изменяются в зависимости от характера исследуемых феноменов. Для проверки этого положения необходимо последовательно рассмотреть основные произведения Гуссерля — от раннего анализа интенциональности до позднего исследования исторических оснований научного знания.

Обзор литературы. Современные исследования феноменологии обнаруживают устойчивый интерес к проблеме преемственности дескриптивного и трансцендентального периодов творчества Гуссерля. И.А.

Михайлов рассматривает возникновение феноменологического проекта в связи с противостоянием философии и экспериментальной психологии в вопросе об основаниях научного знания [3]. Существенное значение в данном контексте приобретает критика психологизма, направленная против сведения объективной значимости логических законов к эмпирическим закономерностям мышления. Т.А. Терентьева, исследуя метафизические предпосылки ранней феноменологии, показывает необходимость осторожного обращения с традиционным разделением гуссерлевской философии на самостоятельные периоды [5]. Наличие общих понятий ещё не означает неизменности их методологического назначения.

Развитие ранней теории интенциональности составляет предмет исследования A. Salice, обратившегося к «Логическим исследованиям» в связи с современными интерпретациями восприятия [2]. Работа подтверждает самостоятельное значение первоначальной феноменологической дескрипции, которая не предполагает уже разработанной трансцендентальной установки. Важные уточнения содержатся в исследовании R. Rojcewicz [4]. Автор различает феноменологическое очищение психологического опыта и трансцендентальную редукцию, поскольку описание переживаний без естественно-научного объяснения само по себе не устраняет предпосылку существования субъекта как части объективного мира.

В работе S. Heinämaa феноменологический метод рассматривается через взаимосвязь его основных процедур, включая эпохе, редукцию и эйдетическое исследование [6]. Предлагаемый подход позволяет избежать их терминологического смешения. T. Byrne также обращает внимание на необходимость разграничивать феноменологическую и эйдетическую редукции, особенно при переносе гуссерлевских понятий в другие исследовательские области [12]. Для истории философии названное различие имеет принципиальное значение, поскольку изменение предметной области исследования не всегда сопровождается отказом от ранее установленных

процедур.

В современной литературе трансцендентальная субъективность всё чаще рассматривается с учётом её предметной открытости. J. Zhang анализирует отношение субъективности и мира, оспаривая её понимание как изолированной внутренней области [8]. Генетическое измерение проблемы раскрывает Y.-C. Yang, связывающий формирование предметной осмысленности с пассивными синтезами, не требующими предварительного участия понятийных способностей [10]. Тем самым возникает возможность рассматривать генетическую феноменологию не как самостоятельную замену трансцендентального исследования, а как раскрытие временных условий образования интенционального опыта.

Поздняя проблематика жизненного мира получила развитие в работах K. Tharakan и V.M. George [15], T. Pantazakos и H. Wiltsche [14]. Исследователи обращаются к зависимости научного знания от практических способов отношения человека к миру, показывая значение гуссерлевской критики объективизма для современной философии науки. Вместе с тем M. de Beistegui указывает на затруднения, возникающие при попытке исследовать историчность опыта средствами трансцендентальной феноменологии [16]. Такое расхождение позволяет рассматривать поздние работы Гуссерля не как окончательное разрешение прежних проблем, а как дальнейшее развитие исследовательской программы, сохраняющей внутренние философские напряжения.

В отечественной литературе особое значение имеют материалы обсуждения полного русского перевода «Логических исследований» [9, 13] и рецензия А.Б. Паткуля на издание третьей книги «Идей» [11]. Они позволяют уточнить терминологические основания сопоставления ранней и зрелой феноменологии. Вместе с тем сохраняется необходимость анализа всей последовательности методологических преобразований, при котором возникновение редукции, трансцендентальная постановка вопроса и развитие генетического исследования получают самостоятельное историко-философское

объяснение.

Материалы и методы исследования. Источниковую основу составляют «Логические исследования» (1900–1901), «Идея феноменологии» (1907), «Идеи I» (1913), лекции и рукописи по генетической феноменологии, «Картезианские размышления» (1929–1931) и «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (1936). Использованы современные русские издания «Логических исследований» и третьей книги «Идей», опубликованные в 2024 году [1, 7]. При обращении к историческим произведениям учитываются первоначальная хронология их создания и внутренняя структура аргументации. Библиографический корпус современных научных публикаций ограничен 2024–2026 годами.

Основным методом исследования выступает историко-философская реконструкция, позволяющая восстановить последовательность возникновения и преобразования основных проблем феноменологического учения. Сравнительный анализ применяется для установления различий между дескриптивным, статическим, генетическим и генеративным исследованиями. Понятийное разграничение необходимо для определения самостоятельных функций эпохе, феноменологической, трансцендентальной и эйдетической редукций.

Отдельное внимание уделено соотношению времени разработки философской проблемы и даты публикации соответствующего текста. Посмертное издание материалов Гуссерля не свидетельствует о принадлежности содержащихся в них положений к заключительному этапу его творчества. Поэтому последовательность развития метода устанавливается посредством сопоставления исторического контекста, содержания философской аргументации и времени подготовки соответствующих исследований.

Критерием преемственности избрано сохранение методологической задачи при изменении способов её решения. Такой подход позволяет избежать как искусственного объединения различных феноменологических процедур, так

и представления о последовательной замене одной завершённой исследовательской программы другой.

Результаты исследования и их обсуждение. Первоначальная феноменологическая программа Гуссерля возникает в ходе критики психологизма. В «Пролегоменах к чистой логике» философ устанавливает несводимость идеальной значимости логических законов к фактическим процессам мышления. Психологическое объяснение способно исследовать условия возникновения определённого суждения, но не определяет его логическую необходимость. Если последняя рассматривается как результат устойчивых особенностей человеческой психики, исчезает различие между фактическим признанием истины и её объективной значимостью. Поэтому обоснование логики требует обращения к предметной области, не исчерпываемой эмпирическими закономерностями сознания.

Однако признание идеального характера логических отношений не устраняет вопроса о возможности их познания. Во втором томе «Логических исследований» Гуссерль обращается к интенциональным переживаниям, посредством которых предметное содержание становится доступным сознанию. Восприятие, суждение и воображение различаются по способу осуществления, но каждое из них направлено на определённый предмет. Интенциональность позволяет исследовать эту направленность как собственную характеристику переживания, не сводя её к причинному воздействию внешней действительности.

Важнейшее значение имеет различение интенции значения и её интуитивного исполнения. Содержание суждения может первоначально лишь подразумеваться, не сопровождаясь соответствующей предметной данностью. Когда предмет становится доступным созерцанию, смысловое намерение может получить интуитивное исполнение. Благодаря этому очевидность рассматривается как особый способ осуществления познания, а не как субъективное чувство уверенности. Теория категориального созерцания

расширяет данное положение, позволяя исследовать непосредственную данность не только чувственных качеств, но и отношений, выражаемых в суждениях.

Именно в этой проблематике формируются предпосылки редукции. Философское исследование обращается к предмету в связи со способом его данности, а не исключительно как к независимо существующей вещи. Вместе с тем «Логические исследования» ещё не содержат последовательно разработанного универсального эпохе. Дескриптивная феноменология выясняет сущностные характеристики переживаний, но не превращает естественное полагание мира в самостоятельный предмет радикального методологического пересмотра. Следовательно, преемственность раннего и зрелого Гуссерля следует искать прежде всего в характере поставленных вопросов, а не в наличии одинаковой процедуры исследования [1–3].

Решающее изменение происходит в лекциях 1907 года «Идея феноменологии». Их философское значение определяется переходом от описания познавательных актов к вопросу об условиях возможности знания о трансцендентном предмете. Естественное познание предполагает существование мира и доступность его объектов сознанию. Однако философия не может пользоваться данной предпосылкой без дополнительного рассмотрения, когда сама возможность предметного познания становится проблемой.

Первоначально Гуссерль обращается к рефлексивной данности переживания. В отличие от внешнего предмета, оно доступно сознанию не посредством последовательного рассмотрения различных пространственных сторон. Тем не менее простого обращения к внутреннему опыту недостаточно для решения проблемы познания. Если имманентность понимать только как реальную принадлежность переживания сознанию, сохраняется прежнее противопоставление внутреннего и внешнего. Поэтому исследователь постепенно переносит внимание на способы данности предмета, различая реальный состав переживания и его интенциональное содержание.

В результате изменяется сама постановка вопроса о познавательной трансценденции. Проблема заключается уже не в том, каким образом замкнутое сознание достигает находящейся вне него вещи, а в возможности выявления отношения между переживанием и являющимся предметом. Редукция открывает доступ к данному отношению посредством ограничения естественных предпосылок познания. Хотя её систематическая разработка ещё не завершена, в лекциях 1907 года она получает самостоятельное философское назначение. Поэтому «Идею феноменологии» следует рассматривать как особый этап возникновения метода, а не только как промежуточное звено между двумя основными произведениями.

Последующее обоснование трансцендентальной редукции связано с «Идеями I». Гуссерль вводит понятие естественной установки, обозначающее обычный способ человеческого отношения к действительности. Мир первоначально дан как существующий независимо от отдельных актов его восприятия. Человек действует среди предметов, вступает в отношения с другими людьми и пользуется результатами познания, не превращая существование действительности в постоянный предмет сомнения. Данная установка охватывает и самого субъекта, поскольку он воспринимает себя как телесное и психическое существо, принадлежащее окружающему миру.

В параграфах 27–32 «Идей I» рассматривается возможность изменения этой установки посредством эпохе. Его сущность состоит в воздержании от использования общего тезиса о существовании мира в качестве исходной предпосылки философского исследования. Гуссерль не утверждает, что внешняя действительность отсутствует или представляет собой иллюзию. Скептическое отрицание сохраняло бы направленность на тот же вопрос о существовании мира, относительно которого требуется методологическое воздержание. Эпохе изменяет способ философского обращения с естественной уверенностью, позволяя рассматривать её собственное содержание.

Положительная сторона данного преобразования раскрывается в

феноменологической редукции. После приостановки естественного полагания исследователь получает возможность обратиться к предмету как воспринимаемому, вспоминаемому или мыслимому, выясняя соответствующие способы его данности. Речь идёт не об исключении вещей из рассмотрения, а о переходе от непосредственного признания их существования к исследованию условий предметного смысла.

Для точного понимания метода необходимо различать эпохе и трансцендентальную редукцию. Первая процедура выражает изменение отношения к естественному тезису о мире. Вторая направлена на раскрытие субъективных условий, благодаря которым мир обладает объективной значимостью. Хотя обе операции тесно связаны и в отдельных контекстах описываются Гуссерлем совместно, их философские функции не совпадают. Воздержание от естественного суждения само по себе ещё не составляет завершённого исследования конституирования предметности [4, 6].

Не менее существенно разграничение трансцендентальной и эйдетической редукций. Эйдетическое исследование направлено на установление необходимой структуры феномена посредством рассмотрения его возможных изменений. Например, анализ восприятия пространственной вещи позволяет выявить перспективность как существенную характеристику соответствующего опыта. Отдельные свойства предмета могут изменяться, но его восприятие неизменно остаётся перспективным: в каждый момент предмет дан лишь с определённых сторон.

Трансцендентальная редукция ставит другой вопрос. Предметом рассмотрения становится не только сущностное строение восприятия, но и способ, благодаря которому воспринимаемая вещь получает значение объективно существующего предмета. Следовательно, эйдетический анализ может осуществляться в трансцендентальной установке, однако не тождествен ей. Смешение этих процедур устраняет различие между исследованием необходимых характеристик феномена и выяснением субъективных условий его

предметной значимости.

Сходное разграничение требуется при сопоставлении феноменолого-психологической и трансцендентальной редукций. Психолог способен исследовать переживания без обращения к физиологическим причинам, оставаясь при этом в пределах естественного понимания человека как реально существующего субъекта. Трансцендентальная феноменология распространяет методологическое воздержание и на данную предпосылку. Само признание человека частью объективного мира становится предметом философского исследования. На указанном различии настаивает R. Rojcewicz, рассматривающий пределы психологического очищения субъективного опыта [4].

Таблица 1 — Различия основных феноменологических процедур в философии Гуссерля

Процедура	Исследовательская задача	Методологический результат
Эпохе (Epoché)	Воздержание от использования естественного тезиса о существовании мира	Возможность рассмотрения предметной значимости без принятия естественных онтологических предпосылок
Феноменологическая редукция	Обращение к способам данности предмета сознанию	Раскрытие интенциональной корреляции
Трансцендентальная редукция	Выяснение субъективных условий объективного смысла	Исследование трансцендентальной субъективности
Эйдетическая редукция	Установление необходимых характеристик феномена	Усмотрение сущностных отношений
Феноменолого-психологическая редукция	Описание переживаний без объективистских объяснений	Исследование субъективного опыта в пределах феноменологической психологии

Источник: составлено по результатам сопоставления гуссерлевских текстов и современных исследований [4, 6, 12].

Установленные различия позволяют объяснить, почему переход к трансцендентальной феноменологии не сводится к изменению терминологии. В «Идеях I» преобразуется статус самого предмета исследования. Сознание рассматривается уже не преимущественно как область определённых переживаний, а как сфера, в которой раскрываются условия объективной

предметности. Данное изменение получает выражение в различении ноэзиса и ноэмы.

Ноэтический анализ обращён к способу осуществления интенционального акта, тогда как ноэматический рассматривает предмет в определённом смысле его данности. Один и тот же объект может восприниматься, вспоминаться или воображаться, сохраняя смысловое тождество при различии соответствующих переживаний. Ноэма не представляет собой дополнительную вещь, находящуюся внутри сознания. Она характеризует предмет в его интенциональной определённости. Благодаря этому редукция позволяет исследовать условия сохранения предметного смысла, не заменяя действительность совокупностью субъективных образов.

Возникающая здесь проблема трансцендентального идеализма связана с необходимостью различать конституирование объективного смысла и причинное создание вещи. Гуссерль не объясняет существование материальных объектов как результат произвольной деятельности субъекта. Философское исследование касается способов, благодаря которым вещь становится значимой как тождественный предмет возможного опыта. Однако вопрос об отношении трансцендентальной субъективности к миру сохраняет определённую напряжённость. J. Zhang предлагает рассматривать эту проблему с учётом исходной направленности сознания на предметный мир, что позволяет избежать представления о сознании как полностью изолированной сфере [8].

Дальнейшее развитие феноменологии обнаруживает недостаточность исследования лишь завершённых интенциональных структур. Восприятие предмета предполагает сохранение предшествующих переживаний и направленность к возможному продолжению опыта. Человек видит отдельную сторону пространственной вещи, одновременно предполагая существование сторон, не доступных непосредственному созерцанию. Предметное тождество складывается в многообразии действительных и возможных восприятий, поэтому его исследование требует обращения к временной организации

сознания.

Именно данное затруднение определяет развитие генетической феноменологии. Если статический анализ устанавливает строение уже осуществлённого отношения сознания и предмета, то генетический обращается к происхождению соответствующего смыслового единства. Гуссерль исследует пассивные синтезы, ассоциативные связи и способы сохранения предшествующего опыта. При этом предметная направленность обнаруживается не только в сознательно осуществляемых суждениях. Некоторые формы интенциональности складываются ещё до того, как предмет получает явное понятийное определение.

Пассивный синтез позволяет объяснить, каким образом настоящее переживание приобретает связь с ранее данным. Повторное восприятие знакомой вещи предполагает не только наличные чувственные данные, но и результаты предшествующего опыта, которые продолжают определять её узнавание. Такие связи нельзя исчерпывающе объяснить психологическими закономерностями ассоциации. Генетическая феноменология исследует их роль в формировании предметного смысла и тем самым сохраняет первоначальную направленность анализа интенциональности.

Особое значение приобретает проблема внутреннего сознания времени. Восприятие мелодии невозможно представить как последовательность полностью независимых звуковых ощущений. Каждый новый звук сохраняет отношение к уже прозвучавшему и предполагает возможность продолжения. Ретенциональные и протенциональные связи обеспечивают временное единство переживания, благодаря которому мелодия воспринимается как целое. Аналогичным образом устойчивое предметное значение предполагает внутреннюю связанность предшествующих и последующих актов.

Данное обстоятельство позволяет уточнить отношение статической и генетической феноменологии. Первая раскрывает структуру предметной корреляции, вторая исследует её становление. Без первоначального определения

соответствующей структуры невозможно установить, происхождение какого именно единства требуется объяснить. Вместе с тем генетический анализ обнаруживает предпосылки, остающиеся за пределами статического описания. Поэтому речь идёт о взаимодополняющих способах исследования, а не о последовательном отказе от ранее разработанного метода.

Показательно, что Y.-C. Yang связывает пассивные синтезы с первоначальной рациональной организацией опыта, не зависящей непосредственно от языковых и понятийных способностей [10]. Такая интерпретация позволяет объяснить, каким образом предметная осмысленность складывается до осуществления выраженного суждения. Таким образом, генетическая феноменология развивает поставленный ещё в «Логических исследованиях» вопрос об условиях очевидности, исследуя формирование значимых предметных отношений во времени.

Изучение привычности позволяет также пересмотреть понимание трансцендентального Я. Субъективность не исчерпывается формальным единством актуальных переживаний, поскольку сохраняет результаты ранее осуществлённых действий. Приобретённые способы восприятия и суждения продолжают влиять на последующий опыт. Поэтому трансцендентальное исследование получает возможность обратиться к истории субъективной жизни, не превращаясь в объяснение фактического психологического развития отдельного человека.

Следующее расширение проблематики связано с интерсубъективностью. В «Картезианских размышлениях» Гуссерль возвращается к задаче радикального философского обоснования, но обнаруживает невозможность ограничить трансцендентальный анализ изолированным сознанием. Если объективный мир предполагает принципиальную доступность другим субъектам, необходимо объяснить способ данности чужой субъективности в пределах феноменологического исследования.

В пятой медитации данная проблема рассматривается через особенности

телесного опыта. Собственное тело дано субъекту одновременно как воспринимаемая вещь и как тело, посредством которого он действует в мире. Другой человек воспринимается как телесное существо, поведение которого осмысляется по аналогии с собственным опытом одушевлённой телесности. Вместе с тем чужие переживания не обладают той непосредственной данностью, которая характеризует собственную субъективную жизнь.

Для объяснения данного отношения Гуссерль использует понятия сопряжения и аппрезентации. Они позволяют исследовать своеобразие восприятия Другого, не сводя его к простому умозаключению по внешним признакам. Таким образом, объективность мира оказывается связанной с возможностью признания предметов разными субъектами. Поэтому трансцендентальная редукция не приводит к окончательному исключению чужой субъективности, а открывает необходимость философского объяснения её данности.

Переход от индивидуального генезиса переживаний к интерсубъективному исследованию подготавливает позднюю проблематику исторического образования смысла. Научные понятия, культурные традиции и языковые значения сохраняются за пределами непосредственного опыта отдельного человека. Субъект осваивает уже сложившиеся способы понимания действительности, которые приобретают значимость благодаря историческому развитию совместной человеческой жизни. Это направление исследований называют генеративной феноменологией, хотя его выделение в самостоятельную область во многом связано с более поздним систематическим истолкованием рукописного наследия Гуссерля.

Следует поэтому различать генетическое и генеративное исследования, не приписывая философу окончательно завершённой классификации данных методов. Генетический анализ направлен преимущественно на образование смысловых структур в индивидуальном опыте. Генеративная проблематика касается межсубъективного и исторического формирования общезначимых

смыслов. Их взаимосвязь определяется тем обстоятельством, что личная история сознания осуществляется в мире уже существующих культурных смыслов.

Позднее преобразование метода получает последовательное выражение в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии». Гуссерль обращается к исторически сформировавшемуся пониманию научной объективности, при котором математическое описание природы начинает рассматриваться как окончательное выражение действительности. Проблема заключается не в недостаточной точности естественно-научного знания, а в утрате связи между его идеальными образованиями и первоначальными способами человеческого опыта.

Анализ галилеевской математизации природы позволяет установить, что научные идеализации возникают посредством преобразования отношений, первоначально данных в практической жизни. Измерение пространственных величин и построение геометрических объектов предполагают предшествующий опыт восприятия протяжённости и формы, а также сравнения предметов. Развитие науки приводит к образованию устойчивых математических структур, первоначальные условия возникновения которых постепенно перестают осознаваться.

Понятие жизненного мира (Lebenswelt) позволяет исследовать эти основания научного знания. Речь идёт не о противопоставлении повседневного опыта истинной объективности науки, а о выяснении зависимости теоретического познания от мира, первоначально данного человеку в практической деятельности. Научные объекты приобретают значение внутри общего горизонта человеческого опыта, хотя их специальные определения не совпадают с непосредственными чувственными характеристиками вещей.

В «Кризисе» меняется преимущественное направление трансцендентального исследования. Если в «Идеях I» центральное значение имеет переход от естественной установки к анализу конституирующей субъективности, то позднее Гуссерль обращается к историческому

происхождению научных смыслов. Метод обратного вопрошания позволяет проследить зависимость сложившихся идеальных образований от первоначальных актов и практик, благодаря которым они приобрели предметную значимость.

Однако исследование жизненного мира не заменяет универсальную трансцендентальную редукцию. Преднаучный опыт также первоначально осуществляется в естественной установке, предполагающей существование окружающей действительности. Поэтому выяснение зависимости науки от жизненного мира не исчерпывает вопроса о способах конституирования самого мира. Здесь необходимо различать ограниченное воздержание от использования объективно-научных утверждений и универсальное преобразование философской установки.

Современное развитие данной проблематики представлено в работе T. Pantazakos и H. Wiltsche, рассматривающих жизненный мир как основание и горизонт научного исследования [14]. В их интерпретации эмпирическая основа науки не исчерпывается отдельными наблюдательными высказываниями, поскольку включает практические формы предметного освоения действительности. K. Tharakan и V.M. George также подчёркивают историческую зависимость научной объективности от человеческой деятельности [15]. Эти исследования подтверждают значимость поздней гуссерлевской постановки вопроса, хотя и не снимают внутренних философских затруднений трансцендентального проекта.

Одно из таких затруднений связано с отношением универсальных оснований опыта к исторически изменчивым формам понимания. Научные понятия возникают в определённых культурных условиях, сохраняются благодаря передаче знаний и приобретают значение для последующих поколений. Вместе с тем феноменология стремится раскрыть необходимые условия их предметной значимости. Возникает вопрос, насколько возможно отделить универсальное содержание соответствующих отношений от

исторических предпосылок их осуществления.

M. de Beistegui обращает внимание на трудности феноменологического исследования историчности, возникающие при попытке обнаружить первоначальные основания опыта за пределами исторических образований [16]. Подобная критика позволяет уточнить значение поздних исследований Гуссерля. Обращение к жизненному миру не следует рассматривать как окончательное решение всех затруднений трансцендентальной философии. Скорее оно обнаруживает новое измерение первоначальной проблемы, связанной с объяснением предметной значимости.

Результаты проведённого сопоставления позволяют выделить устойчивое методологическое основание редукции. На различных этапах творчества Гуссерля сохраняется требование не принимать непосредственно данную предметность за достаточное объяснение условий её познания. В ранней феноменологии это требование выражается в анализе интенциональных переживаний. В 1907 году оно приводит к разработке редукции как особого способа философского исследования. «Идеи I» устанавливают её трансцендентальное основание, тогда как генетические исследования обращаются к временным предпосылкам конституирования. Поздняя проблематика жизненного мира распространяет тот же вопрос на историческое происхождение научной объективности.

Следовательно, историю редукции нельзя представить ни как непрерывное уточнение неизменной процедуры, ни как последовательную замену самостоятельных философских методов. Возникновение трансцендентальной установки существенно преобразует первоначальную дескриптивную программу, поскольку изменяет понимание предметной области философии. Однако новая постановка вопроса опирается на ранее установленные отношения сознания и предмета. Генетическая и генеративная проблематика, в свою очередь, раскрывает условия формирования смысловых структур, исследование которых стало возможным благодаря трансцендентальному преобразованию

феноменологии.

Предлагаемая периодизация поэтому основывается на изменении функций феноменологического метода. Историческое единство учения Гуссерля определяется сохранением задачи раскрытия условий предметной данности, тогда как его развитие связано с обращением к новым аспектам этой задачи.

Выводы. Проведённое исследование позволяет установить, что становление феноменологической редукции у Эдмунда Гуссерля представляет собой внутренне связанный процесс преобразования философского метода. «Логические исследования» создают предпосылки его возникновения посредством анализа интенциональности, идеальных значений и способов очевидности, но ещё не содержат универсального трансцендентального эпохе. Самостоятельное обоснование редукции формируется в лекциях 1907 года, где проблема познавательной трансценденции приводит к необходимости изменения естественной исследовательской установки.

В «Идеях I» редукция получает трансцендентальное содержание, поскольку позволяет рассматривать условия конституирования предметного смысла. Установленное различие между эпохе, трансцендентальной и эйдетической редукциями показывает невозможность их полного отождествления. Первая процедура связана с воздержанием от естественного полагания мира, вторая направлена на раскрытие субъективных условий объективности, третья служит установлению необходимых характеристик феноменов.

Генетическая феноменология не отменяет трансцендентальную редукцию, а расширяет исследование посредством обращения к временным и пассивным условиям становления опыта. Статический анализ раскрывает строение уже сложившихся интенциональных отношений, тогда как генетический устанавливает способы их образования. Исследование интерсубъективности и исторически передаваемых смыслов обнаруживает дальнейшее расширение предметной области феноменологии.

Позднее обращение Гуссерля к жизненному миру изменяет направление исследования, связывая проблему объективности с историческим происхождением научного знания. Однако выяснение преднаучных оснований теоретических идеализаций не означает отказа от трансцендентальной задачи. Сам жизненный мир сохраняет значение предмета феноменологического исследования, требующего прояснения способов его данности.

Научный результат статьи состоит в обосновании функциональной периодизации редукции, в которой выделяются её возникновение, трансцендентальное преобразование и последующее развитие в рамках генетического и исторического анализа. Преемственность этих этапов определяется сохранением задачи исследования условий предметной значимости при изменении исследовательских средств. Таким образом, развитие метода следует понимать не как смену взаимоисключающих философских программ, а как преобразование первоначальной феноменологической проблематики, связанное с необходимостью объяснять всё более сложные формы конституирования опыта.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Логические исследования: в 2 т., 3 кн. / пер. с нем. Э.А. Бернштейна, В.И. Молчанова; новая редакция Р.А. Громова, В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2024. 1304 с. ISBN 978-5-8291-4257-5.

2. Salice A. Husserl and Disjunctivism Revisited // Husserl Studies. 2024. Vol. 40. P. 171–188. DOI: 10.1007/s10743-024-09343-1.

3. Михайлов И.А. Философия и психология в соревновании за статус фундаментальной науки // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 2. С. 38–49. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-2-0-4.

4. Rojcewicz R. Husserl: Psychological Epoché and Pure Psychology // Journal of Phenomenological Psychology. 2024. Vol. 55. No. 2. P. 133–152. DOI: 10.1163/15691624-20245502.

5. Терентьева Т.А. Ранняя метафизика Гуссерля в свете современных исследований // История философии. 2025. Т. 30. № 1. С. 40–52. DOI: 10.21146/2074-5869-2025-30-1-40-52.

6. Heinämaa S. Architectonics of a Method: On the Relations Between Husserlian Phenomenology and Its Feminist and Critical Successors // Human Studies. 2025. Vol. 48. P. 13–50. DOI: 10.1007/s10746-025-09785-2.

7. Гуссерль Э. Идеи к феноменологии и феноменологической философии. Книга третья. Феноменология и основы наук / пер. с нем. И.И. Докучаева, Н.В. Пигиной, Е.А. Смолоногиной. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. 231 с.

8. Zhang J. Husserl’s Transcendental Subjectivity, Transcendental Person, and the World // International Journal of Philosophical Studies. 2024. Vol. 32. No. 4. P. 428–455. DOI: 10.1080/09672559.2024.2427587.

9. Миронов Д.Г. Эдмунд Гуссерль. Логические исследования. В 2 т. (3 кн.). М.: Академический проект, 2024: рецензия // Историко-философский ежегодник. 2025. Т. 40. Приложение. С. 155–163. DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-155-163.

10. Yang Y.-C. Husserl’s Theory of Experience in Genetic Phenomenology: Passivity, Rationality, and Normativity // Husserl Studies. 2025. Vol. 41. P. 245–266. DOI: 10.1007/s10743-025-09362-6.

11. Паткуль А.Б. Эдмунд Гуссерль. Идеи к феноменологии и феноменологической философии. Книга третья. Феноменология и основы наук: рецензия // Историко-философский ежегодник. 2025. Т. 40. Приложение. С. 164–171. DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-164-171.

12. Byrne T. The Phenomenological Reduction in Qualitative Research and Philosophy: Bytautas and Husserl // International Journal of Qualitative Methods. 2026. Vol. 25. P. 1–13. DOI: 10.1177/16094069261440750.

13. Пружинин Б.И., Артеменко Н.А., Белоусов М.А. и др. «Логические исследования» Эдмунда Гуссерля. К выходу в свет первого полного перевода на

русский язык (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2025. № 7. С. 5–36. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-7-5-36.

14. Pantazakos T., Wiltsche H. The Life-World as the Empirical Basis of Science // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2026. DOI: 10.1007/s11097-026-10159-x.

15. Tharakan K., George V.M. Husserl's Crisis Text and the Spatial Turn in Philosophy of Science // Philosophia Scientiae. 2025. Vol. 29. No. 1. P. 137–150. DOI: 10.4000/13cnk.

16. de Beistegui M. Crisis – of Phenomenology // Research in Phenomenology. 2026. Vol. 56. No. 2. P. 135–153. DOI: 10.1163/15691640-12341593.

References

1. Gusserl` E`. Logicheskie issledovaniya: v 2 t., 3 kn. / per. s nem. E`.A. Bernshtejna, V.I. Molchanova; novaya redakciya R.A. Gromova, V.I. Molchanova. M.: Akademicheskij proekt, 2024. 1304 s. ISBN 978-5-8291-4257-5.

2. Salice A. Husserl and Disjunctivism Revisited // Husserl Studies. 2024. Vol. 40. P. 171–188. DOI: 10.1007/s10743-024-09343-1.

3. Mixajlov I.A. Filosofiya i psixologiya v sorevnovanii za status fundamental`noj nauki // Nauchny`j rezul`tat. Social`ny`e i gumanitarny`e issledovaniya. 2024. T. 10. № 2. S. 38–49. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-2-0-4.

4. Rojcewicz R. Husserl: Psychological Epoché and Pure Psychology // Journal of Phenomenological Psychology. 2024. Vol. 55. No. 2. P. 133–152. DOI: 10.1163/15691624-20245502.

5. Terent`eva T.A. Rannyaya metafizika Gusserlya v svete sovremenny`x issledovanij // Istoriya filosofii. 2025. T. 30. № 1. S. 40–52. DOI: 10.21146/2074-5869-2025-30-1-40-52.

6. Heinämaa S. Architectonics of a Method: On the Relations Between Husserlian Phenomenology and Its Feminist and Critical Successors // Human Studies. 2025. Vol. 48. P. 13–50. DOI: 10.1007/s10746-025-09785-2.

7. Gusserl` E`. Idei k fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofii. Kniga tret`ya.

Fenomenologiya i osnovy` nauk / per. s nem. I.I. Dokuchaeva, N.V. Piginoj, E.A. Smolonoginoj. Kaliningrad: Izdatel`stvo BFU im. I. Kanta, 2024. 231 s.

8. Zhang J. Husserl's Transcendental Subjectivity, Transcendental Person, and the World // International Journal of Philosophical Studies. 2024. Vol. 32. No. 4. P. 428–455. DOI: 10.1080/09672559.2024.2427587.

9. Mironov D.G. E`dmund Gusserl`. Logicheskie issledovaniya. V 2 t. (3 kn.). M.: Akademicheskij proekt, 2024: recenziya // Istoriko-filosofskij ezhegodnik. 2025. T. 40. Prilozhenie. S. 155–163. DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-155-163.

10. Yang Y.-C. Husserl's Theory of Experience in Genetic Phenomenology: Passivity, Rationality, and Normativity // Husserl Studies. 2025. Vol. 41. P. 245–266. DOI: 10.1007/s10743-025-09362-6.

11. Patkul` A.B. E`dmund Gusserl`. Idei k fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofii. Kniga tret`ya. Fenomenologiya i osnovy` nauk: recenziya // Istoriko-filosofskij ezhegodnik. 2025. T. 40. Prilozhenie. S. 164–171. DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-164-171.

12. Byrne T. The Phenomenological Reduction in Qualitative Research and Philosophy: Bytautas and Husserl // International Journal of Qualitative Methods. 2026. Vol. 25. P. 1–13. DOI: 10.1177/16094069261440750.

13. Pruzhinin B.I., Artemenko N.A., Belousov M.A. i dr. «Logicheskie issledovaniya» E`dmunda Gusserlya. K vy`xodu v svet pervogo polnogo perevoda na russkij yazy`k (materialy` «kruglogo stola») // Voprosy` filosofii. 2025. № 7. S. 5–36. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-7-5-36.

14. Pantazakos T., Wiltsche H. The Life-World as the Empirical Basis of Science // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2026. DOI: 10.1007/s11097-026-10159-x.

15. Tharakan K., George V.M. Husserl's Crisis Text and the Spatial Turn in Philosophy of Science // Philosophia Scientiae. 2025. Vol. 29. No. 1. P. 137–150. DOI: 10.4000/13cnk.

16. de Beistegui M. Crisis – of Phenomenology // Research in Phenomenology. 2026.

Vol. 56. No. 2. P. 135–153. DOI: 10.1163/15691640-12341593.

Статья поступила в редакцию 03.07.2026; одобрена после рецензирования 21.08.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 03.07.2026; approved after reviewing 21.08.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Научная статья
УДК 1(091):141.32(430)"19"

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗНИЦА У М. ХАЙДЕГГЕРА: ОТ «БЫТИЯ И ВРЕМЕНИ» К «ВКЛАДАМ В ФИЛОСОФИЮ»

Муфтахова Альмира Нургалиевна, кандидат философских наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Санкт-Петербург, westpoint@yandex.ru

Аннотация. Проблема преемственности ранней и последующей философии Мартина Хайдеггера сохраняет существенное значение для историко-философского осмысления онтологической разницы. В статье сопоставляются основные положения «Бытия и времени» (1927) и «Вкладов в философию» (1936–1938) с целью установления характера преобразования вопроса о бытии. Исследование выполнено методом имманентной историко-философской реконструкции с использованием сравнительного, терминологического и историко-генетического анализа. Источниковую основу составляют соответствующие произведения Gesamtausgabe, лекционный курс «Основные проблемы феноменологии» и тексты, характеризующие промежуточные и последующие этапы развития мысли Хайдеггера. Сопоставление проводится по критериям исходной философской задачи, функции онтологической разницы, роли Dasein, понимания истины, значения временности и историчности, а также способов постановки вопроса об основании. Показано, что фундаментально-онтологическая аналитика Dasein и историко-бытийная проблематика Ereignis выражают различные способы разработки центрального вопроса о бытии. Отдельно рассмотрены изменения категориального языка, связанные с использованием понятий Seyn, Da-sein, Ab-grund и Geschichte des Seyns. Уточнено историческое соотношение раннегреческого первого начала, последующего становления метафизической традиции и философской задачи другого начала. Разграничены содержание

произведений 1927 и 1936–1938 годов и позднейшие авторские пояснения, включая «Письмо о гуманизме». Предложена сравнительная модель преобразования онтологической проблематики, раскрывающая преемственность философского вопроса и изменение способа его постановки. Научное значение результатов связано с уточнением хронологии, источниковой атрибуции и категориальных оснований историко-философского анализа хайдеггеровской мысли.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер; история философии; онтологическая разница; «Бытие и время»; «Вклады в философию»; Ereignis; история бытия.

Original article

THE ONTOLOGICAL DIFFERENCE IN M. HEIDEGGER: FROM BEING AND TIME TO CONTRIBUTIONS TO PHILOSOPHY

Muftakhova Almira Nurgalievna, Candidate of Philosophical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia, westpoint@yandex.ru

Abstract. The continuity between Martin Heidegger's early and subsequent philosophical thought remains an important problem for historical research on the ontological difference. This article examines the transformation of the question of being through a comparison of Being and Time (1927) and Contributions to Philosophy (Of the Event), composed between 1936 and 1938. The purpose is to identify the historical and conceptual character of the change from fundamental ontology to the philosophical approach associated with the history of being and Ereignis. The investigation employs immanent historical-philosophical reconstruction supported by comparative, terminological, and historical-genetic analysis. Its primary sources include the relevant volumes of Heidegger's Gesamtausgabe, the 1927 lecture course The Basic Problems of Phenomenology, and selected writings illuminating the

transitional and subsequent stages of Heidegger's intellectual development. The comparison is organized around several analytical criteria: the initial philosophical question, the function of the ontological difference, the position of Dasein, the interpretation of truth, the relationship between temporality and historicity, and the changing meaning of ground. The early project is examined through the existential analysis of Dasein and the question of the horizon within which being becomes understandable. The later framework associated with GA 65 is considered through the concepts of Seyn, Da-sein, Ereignis, Ab-grund, and the history of being. Particular attention is given to the relationship between continuity in the underlying philosophical question and changes in the conceptual organization of the inquiry. The article also clarifies Heidegger's interpretation of the first beginning of Western thought, its relationship to early Greek philosophy, and the subsequent development of metaphysical interpretations associated with Plato and Aristotle. A further distinction is drawn between the positions expressed in the works of 1927 and 1936–1938 and Heidegger's later retrospective explanations, including the Letter on Humanism. This chronological approach clarifies the historical status of the expression “shepherd of being” and the later discussion of the onto-theological structure of metaphysics. The study develops a comparative framework for interpreting the transformation of ontological questioning while preserving the conceptual specificity of each period. Its contribution lies in a systematic account of historical continuity, philosophical change, and the methodological requirements of source-based research on Heidegger's intellectual development.

Keywords: Martin Heidegger; history of philosophy; ontological difference; Being and Time; Contributions to Philosophy; Ereignis; history of being.

Введение. Становление хайдеггеровской мысли связано с поиском языка, позволяющего выразить различие между сущим и тем, благодаря чему сущее становится доступным пониманию. Онтологическая разница, первоначально выступавшая у Хайдеггера как методологический принцип, со временем

переосмысливается как характеристика исторического раскрытия истины бытия [1]. Эволюция данного концепта от „Бытия и времени“ к „Вкладу в философию“ отражает не просто изменение терминологии, а глубокий сдвиг в способе мышления, который требует переосмысления как статуса человеческого присутствия, так и природы бытийственного сокрытия.

Исторические предпосылки фундаментальной онтологии Хайдеггера формируются в ранних фрайбургских и марбургских лекционных курсах, в которых исследуются проблемы фактической жизни, понимания, интерпретации и отношения философии к аристотелевской традиции [2, 3]. Значимыми этапами данного развития выступают формирование герменевтики фактичности и последовательное уточнение исследовательского значения Dasein. Историографические работы Т. Кизиля и Дж. ван Бьюрена раскрывают особенности становления соответствующих философских вопросов в контексте интеллектуального развития мыслителя [24, 25]. В «Бытии и времени» указанные направления получают систематическую разработку посредством анализа бытия-в-мире, заботы и временности. Лекционный курс «Основные проблемы феноменологии» 1927 года позволяет дополнительно установить специальное место онтологической разницы в структуре раннего философского проекта. Сопоставление этих произведений показывает, как исследование человеческого существования приобретает значение отправного пункта вопроса о бытии и формирует основания последующего преобразования философской перспективы [16, 17].

Историко-философское сопоставление ранней и последующей философии Хайдеггера предполагает рассмотрение внутренней проблемной структуры «Бытия и времени». В центре произведения находится вопрос о смысле бытия, первоначально разворачиваемый посредством анализа *Dasein* и его экзистенциальных характеристик. Понимание, забота, бытие-в-мире и временность образуют взаимосвязанные элементы данной исследовательской постановки. Вместе с тем проект фундаментальной онтологии направлен на

разработку более общего вопроса о бытии и его возможном понимании. Соотношение анализа *Dasein* и этой общей философской задачи формирует существенную проблему дальнейшего развития хайдеггеровской мысли. Исследование указанного соотношения позволяет выявить содержательные предпосылки изменения философской перспективы, которое становится заметным в текстах конца 1920-х — 1930-х годов. При этом характер последующего преобразования устанавливается через конкретные произведения, последовательность разработки понятий и соответствующие историко-философские контексты [16, 17].

Развитие проблематики онтологической разницы в конце 1920-х — 1930-е годы связано с последовательным изменением способов исследования понимания бытия, истины и основания. В ранней постановке ведущую роль играет вопрос о том, каким образом *Dasein* уже располагает пониманием бытия и как временность связана с возможностью такого понимания. В последующих исследованиях Хайдеггер обращается к вопросу об открытости, в пределах которой сущее становится доступным, а также к отношению раскрытия и сокрытия. Данное изменение создаёт основания для более широкого историко-философского сопоставления ранней феноменологической аналитики и возникающей историко-бытийной перспективы. Особое значение приобретают работа «О сущности истины» и соответствующие философские разработки 1930-х годов. Рассмотрение переходного периода позволяет проследить содержательное преобразование исходного вопроса, сохраняя внимание к различию исторических контекстов, терминологического аппарата и философских задач. Таким образом, характер перехода определяется через последовательность произведений и изменение способов аргументации [17–19].

Во «Вкладах в философию» преобразование исследовательской перспективы получает выражение через *Ereignis* — событие присвоения. Его значение раскрывается в связи с вопросами об истине *Seyn*, историчности открытости и принадлежности человека соответствующему событийному

отношению [6]. Использование данного понятия сопровождается изменением структуры философской аргументации: исходные вопросы о понимании бытия и существовании *Dasein* соотносятся с исследованием исторического способа раскрытия истины. В результате онтологическая разница приобретает новое философское измерение и становится предметом рассмотрения в контексте событийного мышления. Особое значение имеет соотношение *Ereignis, Da-sein* и *Ab-grund*, раскрываемое через последовательность тематических соединений GA 65. В настоящей работе указанная структура рассматривается как исторически определённый этап развития хайдеггеровской философии. Её сравнение с ранним проектом позволяет установить преобразование исходного вопроса и изменение используемых способов философского объяснения [19].

Проблематика истории бытия (*Seinsgeschichte*) занимает значимое место в историко-бытийной постановке Хайдеггера и характеризует дальнейшее развитие вопроса о способах открытости сущего. Философский анализ обращается к различным историческим определениям бытия, формировавшимся в западной метафизической традиции [7]. Особую роль приобретают интерпретации древнегреческой мысли, последовательность преобразования понятий основания и истины, а также вопрос о возможности другого начала. В данной перспективе история философии рассматривается через изменение ведущих способов онтологического понимания. Сопоставление этих положений с ранней аналитикой *Dasein* позволяет выделить преобразование значения историчности: от экзистенциальных характеристик человеческого существования к исследованию исторической открытости самой философской проблемы бытия. Рассмотрение указанного изменения составляет один из основных предметов настоящего исследования и определяет его историко-философскую направленность [16, 19].

Историко-философское рассмотрение преобразования онтологической разницы предполагает установление границ между собственными концептуальными положениями различных периодов творчества Хайдеггера [8].

В «Бытии и времени» исходным предметом исследования выступает бытие *Dasein* и открытость вопроса о смысле бытия. В «Вкладах в философию» анализ организуется вокруг *Ereignis*, историчности истины *Seyn* и возможности другого начала. Последующая авторская интерпретация, представленная «Письмом о гуманизме», развивает вопрос о положении человека в отношении открытости и выражает его посредством формулы «пастырь бытия». Соответственно, различие ранней и более поздней постановок устанавливается через принадлежащие каждому произведению понятия. В центре настоящего исследования находится преемственность философского вопрошания о бытии, а также изменение способа объяснения отношения между бытием, сущим, человеком и истиной. Такое разграничение создаёт основание для содержательного сравнения текстов и позволяет определить историческое значение перехода к событийному мышлению [16, 18, 19].

Таким образом, траектория хайдеггеровской мысли демонстрирует удивительную целостность, несмотря на видимую смену парадигм. Проблема онтологической разницы, прошедшая путь от методологического различения в рамках экзистенциальной аналитики до события присвоения во «Вкладе в философию», связывает ранний и поздний этапы философии Хайдеггера. Отказ от трансцендентального субъекта в пользу сокрытой расчистки не отменяет достижений «Бытия и времени», но помещает их в более широкий контекст истории истины, где человеческая конечность понимается не как источник смысла, а как условие, в котором сокрытость и явленность бытия становятся доступными осмыслению.

Обзор литературы. Проблематика онтологической разницы занимает центральное место в исследованиях исторического развития философии Мартина Хайдеггера. Особое значение для историографии имеет вопрос о характере перехода от фундаментально-онтологической постановки «Бытия и времени» к историко-бытийному мышлению 1930-х годов. Сравнение указанных периодов предполагает разграничение содержания собственных произведений

Хайдеггера, последующих авторских разъяснений и исследовательских интерпретаций. В качестве основных источников используются «Бытие и время» (GA 2), лекционный курс «Основные проблемы феноменологии» (GA 24), «Вклады в философию» (GA 65) и тексты сборника «Путевые знаки» (GA 9) [16–19]. Особое значение приобретает различение времени возникновения философской концепции и даты публикации соответствующего произведения. «Вклады в философию» создавались в 1936–1938 годах, тогда как их первое издание вышло в 1989 году. Историко-философский анализ учитывает это обстоятельство при реконструкции связей между ранними и позднейшими текстами мыслителя.

В классической хайдеггерологии значимую роль сыграла работа Уильяма Дж. Ричардсона «Heidegger: Through Phenomenology to Thought», опубликованная первоначально в 1963 году [22]. Исследование посвящено характеру перехода от феноменологической постановки вопроса о бытии к изменению философской перспективы, связанному с понятием *Kehre*. Особую источниковедческую ценность имеет предпосланное книге обращение Хайдеггера к автору, подготовленное в ответ на вопросы Ричардсона в 1962 году. Этот документ представляет позднейшее свидетельство собственного понимания философом направленности его мысли. Для исторической реконструкции существенным становится различие между тематикой текстов 1920–1930-х годов и объяснениями их взаимосвязи, предложенными самим Хайдеггером позднее. Такое разграничение позволяет рассматривать вопрос о преемственности как предмет анализа конкретных произведений, сохраняя самостоятельное значение авторской ретроспективной интерпретации.

В исследовании Томаса Шихана «Making Sense of Heidegger: A Paradigm Shift» (2015) внимание сосредоточено на пересмотре традиционного объяснения центральной темы хайдеггеровской философии [21]. Значимое место занимает вопрос об открытости, в пределах которой сущее приобретает смысловую определённость, а также о взаимоотношении раннего понятия *Dasein* и

последующей проблематики *Ereignis*. Указанная интерпретация предоставляет основание для сопоставления двух периодов через изменение способа понимания открытости и принадлежности человека истине бытия. Содержание работы Шихана целесообразно соотносить с современными исследованиями онтологической разницы, представленными публикациями P. Ciccarelli, K. Withy, J. A. Dawson и N. Mirmousa [1, 3, 4, 7]. В совокупности эти публикации позволяют выделить различные способы решения вопроса о сохранении центральной философской проблемы при изменении категориального аппарата.

Самостоятельное историографическое направление представлено работами Отто Пёггелера и Теодора Кизиля. Монография Пёггелера «Der Denkweg Martin Heideggers» рассматривает интеллектуальный путь философа в исторической последовательности его произведений и исследовательских задач [23]. Исследование Кизиля «The Genesis of Heidegger’s Being and Time» посвящено становлению проблематики «Бытия и времени» и реконструкции её ранних источников [24]. Особое значение для настоящей работы имеет внимание к фрайбургским и марбургским курсам, историческому контексту феноменологических исследований, восприятию аристотелевской традиции и формированию герменевтики фактичности. Сопоставление двух исследовательских подходов позволяет связать генезис раннего проекта с вопросом о его последующем преобразовании. При этом историческая последовательность рассматривается через тексты и исследовательские ситуации соответствующих лет.

Дополнительное значение для реконструкции раннего периода имеет работа Джона ван Бьюрена «The Young Heidegger: Rumor of the Hidden King» (1994), посвящённая интеллектуальным и религиозно-философским предпосылкам становления мысли Хайдеггера [25]. Рассмотрение ранних лекционных курсов в контексте данной исследовательской линии позволяет уточнять содержание понятий фактичности, жизни, понимания и интерпретации. Для анализа позднейших преобразований указанные характеристики

соотносятся с проблематикой события, истории бытия и философского основания. Современные исследования T. Keiling, А. И. Пигалева и M. Lobos расширяют обсуждение за счёт вопросов завершённости проекта «Бытия и времени», содержания историко-бытийного мышления и отношений между собственным и чужим в философии позднего Хайдеггера [2, 6, 8, 9].

Другое направление современной литературы связано с интерпретацией отдельных категорий событийного мышления. Работа R. Hazel Fallas посвящена проблеме онтологической разницы и её выражению через *Ereignis* [10]. В исследовании F. Schalow рассматривается связь решения, свободы и историчности с преобразованием способов философского мышления [11]. Публикация M.-S. Hantke обращается к соотношению философии Шеллинга, историко-бытийной проблематики Хайдеггера и темы божественного [12]. Исследования M. Thatcher и M. Czerkawski развивают обсуждение философского наследия Хайдеггера через вопросы отношения к платоновской традиции и онтологического статуса бытия [13, 14]. Эти публикации образуют самостоятельный современный исследовательский контекст и позволяют рассматривать трансформацию онтологической разницы с позиций различных интерпретационных подходов. Их содержательная значимость определяется конкретной постановкой вопроса, представленной в соответствующей работе.

Таким образом, рассмотренная литература раскрывает два взаимосвязанных уровня исследовательской проблемы. Первый относится к исторической последовательности развития философии Хайдеггера и предполагает анализ первоисточников, датировок, лекционных курсов и контекста возникновения основных понятий. Второй связан с современными способами интерпретации преемственности и преобразования онтологической разницы. Сопоставление данных уровней позволяет определить методологическое основание настоящего исследования: сравнение ранней фундаментальной онтологии и историко-бытийной мысли выполняется через конкретные тексты, датируемые этапы и устойчивые аналитические критерии.

На этом основании можно установить, какие элементы философской постановки сохраняются при изменении категориального языка и какие преобразования характеризуют развитие понимания *Dasein*, времени, истины и *Ereignis*.

Методы исследования. Исследование выполнено в формате историко-философской реконструкции, направленной на установление преемственности и содержательных преобразований проблемы онтологической разницы в философии Мартина Хайдеггера. Основной метод представляет собой имманентное сопоставление философских текстов, дополненное историко-генетическим, терминологическим и контекстуальным анализом. Единицами исследования выступают понятия Sein, Seiende, Dasein, Da-sein, Seyn, Ereignis, Wahrheit, Lichtung и Ab-grund, рассматриваемые в последовательности их использования в конкретных произведениях. Анализ проводится с разграничением времени создания текстов, их последующей публикации и исторически более поздних авторских пояснений.

Основу первичной источниковой базы составляют «Бытие и время» (1927; GA 2), лекционный курс «Основные проблемы феноменологии» (1927; GA 24), работа «О сущности истины» (доклад 1930 года, впоследствии включённый в GA 9), «Вклады в философию» (рукопись 1936–1938 годов; GA 65) и «Письмо о гуманизме» (1946–1947; GA 9). Для исторического уточнения последующей терминологии дополнительно привлекается «Тождество и различие» (GA 11), объединяющее разработки середины 1950-х годов. Эти произведения используются в соответствии с конкретными исследовательскими задачами. GA 2 и GA 24 характеризуют фундаментально-онтологическую постановку, GA 9 позволяет проследить промежуточные и последующие философские уточнения, GA 65 раскрывает событийное и историко-бытийное переосмысление, а GA 11 представляет более позднюю экспликацию отношения метафизики и различия [16–20].

Сравнительная процедура включает четыре последовательных действия. Первоначально определяется место философского высказывания в

соответствующем произведении и его историческом периоде. Затем устанавливается смысл используемой категории в пределах конкретного понятийного контекста. Следующий этап предусматривает сопоставление функций одноимённых и содержательно родственных понятий в раннем и последующем периодах. На заключительном этапе формулируется вывод о характере преобразования: терминологическом уточнении, изменении исходного вопроса, расширении исторического контекста либо перестройке структуры философского объяснения. Такая последовательность обеспечивает различение текстуально фиксируемого положения и исследовательской интерпретации.

Историко-генетический метод применяется для реконструкции движения от герменевтики фактичности и фундаментальной онтологии к историко-бытийному мышлению. Терминологический анализ направлен на определение функций понятий и особенностей их взаимоотношения. Сравнительный метод используется при построении аналитических таблиц, характеризующих изменение постановки вопроса о бытии, роли человека, понимания истины, времени и основания. Контекстуальный анализ обеспечивает рассмотрение указанных преобразований в связи с интерпретацией древнегреческой философии, развитием феноменологии и историей философских дискуссий первой половины XX века.

Методологическое ограничение исследования связано с использованием двух центральных произведений в качестве основных точек сопоставления. Их анализ позволяет определить содержательную направленность философского преобразования, тогда как детальная реконструкция каждого промежуточного лекционного курса составляет самостоятельную историко-философскую задачу. Соответственно, результаты исследования формулируются как обоснованное сопоставление философских концепций и их исторического контекста, а итоговые положения соотносятся с содержанием рассмотренных первоисточников.

Результаты исследования и их обсуждение. Исходным этапом сравнительной реконструкции выступает анализ фундаментально-онтологической постановки вопроса о бытии в «Бытии и времени» (1927). Центральное значение имеет исследование *Dasein* как сущего, существование которого связано с предварительным пониманием бытия. Хайдеггер рассматривает основные экзистенциальные структуры, включая бытие-в-мире, заботу и временность, через которые раскрывается характер данного понимания. Различение бытия и сущего образует важную предпосылку философской постановки и получает специальную тематическую разработку в лекционном курсе «Основные проблемы феноменологии» того же года. В указанном курсе вопрос об онтологической разнице формулируется как самостоятельная проблема философского исследования. Такое соотнесение произведений позволяет точнее определить историческую структуру раннего этапа и выявить категориальные основания дальнейшего преобразования вопроса о бытии. Последующее сопоставление выполняется через анализ функций *Dasein*, темпоральности и понятийного различения *Sein* и *Seiende* [16, 17].

Центральным открытием первого раздела «Бытия и времени» является анализ *Dasein* как того сущего, для которого в его бытии речь идет об этом самом бытии. *Dasein* характеризуется как *In-der-Welt-sein* (бытие-в-мире), что означает не пространственное нахождение одного объекта внутри другого, а экзистенциальную структуру заботы (*Sorge*), в которой *Dasein* всегда уже понимает себя и мир (таблица 1).

Таблица 1 - Основные понятия фундаментально-онтологической постановки вопроса о бытии

Понятие	Функция в философском анализе	Значение для исследования онтологической разницы
Seiende — сущее	Предметный горизонт различных способов существования	Обозначает то, относительно чего ставится вопрос о бытии
Sein — бытие	Центральная тема онтологического вопрошания	Позволяет выделить собственный предмет вопроса о бытии

Dasein — присутствие, здесь-бытие	Сущее, характеризуемое отношением к собственному бытию и возможностью его понимания	Выступает исходной областью фундаментально-онтологического исследования
In-der-Welt-sein — бытие-в-мире	Основная характеристика существования Dasein	Раскрывает контекст понимания сущего и его бытия
Sorge — забота	Целостная экзистенциальная структура Dasein	Связывает способы существования с возможностями понимания и самоотношения
Seinsverständnis — понимание бытия	Предварительная открытость бытия в человеческом существовании	Создаёт отправную точку для постановки онтологического вопроса
Zeitlichkeit — временность	Экзистенциальная временная структура Dasein	Определяет характер анализа временного основания существования
Temporalität — темпоральность бытия	Тема дальнейшего исследования горизонта смысла бытия	Обозначает проблему, намеченную в проекте фундаментальной онтологии
Ontologische Differenz — онтологическая разница	Различение бытия и сущего	Получает специальную тематическую разработку в лекционном курсе 1927 года, GA 24

Источник: авторская категориальная систематизация [16, 17].

Сравнение представленных понятий показывает, что проблематика онтологической разницы формируется внутри вопроса о бытии и предполагает исследование способов его понимания. В «Бытии и времени» особое значение приобретает аналитика *Dasein* как сущего, для которого отношение к собственному существованию связано с предварительным пониманием бытия. Категории бытия-в-мире, заботы и временности раскрывают структуру такого существования. В лекционном курсе «Основные проблемы феноменологии» 1927 года различение бытия и сущего получает более непосредственное тематическое выражение и рассматривается в связи с возможностью онтологического исследования. Таким образом, раннюю постановку целесообразно характеризовать через взаимосвязь аналитики *Dasein* и специально сформулированного вопроса об онтологической разнице. Данное разграничение приобретает значение исходного критерия для последующего сопоставления с GA 65 [16, 17].

Во втором разделе «Бытия и времени» Хайдеггер показывает, что понимание бытия укоренено в темпоральности *Dasein*. Экстазисы темпоральности (прошлое как брошенность, будущее как проектирование, настоящее как актуализация) образуют горизонт, в котором сущее может являться как сущее. Таким образом, онтологическая разница получает темпоральную интерпретацию: бытие есть не вечная субстанция, а событие временного раскрытия, в котором сущее становится доступным.

В первоначально предусмотренной структуре «Бытия и времени» существенное место занимала дальнейшая разработка вопроса о временном горизонте смысла бытия. Соответствующий раздел «Время и бытие» остался за пределами опубликованного в 1927 году текста. Историко-философское значение данного обстоятельства связано с вопросом о развитии исходного проекта и последующем изменении исследовательской перспективы. В работе Т. Кизиля реконструируются основные этапы формирования «Бытия и времени», включая интеллектуальные предпосылки и становление его проблемной структуры [24]. Для настоящего исследования важным становится сопоставление заявленного направления раннего проекта с философскими разработками последующего периода. В частности, тематика временности и понимания бытия получает новое контекстуальное значение при рассмотрении истины *Seyn*, историчности и *Ereignis* во «Вкладах в философию». Такое сравнение позволяет исследовать содержательную преемственность философского вопроса через различия в способах его разработки [16, 19].

Переход от фундаментально-онтологической постановки к историко-бытийному мышлению целесообразно рассматривать через последовательность конкретных произведений конца 1920-х — 1930-х годов. В лекциях «Основные проблемы феноменологии» 1927 года онтологическая разница получает непосредственную тематическую разработку. В выступлении «Что такое метафизика?» 1929 года существенную роль приобретает анализ ничто и открытости сущего как целого. Работа «О сущности истины», представленная в

форме доклада в 1930 году, развивает проблематику истины, свободы и сокрытия. В рукописи «Вкладов в философию» 1936–1938 годов указанные исследовательские направления приобретают новую организацию через *Ereignis*, истину *Seyn* и различение первого и другого начала. Историческая последовательность позволяет выделить непрерывность центрального философского вопроса и изменение способов его постановки. Общая структура соответствующих этапов представлена на рисунке 1 [17–19].

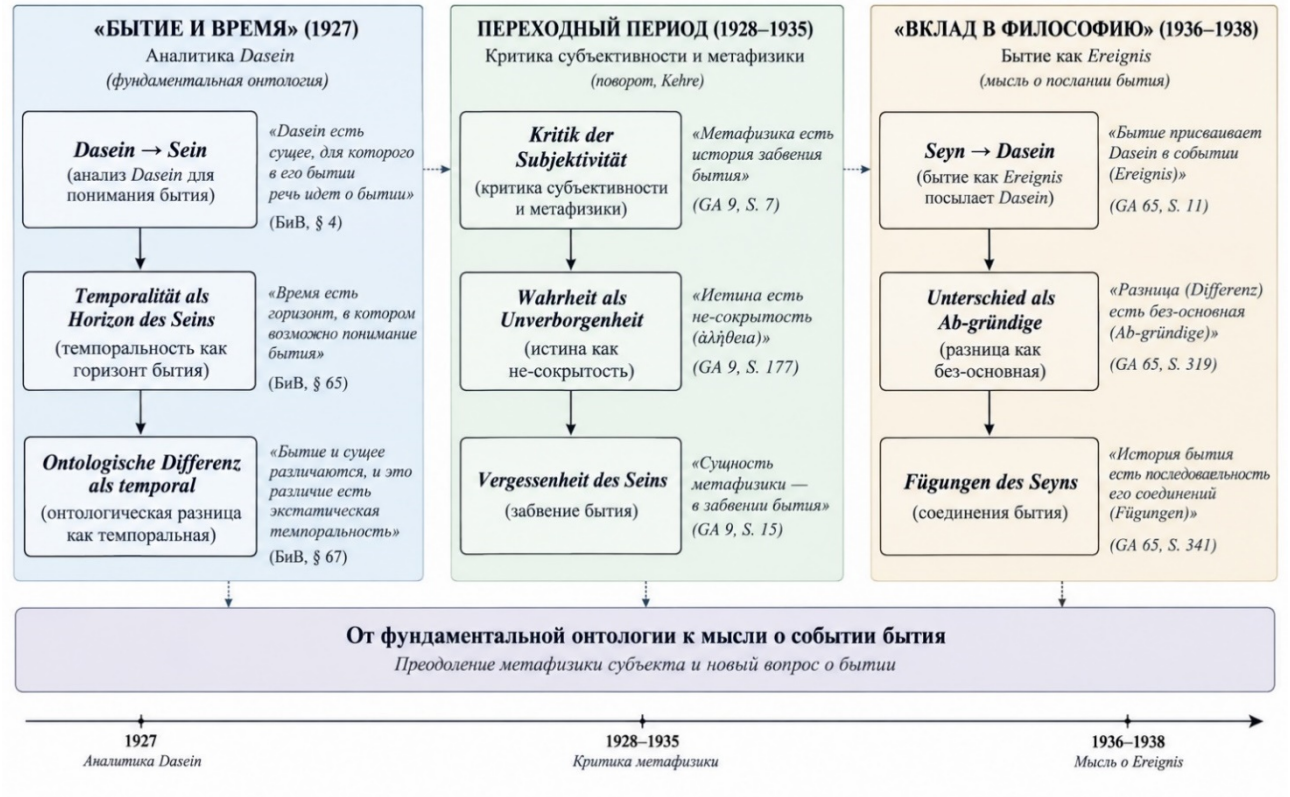

Рисунок 1 - Трансформация понятия онтологической разницы (источник: разработано автором)

Важнейшим текстом этого переходного периода является лекция «Что такое метафизика?» (1929), где Хайдеггер вводит понятие ничто (*Nichts*) как того, что открывает сущее как целое. Ничто не есть отсутствие сущего, а указывает на онтологическую разницу как таковую: только потому, что *Dasein* выдерживает ничто, оно может относиться к сущему как к сущему.

Для реконструкции перехода к историко-бытийному мышлению существенное значение имеет сопоставление философских курсов и публикаций конца 1920-х — начала 1930-х годов. В лекциях «Основные проблемы

феноменологии» (1927; GA 24) различение бытия и сущего представлено как специальная тема онтологического исследования. Выступление «Что такое метафизика?» (1929) и работа «О сущности истины» (доклад 1930 года) раскрывают дальнейшее развитие вопросов о ничто, истине и открытости сущего. В последующих произведениях проблематика исторического понимания метафизики приобретает дополнительную разработку. Особое место в более позднем периоде занимает анализ онто-тео-логического устройства метафизики, изложенный в тексте «Онто-тео-логическое строение метафизики», относящемся к циклу работ «Тождество и различие» (1957; GA 11). Рассмотрение указанных произведений в их исторической последовательности позволяет разграничить первоначальную постановку онтологической разницы и последующее осмысление структуры метафизики [17, 18, 20].

Историко-философская реконструкция О. Пёггелера позволяет рассматривать развитие хайдеггеровской мысли через последовательность философских задач и обращение к исторической традиции [23]. Существенное место в конце 1920-х годов занимает интерпретация философии Канта, представленная в книге «Кант и проблема метафизики» (1929; GA 3). В данном произведении Хайдеггер рассматривает трансцендентальное воображение и временность в контексте собственной постановки вопроса о возможности метафизики. Соответствующая проблематика раскрывает значимость кантовского наследия для развития ранней фундаментальной онтологии. В последующих исследованиях обращение к немецкому идеализму и древнегреческой философии приобретает иное содержание, связанное с переосмыслением истории метафизики. Сопоставление данных тематических направлений позволяет установить исторические предпосылки изменения философской перспективы и связать анализ конкретных произведений с развитием вопросов об основании, истине и историчности бытия. Данное соотношение учитывается при сравнении GA 2 и GA 65 (таблица 2).

Таблица 2 - Трансформация постановки проблемы онтологической разницы в трудах М. Хайдеггера 1927 и 1936–1938 годов

Основание сопоставления	«Бытие и время» (1927; GA 2)	«Вклады в философию» (1936–1938; GA 65)
Исходная исследовательская задача	Разработка вопроса о смысле бытия через фундаментально-онтологическое исследование Dasein	Осмысление истины бытия в её историческом свершении и связи с Ereignis
Статус онтологической разницы	Различение бытия и сущего служит предпосылкой постановки фундаментального онтологического вопроса	Проблема различения получает историко-бытийное переосмысление через вопрос об истоке открытости сущего
Исходный аналитический ход	Исследование способов бытия Dasein, понимания, заботы и временности	Рассмотрение события присвоения, историчности истины бытия и возможности иного начала мышления
Роль человека	Dasein — сущее, для которого собственное бытие составляет вопрос; анализ связан с бытием-в-мире, заботой и пониманием	Da-sein рассматривается в отношении принадлежности истине Seyn, решения и основания места её открытости
Истина	Раскрытость Dasein и открытость сущего рассматриваются в контексте экзистенциальной аналитики	В центре внимания находится взаимодействие раскрытия и сокрытия как характеристик истины Seyn
Время и историчность	Временность Dasein выступает ведущей темой исследования горизонта понимания бытия	Историчность мыслится через историю бытия и возможность преобразования самого способа его раскрытия
Основание	Вопрос об основании связан с устройством бытия-в-мире, временности и понимания	Ab-grund раскрывает проблематичность основания при осмыслении истины Seyn
Метафизика	Разработка вопроса о бытии сопровождается критическим исследованием унаследованной онтологической традиции	История метафизики осмысляется в связи с первым началом и возможностью другого начала
Содержательная преемственность	Центральным остаётся вопрос о бытии и условиях его понимания	Сохраняется направленность вопроса о бытии при изменении способа его постановки и исходных понятий
Характер изменения	Феноменологическая и фундаментально-онтологическая постановка	Историко-бытийное и событийное переосмысление

Источник: авторское историко-философское сопоставление произведений М. Хайдеггера [16, 19].

«Вклады в философию» (Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis), GA 65) создавались в 1936–1938 годах и представляют важнейший документ историко-

бытийного переосмысления проблемы, поставленной в «Бытии и времени». Особенность этого произведения связана с изменением исходной перспективы исследования: вопрос о понимании бытия рассматривается в связи с событием присвоения (*Ereignis*), историчностью истины и возможностью другого начала мышления. Написание *Seyn* используется Хайдеггером для терминологического выделения соответствующего измерения проблемы бытия. Его смысл определяется контекстом произведения и предполагает сопоставление с понятиями *Sein, Dasein, Da-sein, Wahrheit* и *Ab-grund*. Применение особого написания само по себе служит терминологическим ориентиром, тогда как содержательное преобразование философской постановки раскрывается через соотношение этих понятий. Сравнение, представленное в таблице 2, показывает переход от анализа условий понимания бытия к исследованию исторического характера его открытости. При этом центральная тема различения бытия и сущего сохраняет организующее значение в обеих постановках [16, 19].

Центральным понятием становится *Ereignis* (событие-апроприация), которое Хайдеггер описывает как то, что «при-сваивает» *Dasein* бытию и бытие - *Dasein*. *Ereignis* не есть сущее и не есть бытие в традиционном смысле; это событие, в котором осуществляется онтологическая разница (таблица 3).

Таблица 3 - Шесть композиционно-смысловых соединений во «Вкладах в философию» (GA 65)

Соединение	Основная философская задача	Место в историко-бытийной постановке
Der Anklang — отзвук	Осмысление исторического положения, в котором вопрос о бытии приобретает новую значимость	Раскрывает исходную проблемную ситуацию историко-бытийного мышления
Das Zuspiel — взаимоигра	Сопоставление первого начала и возможности другого начала	Обеспечивает историко-философскую перспективу преобразования вопроса
Der Sprung — прыжок	Обращение к исходной области вопроса об истине Seyn	Характеризует изменение способа постановки философской проблемы
Die Gründung — основание	Исследование отношений между Da-sein, истиной Seyn и основанием	Развивает вопрос о месте и характере открытости бытия

Die Zu-künftigen — грядущие	Осмысление возможности иного отношения человека к истине бытия	Раскрывает перспективу исторического участия человека
Der letzte Gott — последний бог	Рассмотрение особого предельного образа событийного мышления	Указывает на специфическое измерение проблематики другого начала

Источник: авторская структурно-смысловая реконструкция GA 65 [19].

Понятие *Ab-grund* во «Вкладах в философию» приобретает значение при рассмотрении основания истины *Seyn* и способов её исторической открытости. Его содержание раскрывается в связи с вопросами *Ereignis, Da-sein* и *Gründung*. В рамках ранней фундаментальной онтологии философский анализ исходил из проблемы понимания бытия и временной структуры *Dasein*. В историко-бытийной постановке вопрос об основании приобретает дополнительное измерение: исследуется само возникновение открытости, в которой бытие и сущее становятся предметом осмысления. *Ab-grund* характеризует предельность традиционных способов постановки вопроса об основании и задаёт возможность иного философского подхода. В связи с этим его употребление требует рассмотрения композиции GA 65 и соответствующего понятийного окружения. Анализ шести соединений позволяет увидеть, как различные тематические линии произведения участвуют в формировании единой историко-бытийной постановки [19].

Понятие *Lichtung* (просветление, поляна) становится ключевым для описания того, как осуществляется онтологическая разница. *Lichtung* — это не сущее и не свойство сущего, а открытое пространство, в котором сущее может являться. Dasein есть то, что «вы-стоит» (*ek-sistiert*) в этом просветлении, но само просветление не создано *Dasein* — оно «послано» бытием (рисунок 2).

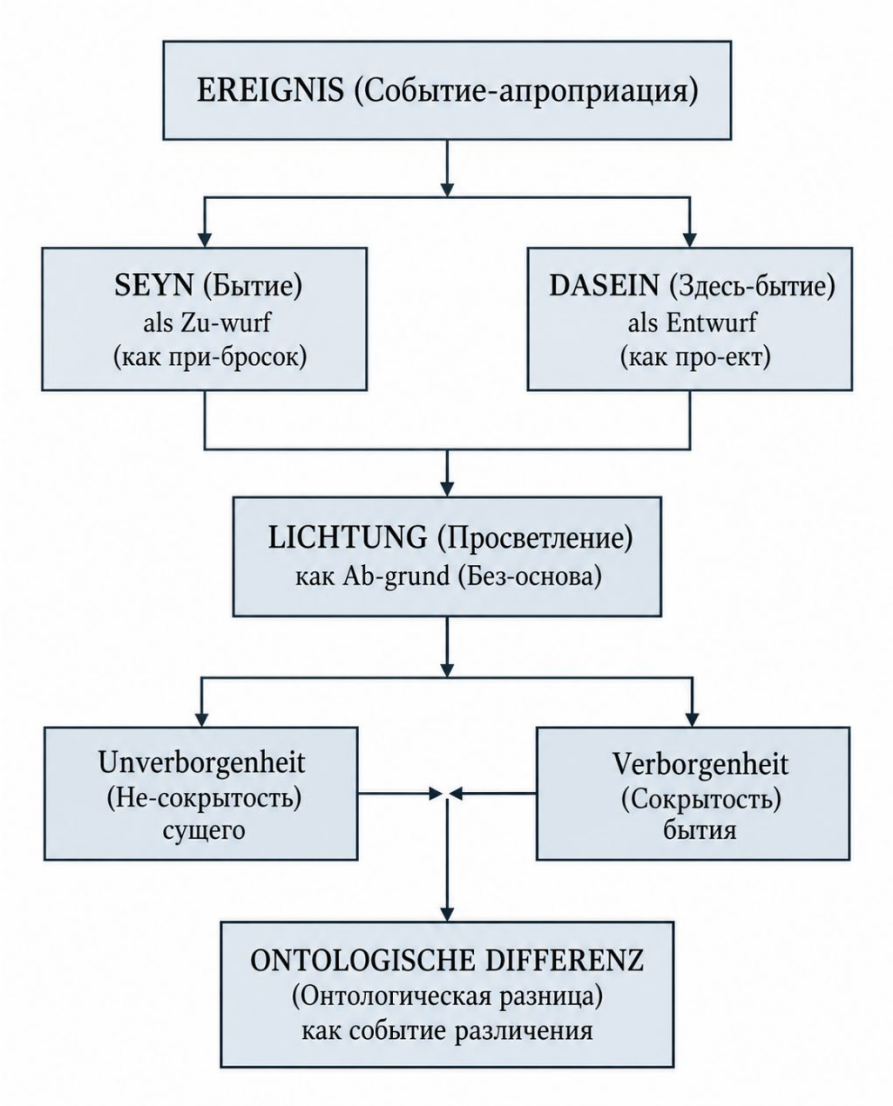

Рисунок 2 - Структура Ereignis во «Вкладе в философию» (источник: разработано автором)

Важно отметить, что Хайдеггер теперь говорит о «истине бытия» (*Wahrheit des Seyn*), а не просто об истине как не-сокрытости сущего. Истина бытия есть событие, в котором бытие одновременно раскрывается и скрывается. Это двойное движение (*Entbergung-Verbergung*) составляет сущность онтологической разницы: бытие дает сущее, но само остается скрытым.

Сопоставление «Бытия и времени» и «Вкладов в философию» позволяет охарактеризовать изменение исследовательской перспективы, получившее в хайдеггероведении обозначение *Kehre* — поворот. В раннем произведении центральное значение имеет аналитика *Dasein* и вопрос о горизонте понимания бытия. В GA 65 философская постановка организуется вокруг *Ereignis*, истины

Seyn и историчности открытости. В исследованиях Т. Шихана данное изменение интерпретируется через преобразование способов понимания открытости и смыслового присутствия [21]. У. Дж. Ричардсон рассматривает поворот в контексте исторического развития хайдеггеровской мысли, уделяя внимание соотношению преемственности и изменения философской перспективы [22]. Сравнительный анализ первоисточников показывает сохранение центрального вопроса о бытии при преобразовании категориальных средств его исследования. В связи с этим содержательную характеристику *Kehre* целесообразно строить на рассмотрении конкретных философских задач, способов аргументации и отношений между понятиями, представленными в GA 2, GA 24 и GA 65 [16, 17, 19].

Одной из ведущих тем «Вкладов в философию» выступает различение первого начала западного философствования и другого начала как задачи историко-бытийного мышления. Данное различение позволяет Хайдеггеру рассматривать раннегреческую постановку вопроса о бытии, последующее развитие метафизической традиции и возможность преобразования способа философского вопрошания в единой историко-философской перспективе. Содержание этих отношений раскрывается посредством сопоставления категорий истины, основания, истории и *Ereignis* [19].

В структуре историко-бытийного мышления Хайдеггера различение первого и другого начала связано с вопросом о судьбе западного понимания бытия. Первое начало соотносится прежде всего с раннегреческим философствованием и первоначальной постановкой вопроса о бытии. Особое место в его реконструкции занимают Парменид и Гераклит, к которым Хайдеггер неоднократно обращается при рассмотрении исторических оснований западной мысли. Последующее развитие греческой философии, связанное с Платоном и Аристотелем, приобретает значение этапа формирования метафизического определения бытия сущего. В хайдеггеровской интерпретации изменение философского словаря сопровождается преобразованием способов

понимания истины, присутствия и основания. Другое начало представляет задачу нового обращения к вопросу о бытии, сформулированную через понятия *Seyn, Ereignis* и истории бытия. Сопоставление двух начал характеризует внутреннюю структуру историко-философской реконструкции Хайдеггера и раскрывает различие между историческим возникновением греческой мысли, развитием метафизической традиции и перспективой её переосмысления. Указанные отношения систематизированы в таблице 4 [19].

Таблица 4 - Первое начало и другое начало в историко-бытийном мышлении М. Хайдеггера

Критерий	Первое начало и развитие метафизической традиции	Другое начало как задача историко-бытийного мышления
Историческая локализация	Раннегреческое философствование, связанное в хайдеггеровской интерпретации с досократиками; последующее развитие метафизической традиции у Платона и Аристотеля	Философская задача, поставленная в текстах Хайдеггера 1930-х годов и ориентированная на преобразование способа постановки вопроса о бытии
Вопрос о бытии	Первоначальное осмысление явленности и раскрытия; последующее определение бытия сущего в языке метафизики	Вопрос об истине Seyn и событии, в котором устанавливается открытость сущего
Историческая динамика	Переход от раннегреческого опыта бытия к традиции понятийного определения сущего	Осмысление историчности самого способа раскрытия бытия
Характер истины	Вопрос об alētheia и историческом преобразовании её понимания в философской традиции	Взаимопринадлежность раскрытия и сокрытия в вопросе об истине Seyn
Онтологическая разница	Различение бытия и сущего получает различные способы истолкования в исторически складывающейся онтологии	Исследование истока различения в связи с Ereignis и историей бытия
Положение человека	В метафизической традиции исторически формируются различные определения человека и его отношения к сущему	Da-sein рассматривается как место и участник раскрытия истины Seyn
Основание	Разработка различных концепций основания, причины и первоначала	Проблематизация основания через Ab-grund и вопрос об истине бытия
Теологический горизонт	В отдельных исторических формах метафизики существенное место занимает вопрос о высшем сущем и первопричине	Образ «последнего бога» относится к особой тематике GA 65 и требует самостоятельной интерпретации в контексте произведения

Историко-философское значение	Реконструкция развития западной онтологии через различные способы истолкования бытия сущего	Постановка вопроса о возможности преобразования исторически сложившегося способа онтологического мышления

Источник: авторская историко-философская систематизация по GA 65 [19].

Хайдеггер описывает историю бытия (*Seinsgeschichte*) как последовательность «посланий» (*Geschicke*), в которых бытие по-разному раскрывается и одновременно скрывается. Греческое начало мыслит бытие как *physis*; средневековье — как *creatio* (сотворенность); новое время — как *objectitas* (объектность) и *certitudo* (достоверность); завершение метафизики у Ницше — как *Wille zur Macht* (воля к власти).

Историко-бытийная реконструкция Хайдеггера получает развитие в исследованиях различных способов понимания сущего, его основания и открытости. Во «Вкладах в философию» особое значение приобретает понятие *Machenschaft*, характеризующее историческое господство определённого способа истолкования сущего через изготовление, осуществимость и распоряжение. Данная категория рассматривается в контексте критического анализа исторического положения западной метафизики и вопроса о возможности другого начала мышления. Более поздняя разработка понятия *Ge-Stell* связана с философским осмыслением современной техники и принадлежит следующему этапу развития хайдеггеровской мысли. Такое разграничение позволяет определить исторические границы анализа GA 65 и особенности дальнейшего развития его проблематики. В настоящем исследовании понятие *Machenschaft* используется для характеристики соответствующего тематического направления «Вкладов в философию», тогда как *Ge-Stell* выступает дополнительным ориентиром последующей философской разработки вопроса об исторических способах открытости сущего [19].

Проблема отношения между историчностью бытия и человеческим участием занимает существенное место в интерпретациях перехода к событийной философии. Историко-философская реконструкция О. Пёггелера

рассматривает развитие мысли Хайдеггера в связи с преобразованием философских задач и обращением к исторической традиции [23]. Для настоящего исследования важным становится вопрос о характере изменений в понимании Dasein: ранняя аналитика связывает его с бытием-в-мире, заботой и проектированием возможностей, тогда как GA 65 рассматривает *Da-sein* через взаимопринадлежность события, истины *Seyn* и основания. Соотношение этих характеристик требует анализа структуры соответствующих произведений. В событийном мышлении участие человека раскрывается посредством понятий решения, исторической открытости и основания, приобретающих значение в контексте конкретных соединений GA 65. Сопоставление данных положений позволяет определить преобразование роли человека как один из основных результатов историко-философского анализа. Вопрос о степени самостоятельности человеческой деятельности рассматривается через структуру соответствующей философской постановки и её отличие от ранней экзистенциальной аналитики [16, 19].

«Письмо о гуманизме», подготовленное Хайдеггером в 1946 году в связи с обращением Жана Бофре и опубликованное в последующий период, представляет важное свидетельство позднейшего авторского объяснения центральных философских задач. В этом произведении мыслитель рассматривает значение человеческой эк-зистенции, отношения между бытием и сущим, а также вопрос об истине бытия. Особое место занимает критическое обсуждение гуманизма и экзистенциалистского понимания человека. Философская позиция Хайдеггера выражается через обращение к открытости бытия, в отношении которой получает характеристику человеческое существование. Указанная постановка позволяет сопоставлять философскую проблематику ранней фундаментальной онтологии с её последующими авторскими интерпретациями, сохраняя историческую самостоятельность произведений разных периодов [18].

Для исследования онтологической разницы особое значение имеет

разграничение вопроса о бытии сущего и вопроса об открытости, в которой становится возможным само различение. В «Письме о гуманизме» Хайдеггер развивает эти темы посредством понятий истины бытия, эк-зистенции и сохранения открытости. Соответствующие положения используются в настоящей работе как свидетельство последующего развития философской постановки, сложившейся в результате исследований 1920–1930-х годов. Сравнение ранних и последующих текстов показывает изменение понятийной организации вопроса о бытии и одновременно его устойчивую роль в философском исследовании. Авторские разъяснения приобретают особую ценность при анализе преемственности и характера философского поворота.

Критика экзистенциализма Ж.-П. Сартра в рассматриваемом произведении связана с вопросом об основаниях понимания человеческой сущности и существования. Хайдеггер противопоставляет традиционным антропологическим определениям человека философскую постановку, в центре которой находится его отношение к истине бытия. Выражение «пастырь бытия» характеризует эту позднейшую перспективу. Его употребление получает историческую определённость при обращении к соответствующему произведению и используется при исследовании преобразования раннего представления о *Dasein*. В результате анализ «Письма о гуманизме» служит дополнительным средством проверки историко-философской реконструкции перехода от GA 2 к GA 65 [16, 18, 19].

В «Письме о гуманизме» Хайдеггер развивает представление об эк-зистенции как особом отношении человека к истине бытия. В рамках этой постановки появляется формула «пастырь бытия» (*Hirt des Seins*), выражающая значение человеческого участия в сохранении открытости. Данный текст относится к 1946–1947 годам и характеризует последующую авторскую экспликацию философской проблемы. Его положения могут использоваться для уточнения исторической перспективы, представленной ранними и переходными произведениями, при условии сохранения их самостоятельного понятийного

содержания. Аналогичным образом более поздняя разработка онто-тео-логического строения метафизики в GA 11 показывает дальнейшее развитие темы различия. В историко-философской реконструкции эти источники позволяют установить направления последующего переосмысления, сохраняя различие между исходной концепцией 1927 года, работой 1936–1938 годов и позднейшими пояснениями автора. Указанные отношения отражены на рисунке 3 [18–20].

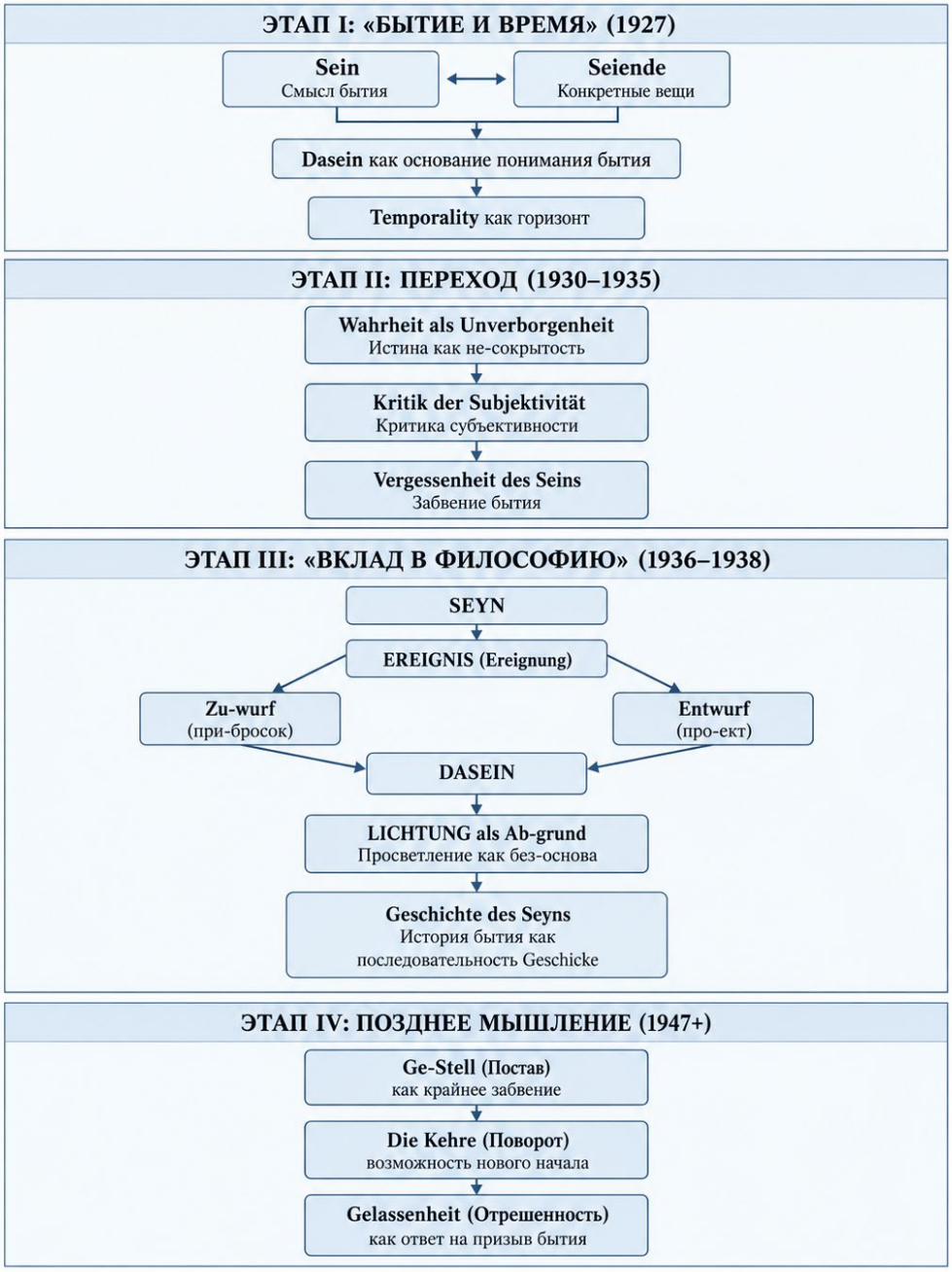

Рисунок 3 - Эволюция понимания онтологической разницы (источник: разработано автором)

Вместе с тем концепция онтологической разницы стала предметом критики со стороны последующих философов.

Проблема терминологической преемственности. Изменение философского языка Хайдеггера представляет самостоятельную трудность историко-философской реконструкции. В ранних произведениях аналитика *Dasein* строится через систему экзистенциальных понятий, связанных с бытием-в-мире, заботой, пониманием и временностью. В GA 65 центральное значение приобретают *Ereignis, Seyn, Da-sein и Ab-grund*. Их сопоставление предполагает исследование смысловых функций терминов внутри конкретного произведения. Особые написания, сложные словообразования и композиционные способы изложения выступают элементами философской аргументации. Для исторического анализа существенным становится сочетание лексического сопоставления с реконструкцией понятийных отношений. Такой подход позволяет выявлять преобразования философского вопроса через изменение способов его артикуляции.

Проблема человеческого участия. Сравнение ранней фундаментальной онтологии и историко-бытийного мышления обнаруживает изменение способов характеристики отношения человека к бытию. Понятие *Dasein* в «Бытии и времени» раскрывается через существование, понимание и проектирование возможностей. В GA 65 отношение *Da-sein* к истине *Seyn* анализируется с привлечением категорий *Ereignis*, решения и основания. Для интерпретации данного изменения существенна структура обоих произведений, поскольку исследуемые понятия связаны с различными философскими задачами. Проблема свободы и ответственности приобретает значение возможного направления последующего исследования и требует самостоятельного рассмотрения соответствующих лекционных курсов и авторских разъяснений.

Исторический и политический контекст. Развитие историко-бытийной постановки происходило в условиях политических преобразований Германии 1930-х годов. Данное обстоятельство составляет значимый контекст историко-

философского исследования и предполагает содержательное разграничение философских категорий, исторических обстоятельств их появления и документируемой политической позиции мыслителя. Анализ вопроса о политических предпосылках и последствиях событийного мышления требует привлечения соответствующих источников, включая документы эпохи, авторские высказывания и специализированную историческую литературу. В рамках настоящей работы соответствующий контекст учитывается при определении исторических границ исследования, тогда как основное внимание сосредоточено на преобразовании онтологической проблемы.

Проблема религиозно-философской терминологии. Тематика «последнего бога», грядущих и другого начала занимает особое место в композиции «Вкладов в философию». Её историко-философское рассмотрение предполагает анализ внутренней функции образов и понятий в событийной постановке. В частности, раздел о последнем боге связан с проблематикой истины *Seyn*, историчности и возможностью изменения способа философского мышления. Эти положения образуют самостоятельную область интерпретации и требуют сопоставления с религиозно-философским контекстом эпохи, тематикой отдельных разделов GA 65 и последующими авторскими разработками. В настоящем исследовании данная область рассматривается как один из содержательных компонентов перехода к историко-бытийному мышлению [19].

Проблема композиции и метода. «Вклады в философию» обладают особой организацией текста, связанной с соединениями, повторными обращениями к центральным вопросам и вариативностью философской терминологии. Их композиция отличается от последовательного изложения экзистенциальной аналитики в «Бытии и времени». Данное различие имеет значение для способа научной реконструкции: сравнение философских концепций строится через устойчивые проблемные критерии, а анализ GA 65 дополнительно учитывает тематическую структуру произведения. Авторская

сравнительная модель позволяет соотнести изменение исследовательской задачи, характера понятий и способа аргументации. Её применение создаёт основу для историко-философского вывода о содержательной преемственности проблемы бытия и преобразовании способов её постановки.

Выводы. Проведённая историко-философская реконструкция позволяет определить преобразование онтологической разницы в философии Мартина Хайдеггера как последовательное изменение способа постановки вопроса о бытии при сохранении центрального значения данной проблемы. Сопоставление «Бытия и времени» и «Вкладов в философию» показывает взаимосвязь двух философских перспектив: фундаментально-онтологической, ориентированной на исследование *Dasein* и условий понимания бытия, и историко-бытийной, рассматривающей истину *Seyn* через *Ereignis*, раскрытие и сокрытие. Характер перехода раскрывается посредством сравнительного анализа исходных вопросов, понятийных структур и исторического контекста произведений. Полученный результат уточняет содержание проблемы преемственности ранней и последующей философии Хайдеггера.

Первый вывод связан с особым положением аналитики *Dasein* в раннем философском проекте. В «Бытии и времени» вопрос о бытии получает разработку через исследование сущего, для которого собственное существование представляет философскую проблему. Бытие-в-мире, забота, понимание и временность раскрывают взаимосвязанные характеристики данной постановки. Лекционный курс «Основные проблемы феноменологии» 1927 года позволяет дополнительно определить место онтологической разницы как специальной темы исследования. Такое сопоставление показывает, что ранняя фундаментальная онтология объединяет анализ человеческого существования с более общим вопросом о различении бытия и сущего. Временность приобретает методологическое значение в связи с исследованием горизонта понимания бытия.

Второй вывод относится к содержанию переходного периода конца 1920-

х — начала 1930-х годов. Обращение Хайдеггера к проблемам ничто, истины, открытости и сокрытия создало условия для изменения первоначальной философской перспективы. Произведения соответствующего периода демонстрируют расширение проблемного поля фундаментальной онтологии и развитие новых способов постановки вопроса. Для историко-философского анализа существенным становится рассмотрение этой динамики через последовательность конкретных текстов и их датировок. Переход к историко-бытийному мышлению приобретает объяснимый характер при сопоставлении исследовательских задач, разрабатываемых в разных произведениях. В результате философский поворот определяется как содержательное преобразование способа онтологического вопрошания.

Третий вывод характеризует значение *Ereignis* и *Seyn* в композиции «Вкладов в философию». В GA 65 проблема бытия рассматривается через событие присвоения, историчность истины и возможность другого начала мышления. Понятия *Da-sein, Ab-grund, Gründung* и *Geschichte des Seyns* приобретают значение внутри взаимосвязанной системы философских вопросов. Композиция шести соединений позволяет раскрыть различные направления данной постановки, включая историческую проблематизацию первого начала, изменение способа обращения к основанию и рассмотрение человеческого участия в истине бытия. Сравнение категориальных структур двух произведений показывает, что изменение понятийного аппарата сопровождается преобразованием философских задач и способов их аргументации. Именно данная взаимосвязь определяет содержательное значение перехода от фундаментальной онтологии к событийной философии.

Четвёртый вывод касается исторического разграничения концептуальных положений и позднейшей самоинтерпретации Хайдеггера. Формула «пастырь бытия», представленная в «Письме о гуманизме», характеризует следующий этап авторского объяснения отношения человека к истине бытия. Её историческая локализация позволяет точнее описать различия между *Dasein* в

«Бытии и времени», *Da-sein* во «Вкладах в философию» и более поздними формулировками. Аналогичное значение имеет обращение к проблеме онто-теологического устройства метафизики в «Тождестве и различии». Данные тексты расширяют историческую перспективу исследования и показывают дальнейшую разработку философской проблемы. Их использование в историко-философской реконструкции предполагает сохранение специфики первоначальных произведений и отдельных этапов развития мысли.

Пятый вывод связан с историческим смыслом различения первого и другого начала. В реконструкции Хайдеггера первое начало соотносится с раннегреческим философствованием, тогда как развитие метафизических определений бытия рассматривается через последующую историю западной мысли. Платоновско-аристотелевская традиция занимает существенное место в данном процессе, однако её философская проблематика представляет особый этап в развитии исходного греческого вопрошания. Другое начало формулируется как задача переосмысления исторически сложившегося способа отношения к бытию. Выделение этих смысловых уровней позволяет уточнить содержание историко-бытийной концепции и восстановить внутреннюю последовательность философского сравнения.

Самостоятельный аналитический результат исследования состоит в системе критериев сопоставления двух философских постановок. К данным критериям относятся исходная исследовательская задача, функция онтологической разницы, роль человеческого существования, интерпретация истины, значение временности и историчности, а также постановка вопроса об основании. Применение этих критериев позволило разграничить непрерывность центральной философской проблемы и преобразование способов её исследования. Систематизация результатов представлена в сравнительных таблицах и концептуальных схемах, связывающих содержание философских произведений с их историческим периодом. Предложенная аналитическая структура может использоваться в историко-философских исследованиях

трансформации феноменологии, фундаментальной онтологии и событийного мышления.

Дальнейшая разработка темы связана с более подробным анализом промежуточных лекционных курсов Хайдеггера, исторической реконструкцией его обращения к древнегреческой философии и исследованием способов интерпретации *Ereignis* в философии второй половины XX века. Отдельное направление составляет сопоставление хайдеггеровской онтологической разницы с последующей рецепцией у Э. Левинаса, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси и Дж. Агамбена. Подобное исследование предполагает обращение к собственным произведениям перечисленных авторов и определение самостоятельных критериев сравнительного анализа. Перспективным также представляется изучение политического и исторического контекста разработки GA 65 с привлечением соответствующих документальных и исследовательских источников.

Список литературы

1. Ciccarelli P. Die Fragestellung von Sein und Zeit anfänglicher gestalten. Heideggers Destruktion der ontologischen Differenz (1935–1940) // Heidegger Studies / Heidegger Studien / Études Heideggeriennes / Studi Heideggeriani. 2025. Vol. 41, No. 1. P. 11–58. DOI: 10.3790/heist.2025.407210.
2. Пигалев А.И. Бытие как событие и сущность поэзии в философии позднего Хайдеггера // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39, вып. 4. С. 658–670. DOI: 10.21638/spbu17.2023.405.
3. Withy K. The Trouble with the Ontological Difference // Wendland A.J., Keiling T. (eds.). Heidegger’s Being and Time: A Critical Guide. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 31–48. DOI: 10.1017/9781108865579.003.
4. Dawson J.A. Heidegger’s Philosophy of the Event: Ereignis as Being’s Ruptured Unfolding (from Beiträge to die Kehre) // Gatherings: The Heidegger Circle Annual. 2024. Vol. 14. P. 145–170. DOI: 10.5840/gatherings2024147.
5. Мирошкин М.С. Антропологический смысл события в фундаментальной

онтологии М. Хайдеггера: историко-философский анализ // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 21–35. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-21-35.

6. Lobos M. Storia ed evento in Heidegger: dalla storia in Sein und Zeit alla storia dell'Essere (1927–1944) // Quaestio. 2024. Vol. 24. P. 247–255. DOI: 10.1484/J.QUAESTIO.5.145019.

7. Mirmousa N. The Ontological Difference in Heidegger's Thought: A Solution to the Puzzle of the Relationship Between Being, Entities, and Dasein in Being and Time // Journal of Philosophical Investigations. 2025. Vol. 19, No. 50. P. 59–78. DOI: 10.22034/jpiut.2024.64180.3901.

8. Keiling T. Heidegger on the Failure of Being and Time // Wendland A.J., Keiling T. (eds.). Heidegger's Being and Time: A Critical Guide. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 248–273. DOI: 10.1017/9781108865579.013.

9. Пигалев А.И. Свое и чужое в контексте философии позднего Хайдеггера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27, № 2. С. 406–420. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-2-406-420.

10. Hazel Fallas R. Heidegger and Excess: The Problem of Ontological Difference in the Expression of Ereignis // Revista de Filosofía de la Universidad de Costa Rica. 2025. Vol. 63, No. 167. DOI: 10.15517/k3nryf08.

11. Schalow F. De-cision, Freedom, and History: On the Path to a New Way of Thinking // Heidegger Studies. 2023. Vol. 39, No. 1. P. 39–54. DOI: 10.3790/heist.39.1.39.

12. Hantke M.-S. Von der Seynsfuge zur Gottes Fuge: Schelling – Heidegger – George // Heidegger Studies. 2024. Vol. 40, No. 1. P. 73–94. DOI: 10.3790/heist.2024.364920.

13. Thatcher M. Heidegger's Answer to Plato's Parmenides // Sophia. 2024. Vol. 63. P. 345–361. DOI: 10.1007/s11841-023-00983-y.

14. Czerkawski M. Being Is a Being // Open Philosophy. 2025. Vol. 8, No. 1. Art. 20240058. DOI: 10.1515/opphil-2024-0058.

15. Zhouxing S. Logos, Tao und Ereignis: Martin Heidegger und das zukünftige

Denken. Wiesbaden: Springer VS, 2025. XIII, 132 S. DOI: 10.1007/978-3-658-45880-5.

16. Heidegger M. Sein und Zeit / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1977. Gesamtausgabe. Bd. 2.

17. Heidegger M. Die Grundprobleme der Phänomenologie / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1975. Gesamtausgabe. Bd. 24.

18. Heidegger M. Wegmarken / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. Gesamtausgabe. Bd. 9.

19. Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1989. Gesamtausgabe. Bd. 65.

20. Heidegger M. Identität und Differenz / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2006. Gesamtausgabe. Bd. 11.

21. Sheehan T. Making Sense of Heidegger: A Paradigm Shift. London: Rowman & Littlefield International, 2015.

22. Richardson W. J. Heidegger: Through Phenomenology to Thought. The Hague: Martinus Nijhoff, 1963.

23. Pöggeler O. Der Denkweg Martin Heideggers. Pfullingen: Günther Neske, 1963.

24. Kisiel T. The Genesis of Heidegger's Being and Time. Berkeley: University of California Press, 1995.

25. Van Buren J. The Young Heidegger: Rumor of the Hidden King. Bloomington: Indiana University Press, 1994.

References

1. Ciccarelli P. Die Fragestellung von Sein und Zeit anfänglicher gestalten. Heideggers Destruktion der ontologischen Differenz (1935–1940) // Heidegger Studies / Heidegger Studien / Études Heideggeriennes / Studi Heideggeriani. 2025. Vol. 41, No. 1. P. 11–58. DOI: 10.3790/heist.2025.407210.

2. Pigalev A.I. By`tie kak soby`tie i sushhnost` poe`zii v filosofii pozdnego Xajdeggera // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. 2023. T. 39, vy`p. 4. S. 658–670. DOI: 10.21638/spbu17.2023.405.

3. Withy K. The Trouble with the Ontological Difference // Wendland A.J., Keiling T. (eds.). Heidegger's Being and Time: A Critical Guide. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 31–48. DOI: 10.1017/9781108865579.003.

4. Dawson J.A. Heidegger's Philosophy of the Event: Ereignis as Being's Ruptured Unfolding (from Beiträge to die Kehre) // Gatherings: The Heidegger Circle Annual. 2024. Vol. 14. P. 145–170. DOI: 10.5840/gatherings2024147.

5. Miroshkin M.S. Antropologicheskij smy`sl soby`tiya v fundamental`noj ontologii M. Xajdeggera: istoriko-filosofskij analiz // Sovremenny`e filosofskie issledovaniya. 2025. № 2. S. 21–35. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-21-35.

6. Lobos M. Storia ed evento in Heidegger: dalla storia in Sein und Zeit alla storia dell'Essere (1927–1944) // Quaestio. 2024. Vol. 24. P. 247–255. DOI: 10.1484/J.QUAESTIO.5.145019.

7. Mirmousa N. The Ontological Difference in Heidegger's Thought: A Solution to the Puzzle of the Relationship Between Being, Entities, and Dasein in Being and Time // Journal of Philosophical Investigations. 2025. Vol. 19, No. 50. P. 59–78. DOI: 10.22034/jpiut.2024.64180.3901.

8. Keiling T. Heidegger on the Failure of Being and Time // Wendland A.J., Keiling T. (eds.). Heidegger's Being and Time: A Critical Guide. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 248–273. DOI: 10.1017/9781108865579.013.

9. Pigalev A.I. Svoe i chuzhoe v kontekste filosofii pozdnego Xajdeggera // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Filosofiya. 2023. T. 27, № 2. S. 406–420. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-2-406-420.

10. Hazel Fallas R. Heidegger and Excess: The Problem of Ontological Difference in the Expression of Ereignis // Revista de Filosofía de la Universidad de Costa Rica. 2025. Vol. 63, No. 167. DOI: 10.15517/k3nryf08.

11. Schalow F. De-cision, Freedom, and History: On the Path to a New Way of Thinking // Heidegger Studies. 2023. Vol. 39, No. 1. P. 39–54. DOI: 10.3790/heist.39.1.39.

12. Hantke M.-S. Von der Seynsfuge zur Gottes Fuge: Schelling – Heidegger – George

// Heidegger Studies. 2024. Vol. 40, No. 1. P. 73–94. DOI: 10.3790/heist.2024.364920.

13. Thatcher M. Heidegger's Answer to Plato's Parmenides // Sophia. 2024. Vol. 63. P. 345–361. DOI: 10.1007/s11841-023-00983-y.

14. Czerkawski M. Being Is a Being // Open Philosophy. 2025. Vol. 8, No. 1. Art. 20240058. DOI: 10.1515/opphil-2024-0058.

15. Zhouxing S. Logos, Tao und Ereignis: Martin Heidegger und das zukünftige Denken. Wiesbaden: Springer VS, 2025. XIII, 132 S. DOI: 10.1007/978-3-658-45880-5.

16. Heidegger M. Sein und Zeit / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1977. Gesamtausgabe. Bd. 2.

17. Heidegger M. Die Grundprobleme der Phänomenologie / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1975. Gesamtausgabe. Bd. 24.

18. Heidegger M. Wegmarken / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. Gesamtausgabe. Bd. 9.

19. Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1989. Gesamtausgabe. Bd. 65.

20. Heidegger M. Identität und Differenz / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2006. Gesamtausgabe. Bd. 11.

21. Sheehan T. Making Sense of Heidegger: A Paradigm Shift. London: Rowman & Littlefield International, 2015.

22. Richardson W. J. Heidegger: Through Phenomenology to Thought. The Hague: Martinus Nijhoff, 1963.

23. Pöggeler O. Der Denkweg Martin Heideggers. Pfullingen: Günther Neske, 1963.

24. Kisiel T. The Genesis of Heidegger's Being and Time. Berkeley: University of California Press, 1995.

25. Van Buren J. The Young Heidegger: Rumor of the Hidden King. Bloomington: Indiana University Press, 1994.

Статья поступила в редакцию 07.09.2026; одобрена после рецензирования 14.10.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 07.09.2026; approved after reviewing 14.10.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Научная статья
УДК 1(091):141.78

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ЧТЕНИЯ У ДЕРРИДА: DIFFÉRANCE, СЛЕД И КРИТИКА МЕТАФИЗИКИ ПРИСУТСТВИЯ

Бибарсов Дмитрий Александрович, кандидат философских наук, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Россия, Астрахань, dmitrii_bibarsov@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется становление деконструкции Жака Деррида в контексте преобразования феноменологических, лингвистических и онтологических оснований европейской философии XX в. Рассматривается вопрос о возможности определения деконструкции как устойчивой стратегии философского чтения без сведения её к универсальному методу интерпретации. На материале работ «Голос и феномен», «О грамматологии», «Письмо и различие», «Différance» и «Позиции» показано, как метафизические противопоставления зависят от понятий, которым в традиционной иерархии отводилось производное положение. Особое внимание уделяется критике самоприсутствия сознания в феноменологии Э. Гуссерля, преобразованию соссюровского понимания языкового различия и философскому содержанию понятий différance, следа и дополнения. Обосновано положение о том, что деконструкция не ограничивается изменением иерархии противопоставленных категорий, поскольку её существенным результатом становится обнаружение зависимости самой возможности противопоставления от исключаемых им условий. Уточняется различие между открытостью значения и произвольностью интерпретации. Показано, что позднейшее обращение Деррида к вопросам ответственности и справедливости связано с ранним исследованием повторения и смысловой определённости, но не сводится к простому продолжению этой проблематики. Сделан вывод, согласно которому концептуальное единство

деконструкции определяется характером историко-философского вопроса, тогда как способы его разработки обусловлены содержанием конкретного философского произведения.

Ключевые слова: Жак Деррида; деконструкция; différance; след; метафизика присутствия; первописьмо; философская интерпретация.

Original article

DECONSTRUCTION AS A STRATEGY OF PHILOSOPHICAL READING IN DERRIDA: DIFFÉRANCE, TRACE, AND THE CRITIQUE OF THE METAPHYSICS OF PRESENCE

Bibarsov Dmitrii Aleksandrovich, Candidate of Philosophical Sciences, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, dmitrii_bibarsov@mail.ru

Abstract. This article examines the development of Jacques Derrida's deconstruction within the transformation of phenomenological, linguistic, and ontological foundations of twentieth-century European philosophy. The central problem concerns whether deconstruction can be understood as a coherent strategy of philosophical reading without being reduced to a universally applicable interpretative method. Drawing primarily on Voice and Phenomenon, Of Grammatology, Writing and Difference, Différance, and Positions, the study investigates the dependence of traditional metaphysical oppositions on concepts assigned a subordinate or derivative status. Particular attention is devoted to Derrida's critique of self-presence in Husserlian phenomenology, his reinterpretation of Saussure's theory of linguistic difference, and the philosophical functions of différance, trace, and supplement. The analysis argues that deconstruction cannot be adequately described as the reversal of conceptual hierarchies. Its more significant achievement consists in demonstrating how the conditions excluded by a philosophical opposition participate in establishing that opposition. The distinction between the openness of meaning and interpretative

arbitrariness is clarified through Derrida's engagement with speech-act theory. His later discussions of responsibility and justice are considered in relation to the earlier analysis of repetition and meaning, without presupposing an absolute continuity between different stages of his philosophical work. The article concludes that the conceptual unity of deconstruction lies in a recurrent philosophical question rather than a fixed sequence of analytical procedures.

Keywords: Jacques Derrida; deconstruction; différance; trace; metaphysics of presence; arche-writing; philosophical interpretation.

Введение. Философское наследие Жака Деррида занимает особое место в истории европейской мысли второй половины XX в., поскольку он пересмотрел основания, на которых метафизическая традиция строила противопоставления первоначального и производного, присутствующего и отсутствующего, внутреннего и внешнего. Возникновение деконструкции связано не с отказом от рационального исследования, а с постановкой вопроса об условиях образования подобных разграничений. Деррида обращается к философским положениям, которые претендуют на самостоятельное обоснование, и устанавливает зависимость их определённости от исключаемых либо подчинённых понятий. При таком рассмотрении критика направлена прежде всего на способы установления метафизического преимущества, а не на устранение самих различий.

Неоднозначность статуса деконструкции обусловлена трудностью её определения через фиксированную исследовательскую процедуру. Представление о ней как об универсальном методе предполагает возможность заранее установить порядок аналитических действий. Между тем дерридианское чтение формируется в зависимости от содержания конкретного произведения, особенностей его аргументации и исторически сложившегося понятийного аппарата. В современных исследованиях данное затруднение сохраняет актуальность, особенно при попытках использовать деконструкцию за

пределами истории философии [1–3]. Поэтому вопрос о её методологической определённости требует обращения к обстоятельствам становления самой философской позиции Деррида.

Истоки соответствующей проблематики обнаруживаются в исследованиях феноменологии Гуссерля, выполненных Деррида в 1950-е — начале 1960-х гг. Введение к французскому переводу «Начала геометрии», опубликованное в 1962 г., выявляет его интерес к исторической передаче идеальных значений. Выход в 1967 г. книг «Голос и феномен», «О грамматологии» и «Письмо и различие» обозначил дальнейшее развитие этих вопросов. Однако тематическая близость произведений не предполагает существования законченной теоретической системы. Их содержание позволяет проследить различные способы исследования зависимости философских оснований от повторения, различия и историчности смысла.

Цель исследования заключается в определении историко-философского статуса деконструкции посредством реконструкции критики метафизики присутствия в ранних произведениях Деррида. Основной вопрос состоит в том, сохраняет ли деконструкция концептуальное единство при невозможности её сведения к обязательной последовательности интерпретативных операций.

Научная новизна работы определяется обоснованием различия между концептуальной направленностью деконструкции и способами её осуществления в исторически конкретном философском материале. Предлагается рассматривать зависимость первоначального понятия от исключаемого им условия как центральную проблему ранней деконструкции, не превращая её в универсальную схему прочтения. Такое разграничение позволяет уточнить философское содержание différance и следа, установить пределы критики присутствия и определить характер преемственности между ранними произведениями Деррида и его позднейшими исследованиями ответственности.

Обзор литературы. В современной литературе сохраняется расхождение между интерпретациями деконструкции как самостоятельного способа

философствования и подходами, рассматривающими её преимущественно в качестве исследовательской практики. М. Д. Купарашвили анализирует философское содержание письма и бинарных противопоставлений, подчёркивая, что критика традиционных оснований не должна отождествляться с отрицанием философского смысла. В другой работе автор раскрывает положительные возможности деконструкции через преобразование понятий следа, первописьма и присутствия [1, 4]. Однако признание содержательной самостоятельности соответствующих понятий требует уточнения: их систематическое объединение способно восстановить представление о первоначальном основании, против которого направлена дерридианская критика.

Особого внимания заслуживает исследование Э. Д. Мартинес Агилар, С. Витжеса и Р. тен Боса, посвящённое применению деконструкции в дискурсивном анализе. Авторы предлагают модель двойного чтения, предполагающую последовательное воспроизведение аргументации и исследование её внутренних ограничений [3]. Преимущество такого подхода заключается в стремлении обосновывать предлагаемые интерпретации. Вместе с тем стандартизация исследовательских операций создаёт опасность подмены исторически определённого философского вопроса заранее установленной аналитической схемой. Именно поэтому возможность практического применения деконструкции ещё не доказывает её существования в качестве универсального метода.

Иную перспективу открывает работа Р. Перес Леон, рассматривающая философскую ответственность Деррида через его отношение к феноменологическому наследию Гуссерля [2]. Значение исследования заключается в обнаружении исторических предпосылок поздней этической проблематики внутри ранней критики традиции. С этим направлением соотносится исследование Ч. Нхери, посвящённое зависимости философской аргументации Деррида от организации его текстов [5]. Оба подхода позволяют отказаться от представления о деконструкции как исключительно отрицательной

практике, хотя требуют различать содержательные положения философа и своеобразие литературной формы их выражения.

В отечественной философии существенное значение имеет критика онтологического истолкования первописьма, предложенная И. А. Девайкиным [6]. Рассматривая современную рецепцию Деррида, исследователь обнаруживает затруднения, возникающие при попытке придать первописьму значение независимой реальности. Показательно, что сходный вопрос возникает при исследовании différance и следа: превращение этих понятий в самостоятельные первоначала противоречило бы направленности деконструкции. Современные исследования грамматологии, включая работу Х. Исиды, подтверждают необходимость различать философские условия знаковой определённости и особенности конкретных исторических средств письма [7].

Полемика между Деррида и Дж. Сёрлем вновь привлекла внимание исследователей благодаря вопросам о соотношении речевого намерения, повторяемости знака и коммуникативного контекста. В. А. Москвитин показывает различие между подходами двух философов к пониманию языкового значения [8]. Для настоящего исследования эта дискуссия важна как возможность установить границу между обоснованным критическим прочтением и интерпретацией, не ограниченной содержанием исходного текста.

Материалы и методы исследования. Источниковую основу работы образуют произведения Деррида 1960-х — начала 1970-х гг.: «Голос и феномен», «О грамматологии», «Письмо и различие», «Différance», «Позиции», а также введение к «Началу геометрии» Гуссерля. Для установления исторических предпосылок рассматриваются положения «Логических исследований» Гуссерля, «Курса общей лингвистики» Соссюра, «Бытия и времени» Хайдеггера и сочинений Руссо о происхождении языка. Современная исследовательская литература представлена публикациями 2024–2026 гг., а классические произведения используются как историко-философские источники.

Методологическую основу исследования составляет историко-

философская реконструкция, дополненная сравнительным и имманентным анализом аргументации. Сначала определяется, для решения какой задачи автор вводит рассматриваемое понятие. Затем исследуется зависимость его определённости от противопоставленных ему положений. Существенным считается не всякое различие между отдельными высказываниями автора, а такое затруднение, которое затрагивает основания его философской позиции.

При сопоставлении произведений особое внимание уделяется сохранению первоначального значения анализируемых категорий. Гуссерлевское различение выражения и указания рассматривается в связи с преодолением психологизма; приоритет речи у Соссюра — в связи с построением самостоятельной лингвистической науки; понятие дополнения у Руссо — в контексте противопоставления естественного и искусственного и рассуждений о происхождении языка. Такой подход позволяет избежать приписывания историческим авторам проблем, возникающих лишь в позднейшей интерпретации.

Предлагаемые исследовательские приёмы служат обоснованию выводов настоящей статьи и не отождествляются с универсальным методом самого Деррида. Достоверность результатов определяется соответствием реконструкции содержанию исходных философских текстов, последовательностью рассмотрения аргументов и учётом альтернативных истолкований.

Результаты исследования и их обсуждение. Обращение Деррида к феноменологии Гуссерля составляет существенную предпосылку формирования деконструкции. В «Логических исследованиях» Гуссерль различает выражение (Ausdruck) и указание (Anzeichen), стремясь установить самостоятельность идеального значения по отношению к единичному психическому переживанию. Выражение обладает смыслом, который нельзя свести к обстоятельствам его фактического произнесения. Указание, напротив, предполагает связь между данным знаком и некоторым другим обстоятельством, о котором он сообщает.

Это разграничение необходимо Гуссерлю для преодоления психологизма и обоснования логической объективности.

Деррида сосредоточивает внимание на внутренней речи, где субъект, согласно феноменологическому описанию, не нуждается в сообщении самому себе о существовании собственных переживаний. Такая ситуация позволяет Гуссерлю рассматривать выражение независимо от коммуникативного указания. В «Голосе и феномене» Деррида исследует предпосылки подобного разграничения, обращаясь к особенностям голоса как средства, посредством которого субъект слышит собственную речь. Непосредственная близость говорения и слышания создаёт возможность истолковывать значение как содержание, данное сознанию без внешнего посредничества.

Философское затруднение возникает при рассмотрении условий идеальности значения. Смысл выражения сохраняет определённость не потому, что принадлежит единственному психическому акту, а благодаря возможности повторного распознавания. Одно и то же значение должно оставаться доступным в различных обстоятельствах употребления знака. Следовательно, повторяемость знака, в том числе в отсутствие первоначального говорящего, является одним из условий определённости смысла. Деррида делает отсюда вывод о невозможности полностью отделить внутреннее выражение от отношений, посредством которых значение существует за пределами отдельного переживания.

Данная аргументация связана с гуссерлевским исследованием внутреннего сознания времени. Настоящее переживание не существует в качестве изолированной точки: его единство предполагает ретенционное удержание предшествующей фазы и протенционную направленность к последующей. Деррида усматривает в этом обстоятельстве ограничение представления о самодостаточном присутствии. То, что переживается как настоящее, уже включает отношение к не совпадающим с ним временным моментам. Однако подобное прочтение требует существенной оговорки. Для Гуссерля ретенция

представляет собой особый способ данности, а не внешнее воспоминание, нарушающее непосредственность переживания. Поэтому дерридианская критика ставит вопрос об основаниях феноменологической очевидности, но сама по себе не доказывает внутренней несостоятельности феноменологии.

Обоснованность этого возражения подтверждает исследование К. Э. Ли, опубликованное в 2024 г. Автор оспаривает дерридианское прочтение внутренней речи, полагая, что феноменологическое описание Гуссерля нельзя полностью отождествлять с метафизическим требованием прозрачности сознания [14]. Данная позиция заставляет точнее обозначить границы критики присутствия: обнаружение повторяемости выражения ещё не отменяет различия между феноменологическим переживанием значения и его коммуникативным употреблением.

Исторические предпосылки проблемы становятся отчётливее при обращении к введению Деррида 1962 г. к «Началу геометрии». Геометрическая идеальность должна сохранять объективное значение независимо от существования первоначального исследователя. Однако возможность её исторической передачи предполагает письменное закрепление и последующее воспроизведение. Письмо в данном случае нельзя считать лишь техническим средством сохранения уже полностью самостоятельного содержания. Оно оказывается связано с условиями, при которых идеальное значение приобретает историческую доступность. Противоречие возникает между требованием независимости идеальности от отдельных актов сознания и необходимостью объяснить способы её передачи.

Рассмотрение этих положений позволяет определить философский источник ранней деконструкции. Деррида исследует не фактическую ограниченность человеческого самопознания, а возможность окончательного обоснования значения через первоначальную данность. Феноменологический проект сохраняет для него значение исходной проблемы, поскольку именно исследование сознания, времени и идеальности позволяет поставить вопрос о

зависимости присутствия от того, что не совпадает с ним непосредственно.

Иное направление критики метафизических оснований возникает при обращении Деррида к структурной лингвистике Фердинанда де Соссюра. Согласно положениям «Курса общей лингвистики», язык представляет собой систему различий, внутри которой значение отдельного элемента зависит от его отношений с другими элементами. Языковая единица не обладает полностью самостоятельным положительным содержанием до включения в соответствующую систему. Тем самым соссюровское учение о языковой ценности создаёт предпосылки для пересмотра традиционного понимания знака как простого соединения обозначения с заранее существующим значением.

Вместе с тем Соссюр отдаёт преимущество звучащей речи, рассматривая письмо главным образом как средство её фиксации. Такая установка имеет определённое научное основание: письменная форма не всегда соответствует действительной звуковой организации языка, а особенности орфографии способны искажать представление о фонетических отношениях. Деррида признаёт необходимость разграничения предмета лингвистического исследования, но обращает внимание на возникающее противоречие. Если языковая определённость обусловлена отношениями различия, то преимущество звучащей речи не может быть обосновано исключительно её предполагаемой непосредственной близостью к смыслу.

В «О грамматологии» это затруднение становится основанием пересмотра традиционной иерархии речи и письма. Письменный знак способен сохранять определённость в отсутствие первоначального говорящего, поскольку его понимание предполагает возможность повторного распознавания. Однако подобная повторяемость необходима и для устного языка. Звучащая речь также должна допускать воспроизведение и узнавание языковых единиц в различных ситуациях. Следовательно, свойства, позволяющие определять письмо как вторичное средство, не могут быть полностью исключены из условий существования речи.

Понятие первописьма (archi-écriture) вводится Деррида для обозначения соответствующей зависимости. Оно не относится к исторически первоначальной системе графических обозначений и не предполагает существования письма раньше устного языка. Речь идёт об условиях различимости и повторяемости, благодаря которым вообще становится возможным знаковое значение. Первописьмо поэтому не совпадает с какой-либо эмпирической формой записи, хотя исторические способы письма позволяют обнаружить характер соответствующих отношений.

При таком понимании критика фонологического преимущества речи не требует отрицания действительных различий между устной и письменной коммуникацией. Их исторические особенности сохраняют значение для лингвистического исследования. Под сомнение ставится лишь философское предположение о том, что одна форма обладает непосредственным доступом к смыслу, тогда как другая представляет собой внешнее и производное обозначение. Как показывает Х. Исида, данное разграничение сохраняет актуальность и при рассмотрении современных средств записи, поскольку техническое развитие письма не устраняет вопроса о философских основаниях его подчинения звучащей речи [7].

Понятие первописьма нельзя объяснить простой перестановкой членов исходного противопоставления. Если объявить графическую запись безусловно первоначальной, традиционная иерархия сохранится, хотя её направление изменится. Более существенный результат состоит в обнаружении условий знаковой деятельности, которые невозможно закрепить исключительно за речью или письмом. Именно здесь становится заметным отличие деконструкции от отрицательной критики определённого философского положения.

Понятие différance позволяет установить связь между критикой языкового знака и исследованием метафизических предпосылок философского мышления. В одноимённом докладе 1968 г. Деррида обращается к двум значениям французского глагола différer — «различаться» и «отсрочивать». Первое

относится к несовпадению элементов, благодаря которому становится возможной их определённость; второе указывает на временной характер образования значения, не допускающий его окончательного совпадения с отдельным актом присутствия.

Специфика термина обнаруживается в намеренном изменении написания différence на différance. Во французском языке различие между соответствующими формами не воспринимается на слух, хотя сохраняется на письме. Деррида использует данное обстоятельство для демонстрации ограниченности представления о голосе как последнем основании смысловой определённости. Письменное различие оказывается значимым без непосредственного звукового выражения, что позволяет вновь поставить вопрос о пределах традиционной иерархии речи и письма.

При этом différance нельзя истолковывать как самостоятельную первоначальную сущность, предшествующую всем различиям. Подобное определение противоречило бы исходной философской задаче, поскольку воспроизводило бы метафизическое требование единого основания. Значение термина связано с тем, что отдельный элемент получает определённость через отношения, не принадлежащие ему изолированно. Языковой смысл возникает не благодаря первоначальной завершённости знака, а посредством его различимости в соответствующей системе.

Временная сторона данной зависимости имеет особое значение. Употребление знака предполагает возможность его повторения, однако каждый новый случай осуществляется в обстоятельствах, не совпадающих с первоначальными. Сохранение значения не требует полного тождества исторических ситуаций. Напротив, возможность понимания обусловлена воспроизводимостью смысловой формы при изменении условий её существования. Отсюда не следует, что определённое значение вообще невозможно установить. Différance указывает на невозможность окончательной самодостаточности значения, но не отрицает различий между допустимыми

интерпретациями.

Понятие следа (trace) показывает, что значение не может определяться только самим собой и зависит от отношений с другими элементами. В философии Деррида след нельзя сводить к материальному отпечатку исчезнувшего предмета либо к воспоминанию о прошедшем событии. Его значение определяется тем, что смысловая определённость предполагает отношения, не содержащиеся полностью в отдельном элементе. Присутствующее не обладает законченной самостоятельностью, поскольку условия его распознавания связаны с различиями, выходящими за пределы непосредственной данности.

Особенность данного положения состоит в невозможности превратить след в новое самостоятельное первоначало. Если бы он представлял собой универсальную субстанцию, из которой возникают все остальные определения, критика метафизики фактически завершилась бы восстановлением её исходного требования. Поэтому понятия следа и différance необходимо рассматривать в связи с конкретными философскими затруднениями. Они обладают близкой направленностью, но не образуют двух последовательно выводимых категорий единой системы.

Отношение этих понятий к наследию Мартина Хайдеггера требует отдельного уточнения. Хайдеггеровская критика истории онтологии направлена против истолкования бытия через постоянное наличие сущего. Деррида наследует данную постановку вопроса, однако обращает внимание на зависимость самого языка преодоления метафизики от исторически сложившихся противопоставлений. Стремление окончательно выйти за пределы традиции рискует сохранить различие между первоначальным и производным, подлинным и искажённым. Деконструкция поэтому не может быть полностью отождествлена с хайдеггеровской деструкцией истории онтологии.

Сопоставление феноменологии, структурной лингвистики и хайдеггеровской философии показывает, что différance возникает не

посредством механического соединения предшествующих учений. Деррида преобразует их исходные положения при постановке вопроса об условиях образования философских различий. От Соссюра наследуется представление о зависимости значения от системы отношений, от Гуссерля — проблема временного существования идеальности, от Хайдеггера — критическое рассмотрение метафизического преимущества присутствия. Своеобразие позиции Деррида состоит в том, что он выявляет ограничения, связанные со способами обоснования этих положений.

Конкретный характер деконструкции наиболее отчётливо проявляется в анализе произведений Жан-Жака Руссо, представленном во второй части «О грамматологии». Деррида рассматривает понятие дополнения (supplément) в связи с противопоставлением естественного и искусственного, первоначального и производного. В рассуждениях Руссо письмо приобретает значение средства, восполняющего отсутствие непосредственного речевого общения. Такое понимание предполагает первоначальную полноту живого присутствия, относительно которой письменное обозначение занимает вторичное положение.

Однако понятие дополнения не сводится к простой функции замещения. Если первоначальное состояние действительно обладает завершённой самодостаточностью, необходимость дополнения требует специального объяснения. Письмо позволяет сохранять сообщение именно потому, что присутствие говорящего не обеспечивает бесконечной передачи значения. Следовательно, дополнение обнаруживает ограниченность того, что первоначально мыслилось независимым от вспомогательных средств.

Деррида не утверждает, что Руссо сознательно отказывается от преимущества естественной речи. Напротив, критическое чтение предполагает различение авторского намерения и зависимостей, которые выявляются при последовательном рассмотрении аргументации. Первоначальная иерархия сохраняется в исходном философском построении, однако её собственные основания позволяют поставить вопрос о необходимости того, что объявлялось

производным.

Этот пример раскрывает две различные стороны деконструкции. Критическое чтение прежде всего выявляет ограниченность традиционной иерархии философских понятий. Дальнейший анализ показывает, что простое изменение их положения не устраняет зависимости первоначала от исключаемого условия. Таким образом, деконструкция затрагивает не только иерархию противопоставленных понятий, но и основания самого противопоставления.

Полемика Деррида с Джоном Сёрлем позволяет точнее рассмотреть вопрос об обоснованности деконструктивного чтения. Её исходный предмет связан с теорией речевых актов Джона Остина и условиями успешного осуществления высказывания. В статье «Подпись, событие, контекст» Деррида исследует возможность повторения языкового выражения вне первоначальной коммуникативной ситуации. Понимание знака предполагает его распознаваемость в различных обстоятельствах, вследствие чего значение не может быть полностью закреплено за единичным намерением говорящего.

Понятие итерабельности обозначает возможность повторного употребления знака при сохранении его относительной определённости. Однако обстоятельства воспроизведения никогда не совпадают полностью. Именно это позволяет Деррида поставить вопрос об ограниченности представления о замкнутом контексте, способном окончательно определить все будущие способы употребления высказывания.

Сёрль, отвечая на дерридианскую критику, настаивает на необходимости различать повторяемость языковой формы и правила осуществления определённого речевого действия. Данная позиция обнаруживает важное ограничение возможного истолкования деконструкции: открытость контекста не означает невозможности установления условий успешности конкретного высказывания. Анализ В. А. Москвитина подтверждает, что спор затрагивает различия в понимании интенциональности и отношения языкового значения к

коммуникативной ситуации [8].

Из возможности повторения знака в различных обстоятельствах логически не следует равнозначность всех его интерпретаций. Конкретное употребление сохраняет определённые правила, а его исторические условия могут быть установлены исследователем. Поэтому деконструкция не освобождает философское чтение от требований аргументативной обоснованности. Напротив, выявление зависимости первоначального положения от исключаемых им условий требует точного восстановления соответствующих понятийных отношений.

Этот вывод позволяет уточнить вопрос о деконструкции как методе. Современные попытки представить её через воспроизводимые исследовательские действия обладают практическим значением, однако не исчерпывают своеобразия исходной философской позиции Деррида [3]. Её содержательное единство определяется характером постановки вопроса о философских основаниях, тогда как способы его разработки зависят от конкретного текста. Методологическая стандартизация в подобном случае способна ограничивать возможности исследования, если заранее устанавливает характер ожидаемого результата.

Расширение философских интересов Деррида в конце 1980-х — начале 1990-х гг. нередко характеризуется как переход от исследования языка к вопросам этики и политики. Однако представление о резкой смене философских оснований требует дополнительного доказательства. Проблема исторической ответственности уже присутствовала в ранних работах, поскольку критическое отношение к философскому наследию предполагало необходимость его сохранения и преобразования, а не окончательного устранения.

В «Силе закона» Деррида исследует отношение между правовой нормой и единичным решением. Норма предполагает возможность повторного применения, однако всякая конкретная ситуация обладает особенностями, не исчерпываемыми общим правилом. Возникающее затруднение имеет

определённую связь с ранним анализом итерабельности: повторение обеспечивает сохранение значения, но не устраняет различий между обстоятельствами его осуществления. Вместе с тем нормативное требование справедливости не может быть непосредственно выведено из устройства языкового знака. Поэтому преемственность двух направлений следует устанавливать без их полного отождествления.

В современной литературе данное обстоятельство рассматривается применительно к философии права и политической теории. А. А. Савенков подчёркивает, что дерридианская критика окончательного правового основания не предполагает отказа от нормативного регулирования [10]. Л. Томассен, в свою очередь, исследует возможности деконструкции в политической философии, обращаясь к проблемам суверенитета, справедливости и демократии [9]. Эти подходы свидетельствуют о расширении предмета деконструкции, хотя возможность её использования в политическом исследовании не отменяет необходимости самостоятельного обоснования соответствующих выводов.

Дополнительный материал для анализа позднего периода предоставляют опубликованные в 2024 г. два тома Thinking What Comes, включающие ранее не переведённые на английский язык работы и интервью Деррида [11, 12]. Они позволяют рассматривать развитие его философии без сведения позднего творчества исключительно к проблематике права и политического решения. Обращение к наследованию, ответственности и исторической определённости философского высказывания обнаруживает связь с более ранней критикой присутствия, хотя каждый из этих вопросов приобретает самостоятельное содержание.

Проведённое исследование не подтверждает необходимость безусловного противопоставления ранней и поздней деконструкции. Более обоснованным представляется различение сохраняющейся исследовательской направленности и изменяющегося предмета философского анализа. Обращение к новым проблемам не свидетельствует о полном отказе от первоначальных оснований,

но и не позволяет рассматривать всё творчество Деррида как применение единственной законченной концепции.

Выводы. Историко-философская реконструкция ранних произведений Жака Деррида позволяет определить деконструкцию как стратегию критического чтения, предметом которой выступает зависимость философских оснований от исключаемых либо подчиняемых ими условий. Формирование данной проблематики связано с преобразованием феноменологического учения об идеальности значения, соссюровской теории языкового различия и хайдеггеровской критики метафизического присутствия. При этом наследование соответствующих философских вопросов не означает непосредственного воспроизведения положений предшествующих авторов.

Анализ «Голоса и феномена» показал, что критика самоприсутствия сознания опирается на проблему повторяемости идеального значения и временного устройства переживания. Деррида обнаруживает затруднения при попытке мыслить очевидность независимо от отношений различия, однако эти затруднения не дают оснований для полного отрицания феноменологического анализа. Содержание спора определяется различием в понимании условий первоначальной данности, а не простым противопоставлением непосредственного сознания внешней знаковой деятельности.

Исследование «О грамматологии» позволило уточнить значение первописьма и дополнения. Первописьмо относится к условиям знаковой различимости, которые не могут быть закреплены исключительно за устной или письменной коммуникацией. Дополнение обнаруживает ограниченность представления о первоначале, обладающем завершённой самостоятельностью. В обоих случаях деконструкция не ограничивается перестановкой противопоставленных понятий, а выявляет зависимость их иерархии от условий, объявляемых вторичными.

Différance и след не образуют самостоятельных онтологических первоначал и не должны рассматриваться в качестве универсальных причин

образования смысла. Эти понятия позволяют исследовать различимость значения, его временную обусловленность и невозможность его полной самодостаточности. Такая постановка вопроса не предполагает отрицания смысловой определённости либо равнозначности всех интерпретаций.

Полемика с Сёрлем обнаруживает необходимость различать принципиальную повторяемость знака и условия его конкретного употребления. Открытость исторического контекста не устраняет возможности рационального обоснования определённого прочтения. Следовательно, деконструктивное чтение требует аргументации, основанной на исследуемом материале, хотя результат интерпретации нельзя гарантировать заранее.

Позднейшая проблематика ответственности и справедливости свидетельствует о расширении философских интересов Деррида при сохранении связи с ранним анализом повторения и зависимости общего правила от конкретных обстоятельств. Однако вопросы нормативной обязательности обладают самостоятельным содержанием, вследствие чего представление о полной неизменности деконструкции на протяжении всего творческого пути философа было бы недостаточно обоснованным.

Главный результат исследования состоит в установлении различия между концептуальным единством деконструкции и возможностью её методологической стандартизации. В историко-философском отношении деконструкция определяется постоянным обращением к условиям возникновения метафизических противопоставлений. Вместе с тем конкретные способы работы с такими противопоставлениями обусловлены содержанием исследуемых произведений. Поэтому её нельзя исчерпывающим образом охарактеризовать ни как универсальный метод, ни как произвольное разрушение философских текстов. Значение деконструкции для истории философии заключается в возможности критически исследовать основания европейской метафизической традиции, сохраняя содержательное отношение к её историческому наследию.

Список литературы

1. Купарашвили М. Д. Письмо, язык и бинарности в работах Жака Деррида // Вестник Омского университета. 2025. № 1 (30). С. 79–90. DOI: 10.24147/1812-3996.2025.1.79-90.

2. Pérez León R. Philosophical Responsibility: Derrida's Historical and Ethical Task // Angelaki. 2024. Vol. 29. No. 1–2. P. 156–168. DOI: 10.1080/0969725X.2024.2322275.

3. Martínez Aguilar E. D., Witjes S., ten Bos R. Deconstruction as a Research Strategy for Discourse Studies: An Aporetic and Iterable Model for Opening Discourses // International Journal of Qualitative Methods. 2025. Vol. 24. DOI: 10.1177/16094069251349470.

4. Купарашвили М. Д. Философия «позитивной» деконструкции Жака Деррида // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 63–75. DOI: 10.17072/2078-7898/2025-1-63-75.

5. Nheri C. Writing under Erasure: Derrida and the Form of Philosophical Thought // Cogent Arts & Humanities. 2026. Vol. 13. No. 1. Article 2646794. DOI: 10.1080/23311983.2026.2646794.

6. Девайкин И. А. Жак Деррида как антикорреляционист? «Деконструктивный материализм» Деборы Гольдгабер // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18. № 3. С. 88–100. DOI: 10.21146/2072-0726-2025-18-3-88-100.

7. Ishida H. Grammatology in the Era of Digital Writing // EPISTÉMÈ. 2025. Vol. 33. Article 4. DOI: 10.38119/cacs.2025.33.4.

8. Москвитин В. А. Язык, значение и реальность: от деконструкции Жака Деррида до теории речевых актов Джона Сёрла // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 1. DOI: 10.30853/mns20250008.

9. Thomassen L. Derrida, Deconstruction and Political Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2026. 216 p. ISBN: 9781399545396.

10. Савенков А. А. Источники права и власти в концепции Ж. Дерриды // Теория и практика общественного развития. 2025. № 10. С. 267–272. DOI:

10.24158/tipor.2025.10.31.

11. Derrida J. Thinking What Comes. Volume 1: Essays, Interviews, and Interventions / Ed. by G. Bennington, K. Saghafi. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2024. 224 p.

12. Derrida J. Thinking What Comes. Volume 2: Institutions, Inventions, and Inscriptions / Ed. by G. Bennington, K. Saghafi. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2024. 232 p.

13. Навильников Г. Лики Бога в феноменологической метафизике Гуссерля // HORIZON. Феноменологические исследования. 2025. Т. 14. № 1. С. 20–48. DOI: 10.21638/2226-5260-2025-14-1-20-48.

14. Lee K. E. Husserl's Notion of Solitary Speech Reconsidered: In Conversation with Vygotsky // Journal of the British Society for Phenomenology. 2024. Vol. 55. No. 4. P. 341–358. DOI: 10.1080/00071773.2024.2397686.

References

1. Kuparashvili M. D. Pis`mo, yazy`k i binarnosti v rabotax Zhaka Derrida // Vestnik Omskogo universiteta. 2025. № 1 (30). S. 79–90. DOI: 10.24147/1812-3996.2025.1.79-90.

2. Pérez León R. Philosophical Responsibility: Derrida's Historical and Ethical Task // Angelaki. 2024. Vol. 29. No. 1–2. P. 156–168. DOI: 10.1080/0969725X.2024.2322275.

3. Martínez Aguilar E. D., Witjes S., ten Bos R. Deconstruction as a Research Strategy for Discourse Studies: An Aporetic and Iterable Model for Opening Discourses // International Journal of Qualitative Methods. 2025. Vol. 24. DOI: 10.1177/16094069251349470.

4. Kuparashvili M. D. Filosofiya «pozitivnoj» dekonstrukcii Zhaka Derrida // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya. 2025. Vy`p. 1. S. 63–75. DOI: 10.17072/2078-7898/2025-1-63-75.

5. Nheri C. Writing under Erasure: Derrida and the Form of Philosophical Thought // Cogent Arts & Humanities. 2026. Vol. 13. No. 1. Article 2646794. DOI:

10.1080/23311983.2026.2646794.

6. Devajkin I. A. Zhak Derrida kak antikorrelyacionist? «Dekonstruktivny`j materializm» Debory` Gol`dgaber // Filosofskij zhurnal / Philosophy Journal. 2025. T. 18. № 3. S. 88–100. DOI: 10.21146/2072-0726-2025-18-3-88-100.

7. Ishida H. Grammatology in the Era of Digital Writing // EPISTÉMÈ. 2025. Vol. 33. Article 4. DOI: 10.38119/cacs.2025.33.4.

8. Moskvitin V. A. Yazy`k, znachenie i real`nost`: ot dekonstrukcii Zhaka Derrida do teorii rechevy`x aktov Dzhona Syorla // Manuskript. 2025. T. 18. Vy`p. 1. DOI: 10.30853/mns20250008.

9. Thomassen L. Derrida, Deconstruction and Political Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2026. 216 p. ISBN: 9781399545396.

10. Savenkov A. A. Istochniki prava i vlasti v koncepcii Zh. Derridy` // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2025. № 10. S. 267–272. DOI: 10.24158/tipor.2025.10.31.

11. Derrida J. Thinking What Comes. Volume 1: Essays, Interviews, and Interventions / Ed. by G. Bennington, K. Saghafi. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2024. 224 p.

12. Derrida J. Thinking What Comes. Volume 2: Institutions, Inventions, and Inscriptions / Ed. by G. Bennington, K. Saghafi. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2024. 232 p.

13. Navil`nikov G. Liki Boga v fenomenologicheskoj metafizike Gusserlya // HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya. 2025. T. 14. № 1. S. 20–48. DOI: 10.21638/2226-5260-2025-14-1-20-48.

14. Lee K. E. Husserl’s Notion of Solitary Speech Reconsidered: In Conversation with Vygotsky // Journal of the British Society for Phenomenology. 2024. Vol. 55. No. 4. P. 341–358. DOI: 10.1080/00071773.2024.2397686.

Статья поступила в редакцию 05.08.2026; одобрена после рецензирования 18.09.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 05.08.2026; approved after reviewing 18.09.2026; accepted for publication 26.10.2026.

5.7.7. Социальная и политическая философия

Научная статья
УДК 172.1 : 321.01

КЛИМАТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ГЛОБАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Орлова Евгения Александровна, кандидат философских наук,
Забайкальский государственный университет, Россия, Чита,
zabgu.evgeniia@yandex.ru

Аннотация. Климатический кризис выявляет ограниченность классических теорий справедливости, изначально разрабатывавшихся для условий стабильной природной среды и замкнутых сообществ современников. Глобальное потепление ставит перед политической философией острую проблему межпоколенческой асимметрии власти и пространственного неравенства. Традиционные этические модели не способны адекватно концептуализировать эти вызовы, неизбежно сталкиваясь с парадоксом неидентичности Дерека Парфита и тиранией современности. Автор сопоставляет историческую ответственность эмитентов с перспективным распределением бремени адаптации. В работе подвергается критике онтологическое выравнивание акторно-сетевой теории Б. Латура, которое, постулируя агентность нечеловеческих акторов, игнорирует реальные иерархии глобального капитала и механизмы эксплуатации. Для преодоления нормативного тупика формулируется принцип исторически скорректированной адаптивной ответственности. Данный критерий переносит этический фокус с невозможного межличностного возмещения вреда конкретным будущим индивидам на жесткую обязанность развитых государств поддерживать безопасные институциональные структуры во времени, пропорционально их экономическому потенциалу. Исследование показывает, что этика антропоцена

требует сочетания признания экологической взаимозависимости и анализа политической экономии. Подобная оптика обосновывает необходимость реформы миграционного законодательства и защиты эпистемологии коренных народов, предлагая концептуальный базис для трансформации международного климатического права в условиях жестких планетарных ограничений. Аргументируется, что принцип общей, но дифференцированной ответственности нуждается в институциональном закреплении через механизмы климатической реституции.

Ключевые слова: климатическая справедливость, политическая философия, антропоцен, межпоколенческая этика, парадокс неидентичности, историческая ответственность, Бруно Латур, экологический расизм, климатическая миграция, принцип общей, но дифференцированной ответственности.

Original article

CLIMATE JUSTICE: INTERGENERATIONAL RESPONSIBILITY AND GLOBAL INEQUALITY

Orlova Evgeniia Aleksandrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Transbaikal State University, Chita, Russia, zabgu.evgeniia@yandex.ru

Abstract. The climate crisis exposes the fundamental limitations of classical theories of justice, historically designed for stable natural environments and closed contemporary communities. Global warming poses the pressing problem of intergenerational power asymmetries and spatial inequality for political philosophy. Traditional ethical models are unable to adequately conceptualize these challenges, inevitably colliding with Derek Parfit's paradox of nonidentity and the tyranny of modernity. The author compares the retrospective guilt of historical issuers with the prospective distribution of the adaptation burden. The paper critiques the ontological alignment of B. Latour's actor-network theory, which, by postulating the agency of

non-human actors, ignores the real hierarchies of global capital and the mechanisms of exploitation. To overcome this normative impasse, the principle of historically corrected adaptive responsibility is formulated. This criterion shifts the ethical focus from the impossibility of interpersonal compensation for harm to specific future individuals to the strict obligation of developed states to maintain secure institutional structures over time, proportionate to their economic potential. The study demonstrates that the ethics of the Anthropocene requires an inseparable synthesis of the recognition of ecological interdependence with an analysis of political economy. This perspective substantiates the need for reform of migration legislation and the protection of the epistemology of indigenous peoples, offering a conceptual basis for transforming international climate law in the face of severe planetary constraints. It is argued that the principle of common but differentiated responsibility requires institutionalization through climate restitution mechanisms.

Keywords: climate justice, political philosophy, anthropocene, intergenerational ethics, paradox of nonidentity, historical responsibility, Bruno Latour, environmental racism, climate migration, principle of common but differentiated responsibility.

Введение. Климатический кризис давно перестал быть исключительно предметом изучения естественных наук. В современной социальной и политической философии он рассматривается как фундаментальный вызов для ее теоретических оснований [1], [2]. Классические теории справедливости, сформировавшиеся в эпоху Просвещения и развитые в XX веке, исходили из молчаливой предпосылки о стабильности природного фона. Джон Ролз, например, проектировал свои принципы для «замкнутого общества», где экологические условия остаются неизменными [3], а участники взаимодействия являются современниками. Глобальное потепление разрушает эту базовую установку. Природа более не выполняет роль пассивной декорации или неисчерпаемого ресурса для человеческой деятельности. Она превратилась в

активного, порой деструктивного участника политических процессов, заставляя переосмыслить сами границы морального сообщества [4].

Бруно Латур в работе «Лицом к Гайе» предлагает рассматривать текущую ситуацию через призму так называемого «вторжения Гайи» [5]. Под этим термином французский мыслитель понимает совокупность взаимосвязанных, но неуправляемых процессов, которые активно реагируют на антропогенное воздействие. Подобный взгляд требует решительного отказа от привычного разделения на природу и культуру [6]. Человек больше не может считать себя внешним наблюдателем, покоряющим стихию ради бесконечного прогресса. Мы вынуждены стать «земными», переориентировав развитие с безграничного расширения («Plus ultra») на осмысление планетарных пределов («Plus intra») [7]. Тем не менее, политическая философия не может полностью принять онтологическое выравнивание, свойственное акторно-сетевой теории. Игнорирование реальных иерархий власти и глобального доминирования транснационального капитала мешает адекватно оценить, кто именно несет фактическую ответственность за климатические сдвиги и извлекает из них выгоду [8].

Особую остроту в этом контексте приобретает проблема межпоколенческой справедливости. Традиционные этические модели плохо приспособлены для оценки обязанностей перед теми, кто еще не родился. Стивен Гардинер в фундаментальном сборнике «Climate Ethics: Essential Readings» описывает эту ситуацию как «тиранию современности». Ныне живущие поколения обладают монополией на принятие стратегических решений, последствия которых будут испытывать будущие поколения. Возникает сложный философский парадокс: наши действия сегодня определяют не только качество жизни будущих людей, но и сам факт их существования, что размывает классические представления о причинении вреда. Мы не можем механически экстраполировать нынешние принципы распределения ресурсов на неопределенное будущее [9]. Требуется разработка новых нормативных

оснований, которые учитывали бы глубокую асимметрию власти между поколениями и не допускали бы эгоистичного потребления общего наследия.

Пространственное измерение климатической справедливости не менее проблематично. Историческая ответственность за накопление парниковых газов лежит преимущественно на развитых индустриальных странах, обеспечивших свое благополучие за счет интенсивной эксплуатации ископаемого топлива. При этом наиболее тяжелые последствия экологических изменений испытывают на себе государства глобального Юга, чей вклад в создание проблемы исторически минимален. Генри Шу и Саймон Кэни подчеркивают, что игнорирование этого дисбаланса делает любые универсальные климатические соглашения несправедливыми по своей сути. Нельзя требовать одинаковых усилий по сокращению выбросов от стран, которые только начинают обеспечивать базовые потребности своего населения, и от государств, уже достигших высокого уровня потребления [10]. Справедливость здесь требует учета исторических долгов и дифференцированной ответственности.

Преодоление указанного кризиса требует радикального пересмотра оснований политической философии. Справедливость в новую климатическую эпоху не может ограничиваться распределением благ внутри одного поколения или одной национальной юрисдикции. Она должна учитывать исторический контекст и носить глобальный характер, признавая взаимозависимость всех участников планетарного процесса. Философская мысль должна перейти от абстрактных умозрительных конструкций к анализу конкретных механизмов уязвимости и распределения рисков [11]. Только такой подход позволит сформулировать адекватный нормативный ответ на вызовы, которые антропогенная эпоха ставит перед всем человечеством, не впадая при этом в иллюзии всеобъемлющего контроля над природными процессами.

Обзор литературы. Климатический кризис существенно меняет проблематику социальной и политической философии. Классические теории справедливости, разработанные в XX веке, исходили из аксиомы стабильного

природного фона и замкнутости морального сообщества в пределах одного поколения и национального государства. Джон Ролз, формулируя принципы справедливости, рассматривал общество как систему сотрудничества между современниками, оставляя межпоколенческие обязательства на периферии своей теории в виде принципа «справедливого накопления» [12]. Глобальное потепление разрушает эту парадигму, выдвигая на первый план проблемы, которые Стивен Гардинер в фундаментальном сборнике «Climate Ethics: Essential Readings» характеризует как «тиранию современности». Ныне живущие поколения обладают монополией на принятие решений, разрушительные последствия которых лягут на плечи тех, кто еще не родился, при этом сами инициаторы изменений избегут негативных эффектов.

Философский дискурс вокруг этой проблемы поляризован. С одной стороны, утилитаристские подходы сталкиваются с парадоксом неидентичности, сформулированным Дереком Парфитом: поскольку климатическая политика влияет на то, какие именно люди будут зачаты и рождены в будущем, мы не можем утверждать, что наши действия причиняют вред конкретным будущим индивидам, так как без этих действий этих индивидов просто не существовало бы [13], [14]. С другой стороны, попытки преодолеть этот парадокс через апелляцию к правам будущих поколений наталкиваются на онтологическую неопределенность статуса несуществующих субъектов [15].

В ответ на эти вызовы формируется новая онтологическая повестка. Бруно Латур в работе «Лицом к Гайе» предлагает рассматривать Землю не как пассивный ресурс, а как активного, неуправляемого участника политических процессов. Однако, как справедливо отмечается в рецензии Александра Лесканича на эту работу, стремление Латура к «онтологическому выравниванию» в рамках акторно-сетевой теории игнорирует реальные иерархии власти [16]. Игнорирование глобального доминирования транснационального капитала мешает адекватно оценить, кто именно извлекает выгоду из экологического кризиса. Эту лакуну восполняют Джейсон Мур,

рассматривающий природу как «дешевый» ресурс в рамках капиталистической мир-системы, и Донна Харауэй, призывающая к созданию родственных связей в эпоху хтулуцена для выживания на поврежденной планете.

Организация и методология исследования. Методологическую основу исследования составляют сравнительный нормативный анализ и философская реконструкция. В центре внимания находится конкретный нормативный конфликт: противоречие между ретроспективным принципом «загрязнитель платит» (историческая ответственность) и проспективным принципом «способности платить» (распределение бремени исходя из текущих экономических возможностей). Этот конфликт обостряется проблемой неидентичности, которая делает невозможным прямое применение классических моделей компенсации вреда.

Для разрешения данного противоречия в статье формулируется авторский критерий распределения ответственности – Принцип исторически скорректированной адаптивной ответственности (ПИСА). Данный принцип исходит из того, что обязанность по смягчению последствий климатических изменений и адаптации к ним распределяется не по критерию прямого причинения вреда конкретным будущим лицам (что блокируется аргументом Парфита), а исходя из требования поддерживать справедливые институциональные структуры во времени. Объем ответственности субъекта (государства или корпорации) определяется произведением двух переменных: доли в исторических кумулятивных выбросах парниковых газов и текущего уровня адаптивного потенциала (технологического и финансового). Такой подход позволяет обойти тупик неидентичности, смещая фокус с межличностного вреда на структурную несправедливость, воспроизводимую глобальной экономической системой.

Результаты исследования и их обсуждение. Международное климатическое право закрепляет принцип общей, но дифференцированной ответственности (CBDR). Философское обоснование этого принципа опирается

на концепцию исторической ответственности. Развитые страны обеспечили свой экономический рост за счет интенсивной эксплуатации ископаемого топлива, создав инфраструктуру, которая продолжает генерировать выбросы. Требовать от государств глобального Юга, которые только начинают удовлетворять базовые потребности своего населения, равного вклада в сокращение эмиссии, означает закрепление существующего глобального неравенства. Принцип ПИСА развивает этот подход, указывая, что историческая выгода от загрязнений создает постоянную обязанность по финансированию адаптационных мер в уязвимых регионах [17].

Проблема неидентичности Парфита представляет серьезное препятствие для традиционной этики. Если мы выберем политику жесткого сдерживания выбросов, состав будущих поколений изменится. Следовательно, мы не можем сказать, что политика бездействия причинила вред конкретному человеку в 2100 году, поскольку при ином сценарии этого человека бы не существовало. Принцип «справедливого накопления» Ролза здесь оказывается недостаточным, поскольку он предполагает передачу благ, но не отвечает на вопрос о качестве институтов, в которых будут жить эти люди.

Применение критерия ПИСА позволяет преодолеть это ограничение. Мы обязаны действовать потому, что бездействие разрушает базовые условия возможности справедливого общества как такового. Ответственность развитых стран заключается в создании и поддержке глобальных институтов, способных гарантировать минимальный уровень экологической безопасности для любого человека, который родится в этих условиях, независимо от его конкретной идентичности.

Климатический кризис усиливает существующее социальное неравенство. Экологический расизм проявляется в том, что токсичные производства и зоны наибольшего климатического риска систематически располагаются вблизи мест проживания маргинализированных групп и коренных народов. Эти сообщества вносят минимальный вклад в глобальные выбросы, но первыми сталкиваются с

потерей традиционных земель, деградацией экосистем и утратой культурной идентичности. Справедливость здесь требует не только материальной компенсации, но и признания – включения традиционных экологических знаний коренных народов в процесс принятия политических решений [18].

Рост частоты экстремальных погодных явлений и повышение уровня моря порождают феномен климатической миграции. Современная международно-правовая система, основанная на Вестфальской модели суверенитета, не содержит понятия «климатический беженец». Женевская конвенция 1951 года защищает лиц, подвергающихся преследованию по конкретным признакам, но не тех, кто бежит от экологической деградации. Это создает правовой вакуум. В эпоху антропоцена жесткие государственные границы вступают в противоречие с трансграничной природой климатических угроз. Из принципа ПИСА следует необходимость пересмотра миграционного законодательства и возложения на исторических загрязнителей обязанности предоставлять убежище и обеспечивать интеграцию лиц, вынужденно покинувших свои территории по климатическим причинам.

Переход к антропоцену требует отказа от дуализма природы и культуры. Бруно Латур призывает стать «земными» (Earthbound), приняв ограниченность планеты и отказавшись от модернистской мечты о бесконечном прогрессе («Plus ultra») в пользу углубления в земные пределы («Plus intra»). Однако, как показывает анализ, плоская онтология Латура, приписывающая сопоставимую агентность человеку, углероду и технологическим сетям, рискует затушевать вопросы политической экономии. Джейсон Мур убедительно демонстрирует, что капитализм производит «дешевую природу», систематически обесценивая экологический труд. Донна Харауэй предлагает альтернативный подход - концепцию «хтулуцена», в которой акцентируется необходимость создания родственных связей с нечеловеческими акторами для совместного выживания. Справедливость в этом контексте означает признание взаимозависимости и отказ от антропоцентрического доминирования, но с обязательным сохранением

критического анализа структур власти, которые распределяют экологические риски неравномерно.

Основные подходы к межпоколенческой климатической справедливости сопоставлены в таблице 1.

Таблица 1 - Сравнительный анализ подходов к межпоколенческой климатической справедливости

Теоретический подход	Ключевой субъект ответственности	Основной механизм обоснования	Уязвимость перед проблемой неидентичности (Парфит)
Утилитаризм	Текущее поколение	Максимизация совокупной полезности для максимального числа людей в будущем.	Высокая. Невозможно идентифицировать конкретных бенефициаров для расчета полезности.
Ролзианский либерализм	Государство как хранитель институтов	Принцип «справедливого накопления»: каждое поколение должно оставить следующему адекватную базу ресурсов и институтов.	Средняя. Фокус на институтах частично обходит проблему конкретных личностей, но не учитывает радикальную неопределенность будущих условий.
Принцип ПИСА (авторский)	Исторические эмитенты с высоким адаптивным потенциалом	Поддержание структурной справедливости: обязанность компенсировать системные риски, созданные прошлой деятельностью, независимо от смены поколений.	Низкая. Смещает фокус с причинения вреда конкретному будущему индивиду на обязанность поддерживать безопасные условия существования для любого будущего субъекта.

Источник: разработано автором.

Сравнение показывает, что традиционные теории заходят в тупик при попытке применить межличностную модель вреда к межпоколенческому контексту. Авторский критерий (ПИСА) предлагает институциональный выход из этого тупика, связывая историческую вину с текущей способностью действовать, что делает нормативные требования более реалистичными и обоснованными.

Матрица в таблице 2 демонстрирует, что климатическая справедливость не

сводится только к перераспределению финансов. Для коренных народов критически важны процедурные и символические аспекты. Игнорирование этих измерений сводит на нет эффективность чисто экономических компенсаций.

Таблица 2 - Матрица измерений экологической справедливости в отношении коренных народов

Измерение справедливости	Проявление несправедливости в климатическом контексте	Нормативное требование (на основе ПИСА)
Дистрибутивное	Непропорционально высокое воздействие экстремальных явлений на территории традиционного природопользования при минимальном вкладе в выбросы.	Прямое финансирование адаптационных инфраструктур и компенсация экономических потерь со стороны исторических загрязнителей.
Процедурное	Исключение из процессов принятия решений на национальном и международном уровнях (например, при утверждении климатических проектов на их землях).	Гарантия права на свободное, предварительное и осознанное согласие (FPIC) при реализации любых экологических инициатив.
Признание	Обесценивание традиционных экологических знаний как «ненаучных» или «устаревших» в глобальных отчетах.	Институциональное включение традиционных экологических знаний коренных народов в качестве равноправного источника данных при разработке климатической политики

Источник: разработано автором.

Эволюция взглядов показывает движение от полного отрицания агентности природы к ее признанию (таблица 3).

Таблица 3 - Эволюция концепта агентности в философии антропоцена

Философская перспектива	Понимание природы	Роль человека	Ключевая проблема с точки зрения политической философии
Модернистская (Просвещение)	Пассивный ресурс, инертный фон для человеческой деятельности.	Внешний наблюдатель и покоритель, обладающий исключительной рациональностью.	Оправдание неограниченной эксплуатации, ведущей к текущему кризису.
Латуровская (Акторно-сетевая)	Активный, неуправляемый актор (Гайя), сеть взаимосвязанных процессов.	Один из множества акторов в плоской онтологии, лишенный привилегированного статуса.	Риск игнорирования реальных иерархий власти и специфики капиталистической эксплуатации (онтологическое выравнивание).

Мур / Харауэй (Эко-социальная)	«Дешевая природа», производимая капитализмом; или партнер по «сотворению родства».	Встроенный в экологические циклы субъект, несущий ответственность за разрыв или восстановление связей.	Необходимость сочетания онтологического переосмысления с жесткой критикой политической экономии и колониализма.

Источник: разработано автором.

Однако, как следует из анализа, наиболее продуктивным для социальной философии является синтез: признание активной роли нечеловеческих акторов (Латур) должно сопровождаться анализом того, как капиталистические структуры (Мур) организуют эти взаимодействия в целях извлечения прибыли, что напрямую связано с вопросами распределительной справедливости.

Климатический кризис требует не просто корректировки существующих теорий справедливости, а их фундаментального пересмотра. Проблема неидентичности делает неприменимыми простые модели межпоколенческой компенсации, а глобальный характер угрозы обнажает несостоятельность вестфальской модели суверенитета. Предложенный принцип исторически скорректированной адаптивной ответственности позволяет преодолеть нормативный конфликт между ретроспективной виной и проспективной необходимостью действий. Он обязывает развитые страны нести бремя адаптационных мер, опираясь на их исторический вклад в проблему и текущие возможности, при этом гарантируя защиту уязвимых групп и коренных народов через механизмы дистрибутивной, процедурной справедливости и признания. Переосмысление отношений человека и природы в духе этики антропоцена должно идти рука об руку с критическим анализом экономических структур, чтобы концепция справедливости не превратилась в абстрактную онтологическую спекуляцию, а осталась действенным инструментом политической трансформации.

Выводы. Классическая мысль, формировавшаяся в тени просвещенческого оптимизма, исходила из молчаливого допущения о неизменности природного фона. Сегодня эта аксиома утрачивает

объяснительную силу. Земля перестала быть пассивной сценой или неисчерпаемым резервуаром для человеческих деяний. Как справедливо отмечается в рецепции идей Бруно Латура, мы столкнулись с вторжением Гайи — совокупностью взаимосвязанных, но неуправляемых процессов, которые активно реагируют на антропогенное давление. Это обстоятельство делает невозможным дальнейшее использование моделей справедливости, разработанных для замкнутых сообществ современников и игнорирующих планетарные пределы.

Однако признание агентности нечеловеческих акторов не должно вести к онтологическому выравниванию, стирающему реальные границы власти. Критика, озвученная Александром Лесканичем, указывает на существенный пробел в попытках полностью растворить политическую экономию в сетях материальных взаимодействий. Игнорирование гегемонии глобального капитала и исторически сложившейся асимметрии ресурсов мешает адекватно оценить, кто именно извлекает выгоду из эксплуатации ископаемого топлива и кто несет основное бремя экологического коллапса. Справедливость в новых условиях требует не просто констатации взаимозависимости всех элементов системы, но и жесткого анализа структур доминирования, превращающих природу в дешевый ресурс для избранных групп.

Особую остроту приобретает моральный парадокс, который Стивен Гардинер в сборнике «Climate Ethics» характеризует как тиранию современности. Ныне живущие поколения монополизировали право принимать стратегические решения, разрушительные последствия которых лягут на плечи тех, кто еще не родился. Традиционные механизмы компенсации здесь дают сбой, поскольку мы не просто передаем потомкам ухудшенную среду, но и предопределяем сам факт их существования, что размывает классические представления о причинении вреда конкретному субъекту. Преодоление этого тупика возможно лишь через отказ от узкоутилитарных расчетов в пользу формирования институтов, способных гарантировать минимальный уровень

экологической безопасности независимо от смены исторических эпох.

В этих координатах философская мысль вынуждена отказаться от модернистского девиза безграничного расширения. Альтернативой выступает ориентация на глубокое осмысление земных пределов, переход к статусу земных существ, осознающих свою уязвимость перед лицом нестабильной планеты. Подобная переориентация не означает капитуляции перед катастрофой. Напротив, она открывает путь к выработке новых нормативных критериев, где ответственность распределяется не формально, а с учетом исторического вклада в накопление парниковых газов и текущей способности адаптироваться к неизбежным изменениям.

Политическая философия в эпоху антропоцена перестает быть исключительно теоретическим упражнением. Она превращается в инструмент выживания, требующий неразрывного синтеза экологической этики и критики политической экономии. Справедливость теперь измеряется не только честностью распределения благ внутри национального государства, но и способностью человечества коллективно ответить на вызовы, которые порождает сама планета, отказавшись от иллюзий всеобъемлющего контроля и признав хрупкость условий собственного существования.

Список литературы

1. Шавеко Н.А. Проблемы межпоколенческой справедливости: от договорной теории к деликтному подходу // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22, № 2. С. 349–362. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-349-362.
2. Hadré E., Küpper J., Tschirschwitz J., et al. Quantifying Generational and Geographical Inequality of Climate Change // Scientific Reports. 2023. Vol. 13. Art. 8483. DOI: 10.1038/s41598-023-35690-8.
3. Пахомова Н.В., Рихтер К.К. Зеленый энергопереход и климатическая повестка: аспекты справедливости // Проблемы современной экономики. 2024. № 3(91). С. 192–198.
4. Keij D., van Meurs B.R. Responsibility for Future Climate Justice: The Direct

Responsibility to Mitigate Structural Injustice for Future Generations // Journal of Applied Philosophy. 2023. Vol. 40, No. 4. P. 642–657. DOI: 10.1111/japp.12674.

5. Ковалев Ю.Ю., Степанов А.В., Илюшкина М.Ю., Бурнасов А.С. Группа наименее развитых стран (НРС) в международной климатической политике // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 1. С. 201–219. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-09.

6. Ngcamu B.S. Climate Change Effects on Vulnerable Populations in the Global South: A Systematic Review // Natural Hazards. 2023. Vol. 118. P. 977–991. DOI: 10.1007/s11069-023-06070-2.

7. Макаров И.А., Алаташ С. Выбросы парниковых газов по потреблению: от расчетов к политическим решениям // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 1. С. 85–105. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-04.

8. Minnerop P. Intergenerational Preparedness: Climate Change, Community Interest Obligations and the Environmental Rule of Law // Global Policy. 2024. Vol. 15, Suppl. 5. P. 20–41. DOI: 10.1111/1758-5899.13219.

9. Перов А.В. От климатической дискриминации к праву на энергию: идеологические основы справедливого энергоперехода для Глобального Юга // Власть. 2025. Т. 33, № 5. С. 14–23.

10. Emmerling J., Andreoni P., Charalampidis I., et al. A Multi-Model Assessment of Inequality and Climate Change // Nature Climate Change. 2024. Vol. 14. P. 1254–1260. DOI: 10.1038/s41558-024-02151-7.

11. Пахомова Н.В., Рихтер К.К. Современная климатическая политика и энергопереход: аспекты справедливости // Девятый международный экономический симпозиум, посвященный 85-летию Экономического факультета СПбГУ: материалы международных научных конференций. СПб.: Скифия-принт, 2025. С. 94–97.

12. Heilinger J.-C., Kempt H. Loss and Damage, and Addressing Structural Injustice in the Climate Crisis // Ethics, Policy & Environment. 2025. Vol. 28, No. 2. P. 266–280. DOI: 10.1080/21550085.2024.2387999.

13. Food and Agriculture Organization of the United Nations. The Unjust Climate: Measuring the Impacts of Climate Change on Rural Poor, Women and Youth. Rome: FAO, 2024.

14. Schöngart S., Nicholls Z., Hoffmann R., Pelz S., Schleussner C.-F. High-Income Groups Disproportionately Contribute to Climate Extremes Worldwide // Nature Climate Change. 2025. Vol. 15. P. 627–633. DOI: 10.1038/s41558-025-02325-x.

15. Hourdequin M. Intergenerational Ethics and Climate Change // WIREs Climate Change. 2025. Vol. 16, No. 1. Art. e934. DOI: 10.1002/wcc.934.

16. Galanis G., Napoletano M., Popoyan L., Sapio A., Vardakoulias O. Defining Just Transition // Ecological Economics. 2025. Vol. 227. Art. 108370. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2024.108370.

17. Bessant J., Prost A., Watts R. Intergenerational Climate Justice: Applying Theory to Policy in the Anthropocene // Journal of Applied Youth Studies. 2025. DOI: 10.1007/s43151-025-00191-0.

18. Siddiqui M.S. Can Global Energy Transition Be Possible with Intergenerational Equity in Climate Efforts? // Environmental Impact Assessment Review. 2026. Vol. 117. Art. 108159. DOI: 10.1016/j.eiar.2025.108159.

References

1. Shaveko N.A. Problemy` mezhpokolencheskoj spravedlivosti: ot dogovornoj teorii k deliktnomu podxodu // Zhurnal issledovanij social`noj politiki. 2024. T. 22, № 2. S. 349–362. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-349-362.

2. Hadré E., Küpper J., Tschirschwitz J., et al. Quantifying Generational and Geographical Inequality of Climate Change // Scientific Reports. 2023. Vol. 13. Art. 8483. DOI: 10.1038/s41598-023-35690-8.

3. Paxomova N.V., Rixter K.K. Zeleny`j e`nergoperexod i klimaticheskaya povestka: aspekty` spravedlivosti // Problemy` sovremennoj e`konomiki. 2024. № 3(91). S. 192–198.

4. Keij D., van Meurs B.R. Responsibility for Future Climate Justice: The Direct Responsibility to Mitigate Structural Injustice for Future Generations // Journal of

Applied Philosophy. 2023. Vol. 40, No. 4. P. 642–657. DOI: 10.1111/japp.12674.

5. Kovalev Yu.Yu., Stepanov A.V., Ilyushkina M.Yu., Burnasov A.S. Gruppa naimenee razvity`x stran (NRS) v mezhdunarodnoj klimaticheskoj politike // Vestnik mezhdunarodny`x organizacij. 2024. T. 19, № 1. S. 201–219. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-09.

6. Ngcamu B.S. Climate Change Effects on Vulnerable Populations in the Global South: A Systematic Review // Natural Hazards. 2023. Vol. 118. P. 977–991. DOI: 10.1007/s11069-023-06070-2.

7. Makarov I.A., Alatash S. Vy`brosy` parnikovy`x gazov po potrebleniyu: ot raschetov k politicheskim resheniyam // Vestnik mezhdunarodny`x organizacij. 2024. T. 19, № 1. S. 85–105. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-04.

8. Minnerop P. Intergenerational Preparedness: Climate Change, Community Interest Obligations and the Environmental Rule of Law // Global Policy. 2024. Vol. 15, Suppl. 5. P. 20–41. DOI: 10.1111/1758-5899.13219.

9. Perov A.V. Ot klimaticheskoj diskriminacii k pravu na e`nergiyu: ideologicheskie osnovy` spravedlivogo e`nergoperexoda dlya Global`nogo Yuga // Vlast`. 2025. T. 33, № 5. S. 14–23.

10. Emmerling J., Andreoni P., Charalampidis I., et al. A Multi-Model Assessment of Inequality and Climate Change // Nature Climate Change. 2024. Vol. 14. P. 1254–1260. DOI: 10.1038/s41558-024-02151-7.

11. Paxomova N.V., Rixter K.K. Sovremennaya klimaticheskaya politika i e`nergoperexod: aspekty` spravedlivosti // Devyaty`j mezhdunarodny`j e`konomicheskij simpozium, posvyashhenny`j 85-letiyu E`konomicheskogo fakul`teta SPbGU: materialy` mezhdunarodny`x nauchny`x konferencij. SPb.: Skifiya-print, 2025. S. 94–97.

12. Heilinger J.-C., Kempt H. Loss and Damage, and Addressing Structural Injustice in the Climate Crisis // Ethics, Policy & Environment. 2025. Vol. 28, No. 2. P. 266–280. DOI: 10.1080/21550085.2024.2387999.

13. Food and Agriculture Organization of the United Nations. The Unjust Climate:

Measuring the Impacts of Climate Change on Rural Poor, Women and Youth. Rome: FAO, 2024.

14. Schöngart S., Nicholls Z., Hoffmann R., Pelz S., Schleussner C.-F. High-Income Groups Disproportionately Contribute to Climate Extremes Worldwide // Nature Climate Change. 2025. Vol. 15. P. 627–633. DOI: 10.1038/s41558-025-02325-x.

15. Hourdequin M. Intergenerational Ethics and Climate Change // WIREs Climate Change. 2025. Vol. 16, No. 1. Art. e934. DOI: 10.1002/wcc.934.

16. Galanis G., Napoletano M., Popoyan L., Sapio A., Vardakoulias O. Defining Just Transition // Ecological Economics. 2025. Vol. 227. Art. 108370. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2024.108370.

17. Bessant J., Prost A., Watts R. Intergenerational Climate Justice: Applying Theory to Policy in the Anthropocene // Journal of Applied Youth Studies. 2025. DOI: 10.1007/s43151-025-00191-0.

18. Siddiqui M.S. Can Global Energy Transition Be Possible with Intergenerational Equity in Climate Efforts? // Environmental Impact Assessment Review. 2026. Vol. 117. Art. 108159. DOI: 10.1016/j.eiar.2025.108159.

Статья поступила в редакцию 01.09.2026; одобрена после рецензирования 16.10.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 01.09.2026; approved after reviewing 16.10.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Научная статья
УДК 17.015:316.334.2:004

ЦИФРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПЛАТФОРМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ, АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И СУБЪЕКТ

Герасимов Максим Васильевич, кандидат философских наук, старший преподаватель, Донской государственный технический университет, Россия, Ростов-на-Дону, maksim.gerasimov@mail.ru

Аннотация. Трансформация экономических оснований общества в условиях доминирования платформенного капитализма порождает качественно новые механизмы власти, требующие радикального переосмысления классических категорий социальной и политической философии. Настоящее исследование посвящено анализу онтологического сдвига в природе политического доминирования, где извлечение поведенческой ренты и алгоритмическая правительственность подменяют собой традиционные формы общественного договора и демократического представительства. Опираясь на критический синтез концепций надзорного капитализма, психополитики и фуколдианского анализа биовласти, автор раскрывает специфику инструментальной власти, которая оперирует не через прямое идеологическое принуждение, а посредством скрытой архитектуры выбора, датафикации и предиктивного моделирования. В работе показано, что в современных условиях человеческая субъективность сводится к совокупности вычисляемых данных, а элементарное право индивида на будущее время и спонтанность узурпируется транснациональными корпоративными монополиями. Особое внимание уделяется проблеме приватизации разделения труда и обучения в информационном обществе, а также кризису национального государства, теряющего суверенитет в столкновении с экстерриториальной властью цифровых платформ. В заключительной части обосновывается необходимость формирования новой парадигмы цифрового сопротивления, где борьба за

когнитивный суверенитет, эмансипацию от алгоритмической предопределенности и отстаивание права на непрозрачность становятся императивными условиями сохранения человеческой автономии и базиса демократического порядка.

Ключевые слова: платформенный капитализм, надзорный капитализм, алгоритмическая правительственность, инструментальная власть, цифровая субъективность, когнитивный суверенитет, психополитика, право на непрозрачность, приватизация разделения обучения, цифровое сопротивление.

Original article

DIGITAL POLITICAL PHILOSOPHY: PLATFORM CAPITALISM, ALGORITHMIC POWER, AND THE SUBJECT

Gerasimov Maksim Vasilevich, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, maksim.gerasimov@mail.ru

Abstract. The transformation of the economic foundations of society under the dominance of platform capitalism is giving rise to fundamentally new mechanisms of power, requiring a radical rethinking of classical categories of social and political philosophy. This study analyzes the ontological shift in the nature of political domination, where behavioral rent extraction and algorithmic governmentality are replacing traditional forms of social contract and democratic representation. Drawing on a critical synthesis of the concepts of surveillance capitalism, psychopolitics, and a Foucauldian analysis of biopower, the authors reveal the specifics of instrumental power, which operates not through direct ideological coercion, but through a hidden architecture of choice, datafication, and predictive modeling. The paper demonstrates that, in current historical coordinates, human subjectivity is being forcibly deconstructed to the level of computable data arrays, and the individual's basic right to the future and spontaneity is being usurped by transnational corporate monopolies.

Particular attention is paid to the problem of privatization of the division of labor and learning in the information society, as well as the crisis of the nation state, which is losing sovereignty in the face of the extraterritorial power of digital platforms. The concluding section substantiates the need to develop a new paradigm of digital resistance, where the struggle for cognitive sovereignty, emancipation from algorithmic predetermination, and the defense of the right to opacity become imperative conditions for preserving human autonomy and the foundation of democratic order.

Keywords: platform capitalism, surveillance capitalism, algorithmic governmentality, instrumental power, digital subjectivity, cognitive sovereignty, psychopolitics, the right to opacity, the privatization of learning separation, digital resistance.

Введение. Фундаментальная трансформация политического пространства в XXI веке не сводится к внедрению информационных технологий в государственное управление и общественные коммуникации. В своей основе этот процесс представляет собой глубокий онтологический сдвиг, порожденный системным кризисом традиционных режимов накопления [1]. Затяжное падение нормы прибыли в индустриальном секторе, многократно усугубленное глобальными финансовыми потрясениями, вынудило капитал обратиться к поиску новых источников ренты [2]. Информационные массивы и цифровые сети перестали быть лишь инструментом оптимизации логистики, превратившись в базовый ресурс [3], а сами корпоративные структуры эволюционировали в платформы — монополистические узлы, тотально контролирующие потоки данных [4]. Именно эта экономическая трансформация формирует новую систему властных отношений, где ключевые политические решения все чаще принимаются в закрытых алгоритмических средах, недоступных для общественного аудита [5].

Возникший режим, который правомерно идентифицировать как

платформенный капитализм, функционирует по логике, радикально отличной от классического индустриального производства [6], [7]. Если традиционный капитал эксплуатировал преимущественно физический труд и природные ресурсы, то современная модель извлекает ренту из социальных взаимодействий и когнитивных процессов. Платформы конструируют цифровые экосистемы, принуждая пользователей к непрерывному и неэквивалентному обмену поведенческими данными [8]. Этот обмен приобретает характер принудительного отчуждения, скрытого за удобством цифровых сервисов и персонализацией. Монополистическая природа таких структур обеспечивает им беспрецедентную асимметрию знаний: корпорации обладают тотальным обзором социальных процессов, тогда как индивиды остаются слепы к механизмам, управляющим их повседневностью [9]. Следовательно, власть в эту эпоху реализуется через скрытый контроль над цифровой инфраструктурой, определяющей доступ к информации, координацию действий и формирование смыслов.

Экономическое доминирование платформ неизбежно влечет за собой рождение специфической политической философии, где центральной категорией становится не общественный договор, а одностороннее присвоение человеческого опыта. Американский исследователь Ш. Зубофф охарактеризовала эту стадию как надзорный капитализм, однако с позиций социальной философии точнее говорить об инструментальной власти [10]. Данная форма доминирования не ориентирована на прямую идеологическую обработку или принудительное преобразование сознания; ее целью становится алгоритмически рассчитанное изменение поведения ради достижения предсказуемых коммерческих результатов. Человеческая субъективность деконструируется и представляется в виде массивов данных, образующих поведенческий излишек и используемых для прогнозирования и формирования поведения [11]. Политика, таким образом, вытесняется алгоритмически рассчитанным управлением, а пространство публичной свободы сжимается до

пределов, допускаемых алгоритмическими настройками корпоративных платформ.

Подобная эволюция властных отношений ведет к глубокой эрозии классического социального контракта. На смену ему приходит система навязанных и слабо осознаваемых условий, при которой осознанное согласие гражданина подменяется технической заданностью и цифровыми протоколами. Индивид фактически лишается права на будущее время, поскольку его жизненная траектория заранее просчитана и задана внешними центрами принятия решений [12]. Субъектность, исторически бывшая основой западной политической философии, оказывается под ударом: внутренний мир человека, его эмоции, социальные связи и когнитивные паттерны становятся источником непрерывно извлекаемых данных. В этих условиях традиционные демократические институты теряют монополию на управление обществом, уступая место частным корпорациям, которые приватизируют саму способность общества к самоопределению и коллективному целеполаганию.

Осмысление сопротивления в эпоху платформенного капитализма требует отказа от представления о защите приватности как о сугубо индивидуальной практике. Поскольку власть рассредоточена по всей цифровой инфраструктуре и внедрена в самые интимные повседневные практики, ответные меры должны носить характер коллективного философского и политического действия. Сопротивление означает оспаривание самой легитимности присвоения человеческого опыта, борьбу за восстановление когнитивного суверенитета и отстаивание права на непредсказуемость [13]. Перед социальной и политической философией встает насущная задача разработки нового концептуального аппарата, способного описать механизмы эмансипации в мире, где свобода требует не просто отсутствия внешнего вмешательства, а активного разрушения монополий на знание и алгоритмическое предопределение [14]. Только через осознание глубины этой капиталистической мутации возможно наметить контуры подлинно человеческого будущего, не сводимого к математической

модели оптимизации прибыли.

Обзор литературы. Современная политическая философия сталкивается с беспрецедентным вызовом: традиционные концепты государства, общественного договора и автономии индивида оказываются несостоятельными перед лицом новых форм цифрового доминирования. Переход к тому, что Ник Срничек определяет как «платформенный капитализм», знаменует собой не просто смену технологического уклада, но фундаментальный онтологический сдвиг в природе самой власти. Если классический индустриальный капитализм эксплуатировал физический труд и природные ресурсы, то новая экономическая логика превращает человеческий опыт в сырье для извлечения прибыли. Шошана Зубофф, вводя термин «капитализм надзора», демонстрирует, как корпоративные структуры выходят за рамки простого мониторинга, переходя к активному конструированию и модификации человеческого поведения [15], [16]. С этой точки зрения власть перестает быть сосредоточенной исключительно в политических институтах и распределяется между алгоритмическими системами.

Параллельно с экономическим анализом платформ развивается критика психополитики. Бён-Чхоль Хан указывает на то, что современный режим власти отказался от дисциплинарного принуждения в пользу добровольного самораскрытия. Прозрачность становится императивом, а субъект превращается в прозрачного человека, чьи желания, страхи и привычки непрерывно экстернализируются в цифровые следы [17]. Этот поворот от дисциплинарного общества к обществу достижений и прозрачности требует переосмысления самой природы субъективности. Человек представляет собой узел в сети потоков данных, где его приватность рассматривается системой как сбой или трение, подлежащее устранению [18].

Вопрос сопротивления в таких условиях также требует нового философского осмысления. Опираясь на концепт «множества» Антонио Негри и Майкла Хардта, исследователи стремятся выявить потенциал эмансипации

внутри самих сетей. Однако если классическое множество опиралось на сетевую солидарность и общее, то в условиях платформенной монополизации общее присваивается и приватизируется корпорациями [19], [20]. Следовательно, проблема цифрового сопротивления смещается из плоскости простого хактивизма в область борьбы за эпистемологическую и онтологическую непрозрачность, за право на укрытие и цифровой суверенитет как на базовое условие сохранения человеческой автономии.

Организация и методология исследования. Центральной философской проблемой настоящего исследования является онтологический кризис автономного субъекта в условиях алгоритмической правительственности. Мы исходим из гипотезы, что платформенный капитализм и сопровождающие его технологии предиктивной аналитики не просто описывают человеческое поведение, но активно конструируют новую форму субъективности, лишенную способности к рефлексивному самоопределению.

Методологический аппарат исследования опирается на синтез генеалогического метода Мишеля Фуко, позволяющего вскрыть исторические условия формирования новых режимов истины и власти, и феноменологического подхода к анализу цифрового опыта. Мы рассматриваем процессы датафикации и профилирования не как нейтральные технические процедуры, а как акты онтологического редукционизма, сводящего многомерность человеческого бытия к вычисляемым параметрам. Кроме того, применяется критический анализ концептов цифрового суверенитета и геополитики данных, что позволяет поместить проблему субъективности в контекст глобального перераспределения власти между национальными государствами и транснациональными платформенными монополиями.

Результаты исследования и их обсуждение. Фуколдианский анализ платформ показывает, что мы стали свидетелями рождения новой формы правительственности (governmentality), где управление осуществляется не через прямое насилие или идеологическую обработку, а через архитектуру выбора и

предиктивное моделирование. Датафикация, профилирование и предиктивная аналитика создают то, что Зубофф называет «теневым текстом» (shadow text), — скрытый и недоступный самому индивиду цифровой профиль, используемый для прогнозирования его поведения.

В этой ситуации классическое понятие субъекта, обладающего внутренней свободой и способностью к моральному суждению, подменяется понятием «дивидуума» (по Делёзу) или алгоритмического кластера. Индивид дробится на миллионы точек данных, которые агрегируются и продаются на рынках поведенческих фьючерсов (рисунок 1).

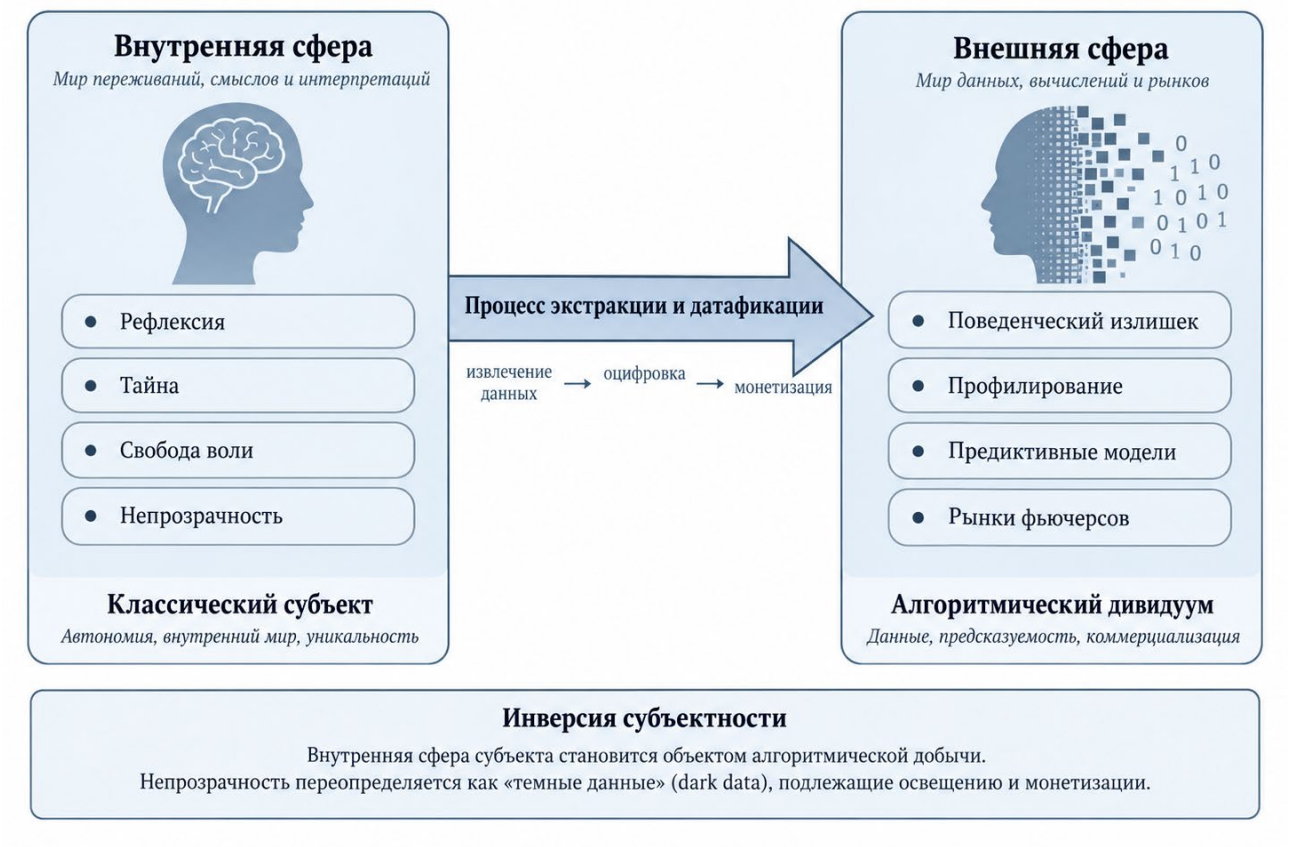

Рисунок 1 - Концептуальная схема трансформации субъективности (источник: разработано автором)

Проблема искусственного интеллекта и политики усугубляет этот кризис. Автоматизация принятия решений маскируется под объективность и математическую нейтральность. Однако алгоритмическая предвзятость не сводится к технической ошибке: она закрепляет в будущих решениях закономерности, сформированные на основе данных о прошлом. Когда

предиктивные модели определяют вероятность рецидива, кредитоспособность или социальную благонадежность, они лишают индивида права на неожиданность, на разрыв с причинно-следственными цепочками. Будущее время, которое Ханны Арендт и Джон Сёрл связывали со способностью обещать и инициировать новое, перехватывается алгоритмом, который сводит будущее к статистической вероятности, вычисленной на основе прошлого поведения.

Экстракция субъективности неразрывно связана с вопросом о цифровом суверенитете. Платформенный капитализм, как отмечает Срничек, характеризуется тенденцией к монополизации и созданию экосистем, которые игнорируют национальные границы. Государства, традиционно обладавшие монополией на насилие и управление территориями, сталкиваются с конкурентом, чья власть основана на контроле над инфраструктурой коммуникаций и потоками данных (таблица 1).

Таблица 1 - Типология алгоритмической правительственности: от дисциплины к предиктивному контролю

Режим власти (по Фуко)	Механизм воздействия	Пространственная логика	Статус субъекта	Экономическая основа
Суверенная власть	Прямое принуждение, наказание, демонстрация силы	Дворец, площадь, граница	Подданный	Рента, дань
Дисциплинарное общество	Надзор, нормализация, закрытые институты (тюрьма, фабрика, школа)	Паноптикум, изоляция	Дисциплинированное тело	Индустриальное производство
Общество контроля (Делёз)	Модуляция, непрерывный мониторинг, сетевой доступ	Сеть, перформативные потоки	Дивидуум (разделенная личность)	Финансовый капитал, кредит
Психополитика и платформы (Хан, Зубофф)	Добровольное самораскрытие, предиктивное управление, геймификация	Облачные экосистемы, «умная» среда	Прозрачный потребитель / Поведенческий актив	Капитализм надзора, рынки фьючерсов

Источник: разработано автором.

Переход к платформенной модели означает, что контроль больше не

требует внешнего принуждения. Субъект сам генерирует данные, воспринимая процесс эксплуатации как заботу о себе (персонализация, удобство). Геополитика данных в этом контексте превращается в борьбу за контроль над ключевой цифровой инфраструктурой общества.

Рисунок 2 - Архитектура цифрового суверенитета и конфликты юрисдикций (источник: разработано автором)

Как возможно сопротивление в мире, где социальное взаимодействие во многом опосредовано алгоритмами? Теория множества Хардта и Негри предполагала, что сети коммуникации сами по себе несут эмансипаторный потенциал, порождая новые формы горизонтальной солидарности. Однако опыт последних лет показывает, что платформы успешно канализируют этот потенциал, превращая сетевые связи в источник поведенческого излишка.

Цифровое сопротивление сегодня не может ограничиваться тактическим хактивизмом или призывами к «этичному ИИ». Оно требует фундаментального философского переосмысления отношения к прозрачности. В условиях

психополитики, где прозрачность стала инструментом тотального контроля, право на непрозрачность (или право на укрытие) приобретает статус базового политического требования. Шифрование, использование децентрализованных сетей и протоколов с нулевым разглашением могут рассматриваться как способы утверждения собственной субъектности и ограничения сведения личности к вычисляемым параметрам. Это способ сказать: «Я существую, но я не сводим к вычисляемым параметрам» (таблица 2).

Таблица 2 - Матрица форм цифрового сопротивления и их философское обоснование

Форма сопротивления	Техническое воплощение	Философский концепт / Обоснование	Направленность действия
Криптографический суверенитет	Шифрование, мессенджеры с открытым кодом	Право на тайну (Э. Левинас: тайна как условие этики); непрозрачность как защита от инструментализации	Защита внутренней сферы от экстракции
Децентрализация инфраструктуры	Блокчейн, распределенные сети (Fediverse, IPFS), локальные облака	Концепт «Общего» (the common) у Хардта и Негри; отказ от иерархического посредничества платформ	Перехват контроля над средствами коммуникации
Эпистемологический саботаж	Генерация шумовых данных, алгоритмическое камуфлирование (AdNauseam), подмена цифрового следа	Деконструкция предиктивной власти; введение «случайности» как формы свободы воли	Разрушение предсказуемости поведения
Правовой и нормативный активизм	Коллективные иски, борьба за признание «цифровых прав», лоббирование запрета предиктивной аналитики	Возвращение к теории общественного договора; признание данных неотчуждаемым свойством личности	Ограничение власти платформ на уровне государства

Источник: разработано автором.

Таблица 2 показывает, что сопротивление должно быть многомерным. Если криптография защищает приватную сферу, то децентрализация способствует ослаблению экономической монополии платформ.

Эпистемологический саботаж (намеренное введение алгоритмов в заблуждение) представляет собой наиболее радикальную форму философского протеста: он утверждает, что человеческая свобода заключается в способности действовать вопреки логике вероятности.

Обсуждая проблему автоматизации принятия решений и демократического контроля, следует признать, что требование «объяснимого ИИ» часто носит поверхностный характер. Даже если мы сможем раскрыть «черный ящик» нейросети и показать, как именно она пришла к тому или иному выводу, это не отменит самого факта передачи власти нечеловеческому актору. Демократический контроль над ИИ невозможен, если ИИ продолжает функционировать в логике капитализма надзора, где его главная цель - оптимизация вовлеченности и извлечение прибыли. Подлинный демократический контроль требует изменения самой экономической и онтологической основы разработки технологий: перехода от проприетарных, закрытых систем к технологиям, обслуживающим общественное благо и сохраняющим право индивида на непредсказуемость.

Платформенный капитализм и сопровождающая его алгоритмическая правительственность ставят перед политической философией вопрос о выживании самого понятия человеческой автономии. Когда внутренний мир человека, его страхи, желания и привычки превращаются в сырье для рыночных транзакций, а будущее сводится к статистическому прогнозу, классический проект Просвещения, основанный на вере в рационального, самоопределяющегося субъекта, оказывается под угрозой разрушения.

Выход из этого состояния требует выработки новой философии цифрового существования, где право на укрытие, на непрозрачность и на ошибку признается не архаичным пережитком, а необходимым условием для сохранения способности человека быть автором собственной жизни. Борьба за цифровой суверенитет - это, в конечном счете, борьба за право на будущее время, за возможность обещать, выбирать и действовать вне рамок, начертанных

предиктивными алгоритмами.

Выводы. Формирование цифровой политической философии требует пересмотра классической либеральной модели общественного договора. Проведенный анализ демонстрирует, что переход к платформенной модели экономики, обусловленный структурным кризисом индустриальной прибыльности и поиском новых рентных источников, не просто модифицирует рыночные отношения, но совершает подлинный онтологический разрыв. Человеческий опыт, ранее выступавший неприкосновенной основой субъектности, в условиях надзорного капитализма превращается в сырьевой массив для алгоритмического предсказания и поведенческого модифицирования. Нормативный кризис нашей эпохи заключается в тихой узурпации самого будущего времени, где право человека на самостоятельное проектирование своей жизни подменяется скрытой архитектурой выбора, навязанной частными корпорациями.

Политико-философская рефлексия в этих координатах не может сводиться к апологии приватности как индивидуальной гигиены, поскольку проблема утратила сугубо частный характер. Приватизация разделения труда и разделения обучения в обществе означает, что асимметрия знания стала главным ресурсом доминирования. Платформенные монополии, аккумулируя поведенческий излишек, создают закрытые эпистемологические среды, где алгоритмические системы действуют в логике радикального безразличия к человеческим смыслам. Нормативным основанием для сопротивления подобной инструментальной власти должно стать признание когнитивного суверенитета личности. Это понятие выходит за рамки защиты персональных данных, утверждая право индивида на внутреннюю непрозрачность, на свободу от непрерывного вычисления и на сохранение той самой «воли к воле», которая делает возможным моральное суждение и подлинное социальное взаимодействие.

Сопротивление в условиях цифровой гегемонии требует разработки

целостной концепции нового общественного договора. Если классический контракт предполагал взаимность и органическую связь между капиталом и обществом, то платформенный капитализм демонстрирует структурную независимость от людей, рассматривая их исключительно как узлы в сети извлечения ренты. Следовательно, нормативный ответ должен включать в себя требование декоммодификации человеческого опыта. Данные о поведении не могут рассматриваться как законная частная собственность корпораций; они обязаны быть признаны общественным благом, подлежащим демократическому аудиту и контролю. Политическая философия сегодня должна концептуально обосновать право на убежище — не только в физическом, но и в цифровом смысле — и сформулировать основания для законодательных ограничений проникновения рыночной логики в приватные сферы человеческого существования.

Материальная инфраструктура цифрового мира, характеризующаяся сетевыми эффектами и стремлением к тотальной монополизации, диктует необходимость пересмотра самих принципов демократического управления. Делегирование функций социального координирования и распределения ресурсов нечеловеческим акторам ведет к эрозии политической субъектности граждан. Нормативный идеал цифровой политической философии должен утверждать приоритет человеческой автономии по отношению к алгоритмическим системам и требовать, чтобы эти системы служили расширению человеческих возможностей. Это предполагает создание институтов коллективного противодействия, способных бросить вызов диктату безальтернативности, навязываемой платформенными экосистемами.

В конечном счете, цифровая политическая философия берет на себя роль критического арбитра на новом фронте власти. Ее главная задача состоит в том, чтобы не допустить нормализации состояния, при котором человек становится лишь пассивным объектом чужого вычисления. Будущее информационное общество может стать либо пространством тотального инструментального

контроля, где социальное доверие заменяется машинной определенностью, либо средой, в которой технологии служат укреплению демократических институтов и автономии личности. Выбор между этими векторами зависит от способности общества осознать беспрецедентность происходящей мутации капитализма и найти в себе волю для защиты самой человеческой природы от ее окончательного превращения в код.

Список литературы

1. Törnberg P. How Platforms Govern: Social Regulation in Digital Capitalism // Big Data & Society. 2023. DOI: 10.1177/20539517231153808.
2. Пеннер Р.В. Цифровая идентичность: теория и методология // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2024. Т. 48, № 2.
3. Fourcade M., Healy K. The Ordinal Society. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2024.
4. Писарев А.А. Алгоритмическое управление: субъективация под вопросом // Вопросы философии. 2025. № 10. С. 89–100. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-10-89-100.
5. Aytac U. Big Tech, Algorithmic Power, and Democratic Control // The Journal of Politics. 2024. Vol. 86, No. 4. P. 1431–1445. DOI: 10.1086/729938.
6. Сорокопуд М.С. Медиаполитика как технология бытия: субъект в эпоху алгоритмов // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2025. Т. 50, № 4. С. 895–903. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-895-903.
7. Pisani G. The Right to Self-Determination in the Digital Platform Economy // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 53. Art. 105964. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.105964.
8. Bonini T., Treré E. Algorithms of Resistance: The Everyday Fight against Platform Power. Cambridge, MA: The MIT Press, 2024. 256 p. DOI: 10.7551/mitpress/14329.001.0001.
9. Viader Guerrero J. Beyond the Digital Public Sphere: Towards a Political Ontology of Algorithmic Technologies // Philosophy & Technology. 2024. Vol. 37. Art. 102.

DOI: 10.1007/s13347-024-00789-x.

10. Афанасов Н.Б. Труд на узлах сети: сетевое общество и цифровой капитализм // Вопросы философии. 2025. № 10. С. 77–88. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-10-77-88.

11. De Ruvo G. Algorithmic Objectivity as Ideology: Toward a Critical Ethics of Digital Capitalism // Topoi. 2025. Vol. 44, No. 1. P. 175–186. DOI: 10.1007/s11245-024-10117-9.

12. Sahakyan H., Gevorgyan A., Malkjyan A. From Disciplinary Societies to Algorithmic Control: Rethinking Foucault’s Human Subject in the Digital Age // Philosophies. 2025. Vol. 10, No. 4. Art. 73. DOI: 10.3390/philosophies10040073.

13. Погребняк А.А. Субъект-в-цифре: скудость опыта и изобилие данных // Вопросы философии. 2025. № 10. С. 101–111. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-10-101-111.

14. Spier S. The Politics of Platform Technologies: A Critical Conceptualization of the Platform and Sharing Economy // Philosophy & Technology. 2025. Vol. 38. Art. 12. DOI: 10.1007/s13347-025-00840-5.

15. Krouglov A.Y. Alienation 2.0: The Algorithmic Commodification of Agency in Platform Capitalism // Journal of Multicultural Discourses. 2024. Vol. 19, No. 3. P. 196–212; online publication 2025. DOI: 10.1080/17447143.2025.2497549.

16. Мустафин А.А. Критика платформенного субъекта: алгоритмическая рациональность и трансформация человеческого капитала в цифровую эпоху // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2026. № 1. С. 322–324. DOI: 10.36629/2686-9896-2026-1-322-324.

17. Razinsky L. Self and Others in Algorithmic Governmentality: Between Hyper-Individuation and Disindividuation // AI & Society. 2026. Vol. 41, No. 5. P. 4791–4806. DOI: 10.1007/s00146-025-02810-z.

18. Rodríguez P.M. Capitalism and Beyond: From AI to the DAP Framework (Data, Algorithms, Platforms) // Ciencia Política. 2026. Vol. 20, No. 39. DOI: 10.15446/cp.v20n39.117209.

19. Mejias U.A., Couldry N. Data Grab: The New Colonialism of Big Tech and How to Fight Back. Chicago: University of Chicago Press, 2024. 303 p.

20. Carter S.O., Dale J.G. Social Bias in AI: Re-coding Innovation through Algorithmic Political Capitalism // AI & Society. 2026. Vol. 41. P. 2467–2486.

References

1. Törnberg P. How Platforms Govern: Social Regulation in Digital Capitalism // Big Data & Society. 2023. DOI: 10.1177/20539517231153808.

2. Penner R.V. Cifrovaya identichnost`: teoriya i metodologiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2024. T. 48, № 2.

3. Fourcade M., Healy K. The Ordinal Society. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2024.

4. Pisarev A.A. Algoritmicheskoe upravlenie: sub``ektivaciya pod voprosom // Voprosy` filosofii. 2025. № 10. S. 89–100. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-10-89-100.

5. Aytac U. Big Tech, Algorithmic Power, and Democratic Control // The Journal of Politics. 2024. Vol. 86, No. 4. P. 1431–1445. DOI: 10.1086/729938.

6. Sorokopud M.S. Mediapolitika kak texnologiya by`tiya: sub``ekt v e`poxu algoritmov // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2025. T. 50, № 4. S. 895–903. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-895-903.

7. Pisani G. The Right to Self-Determination in the Digital Platform Economy // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 53. Art. 105964. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.105964.

8. Bonini T., Treré E. Algorithms of Resistance: The Everyday Fight against Platform Power. Cambridge, MA: The MIT Press, 2024. 256 p. DOI: 10.7551/mitpress/14329.001.0001.

9. Viader Guerrero J. Beyond the Digital Public Sphere: Towards a Political Ontology of Algorithmic Technologies // Philosophy & Technology. 2024. Vol. 37. Art. 102. DOI: 10.1007/s13347-024-00789-x.

10. Afanasov N.B. Trud na uzlax seti: setevoe obshhestvo i cifrovoj kapitalizm //

Voprosy` filosofii. 2025. № 10. S. 77–88. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-10-77-88.

11. De Ruvo G. Algorithmic Objectivity as Ideology: Toward a Critical Ethics of Digital Capitalism // Topoi. 2025. Vol. 44, No. 1. P. 175–186. DOI: 10.1007/s11245-024-10117-9.

12. Sahakyan H., Gevorgyan A., Malkjyan A. From Disciplinary Societies to Algorithmic Control: Rethinking Foucault's Human Subject in the Digital Age // Philosophies. 2025. Vol. 10, No. 4. Art. 73. DOI: 10.3390/philosophies10040073.

13. Pogrebnyak A.A. Sub``ekt-v-cifre: skudost` opy`ta i izobilie danny`x // Voprosy` filosofii. 2025. № 10. S. 101–111. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-10-101-111.

14. Spier S. The Politics of Platform Technologies: A Critical Conceptualization of the Platform and Sharing Economy // Philosophy & Technology. 2025. Vol. 38. Art. 12. DOI: 10.1007/s13347-025-00840-5.

15. Krouglov A.Y. Alienation 2.0: The Algorithmic Commodification of Agency in Platform Capitalism // Journal of Multicultural Discourses. 2024. Vol. 19, No. 3. P. 196–212; online publication 2025. DOI: 10.1080/17447143.2025.2497549.

16. Mustafin A.A. Kritika platformennogo sub``ekta: algoritmicheskaya racional`nost` i transformaciya chelovecheskogo kapitala v cifrovuyu e`poxu // Sovremenny`e texnologii i nauchno-texnicheskij progress. 2026. № 1. S. 322–324. DOI: 10.36629/2686-9896-2026-1-322-324.

17. Razinsky L. Self and Others in Algorithmic Governmentality: Between Hyper-Individuation and Disindividuation // AI & Society. 2026. Vol. 41, No. 5. P. 4791–4806. DOI: 10.1007/s00146-025-02810-z.

18. Rodríguez P.M. Capitalism and Beyond: From AI to the DAP Framework (Data, Algorithms, Platforms) // Ciencia Política. 2026. Vol. 20, No. 39. DOI: 10.15446/cp.v20n39.117209.

19. Mejias U.A., Couldry N. Data Grab: The New Colonialism of Big Tech and How to Fight Back. Chicago: University of Chicago Press, 2024. 303 p.

20. Carter S.O., Dale J.G. Social Bias in AI: Re-coding Innovation through Algorithmic Political Capitalism // AI & Society. 2026. Vol. 41. P. 2467–2486.

Статья поступила в редакцию 27.07.2026; одобрена после рецензирования 09.09.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 27.07.2026; approved after reviewing 09.09.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Научная статья
УДК 1:311

ПРИЗНАНИЕ И УЯЗВИМОСТЬ: ОТ ГЕГЕЛЯ И ХОННЕТА К БАТЛЕР

Лакаев Павел Викторович, кандидат философских наук, старший преподаватель, Московский городской педагогический университет, Россия, Москва, lakaev.pavel@yandex.ru

Аннотация. Категория признания выступает сегодня ключевым инструментом осмысления механизмов социальной интеграции и источников современного неравенства. Исследование прослеживает эволюцию этого концепта от классической немецкой философии до актуальных критических теорий. В работе применяется диалектический метод и сравнительный анализ трудов Г.В.Ф. Гегеля, А. Хоннета, Дж. Батлер и Н. Фрейзер. Автор показывает, что гегелевская диалектика господина и раба заложила фундамент интерсубъективного понимания свободы, отвергая ранние атомистические модели общества. Далее анализируется, как Хоннет трансформирует эту традицию, связывая три паттерна признания — любовь, право и солидарность — с конкретными формами социального неуважения, которые порождают моральную мотивацию общественных конфликтов. Особое внимание уделяется аргументации Н. Фрейзер, настаивающей на неразрывности культурного признания и экономического перераспределения ради достижения паритета участия. В статье также раскрывается вклад Дж. Батлер, которая через призму прекарности и перформативности демонстрирует, как властные рамки избирательно определяют границы признаваемой субъектности и оплакиваемости жизни. Выявленное противоречие между признанием как условием становления субъекта и как инструментом властного регулирования указывает на необходимость глубоких институциональных изменений. Подлинная социальная справедливость требует одновременного демонтажа как символических иерархий, так и структур материальной депривации.

Ключевые слова: социальная философия; признание; Гегель; Аксель Хоннет; Джудит Батлер; Нэнси Фрейзер; социальная справедливость; перераспределение; прекарность; перформативность.

Original article

RECOGNITION AND VULNERABILITY: FROM HEGEL AND HONNETH TO BUTLER

Lakaev Pavel Viktorovich, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Moscow City University, Moscow, Russia, lakaev.pavel@yandex.ru

Abstract. The concept of recognition is currently a key tool for understanding the mechanisms of social integration and the sources of contemporary inequality. This study traces the evolution of this concept from classical German philosophy to contemporary critical theories. The work employs a dialectical method and a comparative analysis of the works of G.W.F. Hegel, A. Honneth, J. Butler, and N. Fraser. The author demonstrates that Hegel's master-slave dialectic laid the foundation for an intersubjective understanding of freedom, rejecting earlier atomistic models of society. Honneth then analyzes how Honneth transforms this tradition by linking three patterns of recognition—love, right, and solidarity—with specific forms of social disrespect that generate the moral motivation for social conflict. Particular attention is given to N. Fraser's argumentation, which insists on the inseparability of cultural recognition and economic redistribution for the sake of achieving parity of participation. The article also explores the contribution of J. Butler, who, through the lens of precarity and performativity, demonstrates how power structures selectively define the boundaries of recognized subjectivity and the lamentability of life. The revealed contradiction between recognition as a condition for subject formation and as an instrument of power regulation points to the need for profound institutional change. Genuine social justice requires the simultaneous dismantling of both symbolic hierarchies and structures of material deprivation.

Keywords: social philosophy; recognition; Hegel; Axel Honneth; Judith Butler; Nancy Fraser; social justice; redistribution; precarity; performativity.

Введение. Современная социальная и политическая философия все чаще обращается к категории признания как к фундаментальному механизму легитимации социального порядка. Этот концепт давно перестал быть исключительно психологическим термином, обозначающим простое когнитивное отождествление [1], [2]. Сегодня он выступает конститутивной основой формирования межсубъектной идентичности. Индивид обретает целостное представление о себе лишь тогда, когда его существование и ценности находят подтверждение в глазах другого [3], [4]. Такой подход изменяет направление анализа социальных конфликтов, смещая внимание с борьбы за материальные ресурсы на моральные ожидания и нормативные притязания участников общественного взаимодействия.

Исторические истоки данной проблематики прочно укоренены в йенском периоде творчества Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Философ совершил решительный отход от атомистической традиции, восходящей к Томасу Гоббсу, где общество понималось как результат столкновения эгоистичных индивидов, борющихся за выживание [5], [6]. Гегель же продемонстрировал, что подлинная свобода возможна только в пространстве взаимного признания. В его ранних работах диалектика признания раскрывается как процесс, в ходе которого самосознание формируется во взаимодействии с иным самосознанием. Именно здесь закладывается мысль о том, что социальная интеграция требует активного подтверждения автономии и достоинства каждого участника.

Актуализация гегелевской традиции в трудах Акселя Хоннета придала этой проблематике большую теоретическую разработанность и эмпирическую направленность. Исследователь разработал концепцию «моральной грамматики социальных конфликтов», связывая стремление к признанию с конкретными сферами человеческой жизни. Хоннет выделяет три базовых паттерна: любовь,

право и солидарность [7], [8]. Каждый из них поддерживает определенную форму практического отношения индивида к самому себе, а именно базовую уверенность в себе, самоуважение и самоценность. Нарушение этих паттернов, проявляющееся в физическом насилии, лишении прав или культурном обесценивании, порождает моральное негодование. Именно это негодование, по мнению Хоннета, служит движущей силой социальных движений, стремящихся расширить границы признания [9].

Параллельно Нэнси Фрейзер предложила критический взгляд на доминирование парадигмы признания в современном дискурсе справедливости. Она предостерегает от сведения всех форм социального угнетения исключительно к вопросам культурной идентичности [10]. Фрейзер настаивает на необходимости двуединого подхода, объединяющего борьбу за признание с борьбой за перераспределение материальных благ [11]. Игнорирование экономической структуры, по ее убеждению, приводит к тому, что требования маргинализированных групп остаются символическими жестами, не меняющими реального положения дел [12]. Таким образом, философ призывает учитывать как статусный порядок, так и классовое неравенство, избегая их искусственного разрыва.

Джудит Батлер дополнила эту дискуссию, подвергнув критическому пересмотру сами нормативные рамки, определяющие, кто именно достоин признания. Она указывает на то, что существующие критерии человечности часто заранее исключают определенные группы из поля социальной видимости. Батлер показывает, как властные дискурсы формируют границы познаваемого и ценного, превращая некоторые жизни в «неоплакиваемые». Следовательно, задача социальной философии заключается не только в расширении круга признанных субъектов, но и в постановке вопроса о том, какие нормы делают возможным само признание [13].

Предлагаемое исследование прослеживает эволюцию концепта признания от гегелевской диалектики до современных дебатов о справедливости. Анализ

позволяет выявить внутренние напряжения между универсалистскими притязаниями теории и конкретными историческими условиями ее реализации [14]. Анализ этих противоречий позволяет осмыслить условия, при которых общество может становиться более инклюзивным без отказа от нормативных оснований.

Обзор научной литературы. Категория признания занимает центральное место в дискуссиях современной социальной и политической философии. Возвращение к гегелевской диалектике признания в работах последних десятилетий свидетельствует о возрастающем интересе исследователей к проблемам идентичности, справедливости и социальной интеграции в условиях усложняющихся форм общественного взаимодействия.

Фундаментальный вклад в разработку данной проблематики внесла полемика между Нэнси Фрейзер и Акселем Хоннетом, оформившаяся в начале 2000-х годов. Их концептуальный обмен, опубликованный в работе «Redistribution or Recognition? A Political-Philosophical Exchange» (2003), обозначил ключевое методологическое противоречие: может ли требование перераспределения материальных ресурсов быть редуцировано к борьбе за признание, или же эти измерения социальной справедливости требуют автономного рассмотрения [15]. Фрейзер настаивает на «перспективном дуализме», утверждая равноправие экономической и культурной перспектив анализа несправедливости [16]. Хоннет, напротив, развивает позицию «нормативного монизма», рассматривая признание как всеобъемлющую моральную категорию, в рамках которой перераспределение обретает производный характер.

Работы Джудит Батлер, в частности «Frames of War: When Is Life Grievable?» и «Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence», включили проблематику уязвимости и прекарности в дискуссию о признании. Батлер демонстрирует, как властные рамки определяют, какие жизни считаются оплакиваемыми и достойными признания, а какие маргинализируются или

исключаются из поля социальной видимости [17], [18].

Чарльз Тейлор в эссе «The Politics of Recognition» связал проблематику признания с этикой аутентичности и мультикультурализма, показав, как либеральный нейтралитет оказывается неспособным адекватно ответить на требования культурных меньшинств о признании их коллективной идентичности [19].

Герберт Маркузе в работе «Repressive Tolerance» (1965) предложил критический анализ толерантности в развитых индустриальных обществах, продемонстрировав, как формальное признание различий может служить механизмом поддержания доминирующего порядка.

Методологическая и теоретическая база исследования. Методологический фундамент исследования составляет диалектический метод, восходящий к йенскому периоду творчества Гегеля, когда философ разрабатывал концепцию борьбы за признание как движущую силу формирования самосознания и социального порядка. В «Феноменологии духа» (1807) диалектика господина и раба раскрывает парадоксальную природу признания: одностороннее признание со стороны раба не удовлетворяет господина, поскольку исходит от несвободного сознания. Подлинное признание возможно лишь между равными субъектами, что требует преодоления асимметричных отношений власти.

В «Философии права» (1821) Гегель систематизирует три формы объективного духа - семью, гражданское общество и государство — как институциональные сферы реализации признания. Семья основывается на непосредственном единстве и любви, гражданское общество опосредует отношения через правовое признание автономных индивидов и их частнособственнических интересов, тогда как государство воплощает высшую форму этической жизни (Sittlichkeit), где достигается синтез индивидуальной свободы и коллективной рациональности.

Хоннет, опираясь на социальную психологию Джорджа Герберта Мида,

трансформирует гегелевскую спекулятивную конструкцию в эмпирически верифицируемую теорию. Он выделяет три паттерна признания, каждый из которых соответствует определенной форме практического отношения к себе:

— любовь и забота (базовая уверенность в себе);

— правовое признание (самоуважение);

— солидарность и социальная оценка (самооценка).

Нарушение этих паттернов порождает специфические формы непризнания: физическое насилие, лишение прав и культурное обесценивание, которые становятся мотивационной основой социальных конфликтов.

Методологическая стратегия исследования предполагает сопоставление авторских концепций через призму фундаментального противоречия между признанием, властью и уязвимостью. Это противоречие проявляется в том, что признание одновременно выступает условием формирования субъектности и инструментом властного регулирования, определяющего границы признаваемого человеческого.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ эволюции концепта признания позволяет выявить системные трансформации в понимании механизмов социальной интеграции и источников несправедливости (таблица 1).

Таблица 1 - Сравнительная характеристика теоретических подходов к проблеме признания

Автор	Базовые формы признания	Тип несправедливости	Механизм преодоления
Гегель	Любовь, право, этическая жизнь	Отчуждение, односторонность признания	Диалектическое снятие противоречий через институциональное развитие
Тейлор	Аутентичность, культурная идентичность	Непризнание, ассимиляция	Мультикультурализм, политика признания различий
Хоннет	Любовь, право, солидарность	Непризнание как социальная патология	Расширение сфер признания через социальные конфликты
Батлер	Признанная оплакиваемость жизни	Дифференциальная уязвимость	Деконструкция властных рамок, перформативное сопротивление
Фрейзер	Перераспределение + признание (дуализм)	Экономическая и статусная несправедливость	Паритет участия через институциональную реформу

Источник: разработано автором.

Йенские тексты Гегеля демонстрируют радикальный разрыв с атомистической традицией общественной философии. Если Гоббс исходил из борьбы индивидов за самосохранение как фундаментального принципа социального порядка, то Гегель помещает в центр анализа стремление к признанию. В «Системе этической жизни» и «Реальной философии» йенского периода философ разрабатывает модель, согласно которой формирование субъективности возможно исключительно через интерсубъективное опосредование.

Диалектика господина и раба в «Феноменологии духа» иллюстрирует трагическую асимметрию: господин достигает признания своей свободы, однако это признание исходит от раба, которого он сам не признает равным субъектом. Раб, напротив, через труд и дисциплину развивает самосознание, обретая потенциал подлинной свободы. Эта диалектическая инверсия содержит важнейший методологический урок: признание не может быть даровано сверху, оно требует взаимности и равенства сторон.

В «Философии права» Гегель переходит от феноменологического анализа к институциональной теории. Семья представляет собой сферу непосредственной этической субстанциальности, где индивиды существуют не как автономные атомы, а как члены целостности, связанной любовью и доверием. Однако семейное единство должно быть снято в гражданском обществе, где индивиды выступают как правовые лица, преследующие частные интересы через рыночный обмен и корпоративные ассоциации.

Гражданское общество, по Гегелю, представляет собой «внешнее государство» - сферу дифференциации и конкуренции, где правовое признание формально гарантирует равенство, однако фактически воспроизводит экономическое неравенство. Разрешение этого противоречия возможно лишь на уровне государства, которое воплощает конкретную универсальность, синтезируя частные интересы граждан с коллективным благом. Государство,

таким образом, представляет высшую форму этической жизни, где достигается подлинное признание индивидов как свободных и равных участников политического сообщества.

Чарльз Тейлор в эссе «Политика признания» (1992) актуализирует гегелевскую проблематику применительно к условиям мультикультурных демократий. Философ исходит из того, что идентичность формируется диалогически - через признание или непризнание со стороны значимых других. Непризнание или ложное признание наносит ущерб идентичности, навязывая искаженные образы и стереотипы.

Тейлор различает две модели признания. Первая, восходящая к либеральной традиции, требует равного уважения всех граждан независимо от их культурной принадлежности. Эта политика универсальных прав и достоинства, однако, оказывается неспособной учесть специфические потребности культурных меньшинств. Вторая модель, связанная с политикой различия, настаивает на признании уникальности каждой культуры и ее вклада в человеческое многообразие.

Парадокс заключается в том, что требование признания различий часто вступает в конфликт с либеральными ценностями равенства и индивидуальных прав. Тейлор указывает на опасность релятивизма, однако отвергает позицию нейтралитета как иллюзорную: либеральные институты сами воплощают специфическую культурную традицию, которая не может претендовать на универсальную нейтральность.

Аксель Хоннет в работе «Борьба за признание: моральная грамматика социальных конфликтов» (1992) предлагает систематическую реконструкцию гегелевской теории признания на основе социальной психологии Мида. Центральный тезис Хоннета состоит в том, что успешное формирование идентичности требует трех форм признания, каждая из которых поддерживает специфическое практическое отношение к себе.

Первая форма — любовь и эмоциональная забота — обеспечивает базовую

уверенность в себе (Selbstvertrauen). Через отношения привязанности в семье, дружбе и интимных связях индивид обретает доверие к своим потребностям и телесности. Лишение любви, пренебрежение, физическое насилие разрушают эту базовую уверенность, порождая глубокую социальную патологию.

Вторая форма, правовое признание, формирует самоуважение (Selbstachtung). Признание индивида как полноправного члена сообщества, способного к моральной ответственности и участию в общественном диалоге, составляет основу правового статуса. Дискриминация, лишение прав, исключение из политической жизни подрывают самоуважение, лишая индивида возможности выступать как равноправный субъект.

Третья форма, социальная оценка и солидарность, поддерживает самооценку (Selbstschätzung). Через признание вклада индивида в общее благо, оценку его способностей и достижений формируется чувство собственной ценности. Маргинализация, стигматизация, культурное обесценивание разрушают самооценку, исключая индивида из сообщества солидарности.

Хоннет показывает, что социальные конфликты следует понимать не просто как борьбу за материальные ресурсы, но как морально мотивированную борьбу за признание. Опыт несправедливости, унижения, непризнания порождает негодование, которое становится движущей силой социальных движений. Таким образом, критическая теория обретает нормативное основание в самих социальных практиках сопротивления.

Джудит Батлер существенно расширяет проблематику признания, связывая ее с вопросами власти, перформативности и прекарности. В работе «Gender Trouble» (1990) Батлер развивает концепцию гендерной перформативности, согласно которой гендер не выражает внутреннюю сущность или идентичность, а конституируется через повторяющиеся перформативные акты, цитирующие нормативные дискурсы.

Перформативность означает, что гендерная идентичность производится и поддерживается через дискурсивные практики, которые создают эффект

естественности и неизменности. Однако сама повторяемость перформативных актов открывает возможность субверсии — пародийного повторения, которое разоблачает контингентность гендерных норм.

В более поздних работах «Precarious Life» (2004) и «Frames of War» (2009) Батлер смещает фокус на проблематику уязвимости (vulnerability) и прекарности (precarity). Философ проводит различие между онтологической уязвимостью как всеобщей характеристикой человеческой жизни и социальной прекарностью, которая неравномерно распределяется под воздействием властных структур.

Батлер вводит концепт «оплакиваемости» (grievability): признание жизни как достойной скорби составляет фундаментальный критерий человечности. Однако властные рамки (frames) определяют, какие жизни считаются оплакиваемыми, а какие исключаются из поля социальной видимости. Жизни, которые не признаются оплакиваемыми, оказываются прекарными (precarious): их утрата не считается потерей, а их страдание не вызывает сострадания.

Таким образом, признание у Батлер предстает как амбивалентный механизм: с одной стороны, оно необходимо для обретения субъектности и социальной видимости; с другой стороны, признание всегда опосредовано властными нормами, которые определяют границы признаваемого человеческого. Субверсивная политика, по Батлер, должна не просто требовать включения в существующие рамки признания, но деконструировать сами эти рамки, расширяя горизонт оплакиваемых жизней.

Нэнси Фрейзер предлагает критический анализ доминирования парадигмы признания в современной социальной философии. В полемике с Хоннетом она настаивает на том, что сведение всех форм несправедливости к проблемам культурного признания игнорирует структурное экономическое неравенство.

Фрейзер различает два измерения несправедливости:

— экономическое (несправедливое распределение): эксплуатация, экономическая маргинализация, депривация;

— культурное (непризнание): культурное доминирование, невидимость,

неуважение.

Эти измерения, хотя и переплетены в реальности, требуют аналитического разграничения и специфических стратегий преодоления. Политика перераспределения нацелена на трансформацию экономической структуры — перераспределение доходов, реорганизацию разделения труда, изменение структуры собственности. Политика признания стремится к культурной трансформации — переоценке дискредитированных идентичностей, признанию культурного многообразия, изменению паттернов репрезентации и коммуникации.

Фрейзер вводит концепт «паритета участия» (participatory parity) как нормативный критерий справедливости: общество справедливо, когда все его члены могут участвовать как равные в социальной жизни. Для этого необходимы как объективные условия (материальные ресурсы, обеспечивающие независимость), так и интерсубъективные условия (институционализированные паттерны культурной ценности, выражающие равное уважение).

Герберт Маркузе в эссе «Репрессивная толерантность» (1965) предлагает радикальную критику либеральной толерантности в развитых индустриальных обществах. Философ показывает, как толерантность, формально гарантирующая свободу мнений и плюрализм, фактически служит механизмом поддержания доминирующего порядка.

Репрессивная толерантность проявляется в двух формах:

— бездумное принятие укоренившихся установок и идей, даже когда они очевидно служат интересам господства;

— распространение толерантности на политики и практики, которые разрушают перспективы мира, справедливости и освобождения.

Маркузе приходит к парадоксальному выводу: подлинная толерантность требует нетолерантности по отношению к репрессивным идеологиям и практикам. Это означает отказ от нейтралитета в пользу эмансипаторской позиции, которая активно поддерживает прогрессивные силы и ограничивает

регрессивные.

Центральное противоречие, выявленное в ходе исследования, заключается в двойственной природе признания: оно одновременно выступает условием формирования субъектности и инструментом властного регулирования.

С одной стороны, без признания индивид не может обрести целостную идентичность, самоуважение и социальную видимость. Как показывает Хоннет, лишение признания порождает социальные патологии и становится источником конфликтов. Признание, таким образом, составляет необходимое условие человеческого существования и социальной интеграции.

С другой стороны, признание всегда опосредовано властными нормами и структурами, которые определяют границы признаваемого. Как демонстрирует Батлер, властные рамки решают, какие идентичности считаются легитимными, какие жизни достойны признания и скорби. Признание, следовательно, не просто даруется, но регулируется — оно требует соответствия определенным нормам и критериям.

Это противоречие обостряется в условиях прекарности. Уязвимые группы — беженцы, нелегальные мигранты, гендерные меньшинства — оказываются в парадоксальной ситуации: они требуют признания своей идентичности и прав, однако само требование признания предполагает подчинение нормам, которые могут воспроизводить их подчиненное положение.

Фрейзер пытается разрешить это противоречие через концепт паритета участия: признание должно не просто утверждать различия, но создавать условия равного участия в социальной жизни. Однако этот подход не учитывает, что сами критерии участия могут быть дискриминационными.

Маркузе предлагает иное решение: критическая нетолерантность по отношению к репрессивным формам признания. Это означает отказ от нейтралитета в пользу эмансипаторной политики, которая активно оспаривает доминирующие рамки признания.

Несмотря на существенные различия, рассмотренные концепции

обнаруживают значительное концептуальное сходство, поскольку обращаются к общим фундаментальным вопросам:

Во-первых, все авторы исходят из интерсубъективной природы человеческой субъектности. Индивид не существует как изолированный атом, но формируется через отношения с другими. Эта интерсубъективность, однако, не гармонична — она опосредована конфликтами, властью, неравенством.

Во-вторых, все авторы признают нормативное измерение признания. Признание — это не просто факт, но требование справедливости. Непризнание переживается как несправедливость, порождающая моральное негодование и социальное сопротивление.

В-третьих, все авторы связывают признание с проблемами власти и освобождения. Признание не нейтрально — оно встроено в структуры власти, которые определяют, кто достоин признания и на каких условиях. Эмансипаторная политика, следовательно, должна не просто требовать признания, но трансформировать сами условия признания.

Различия между авторами касаются прежде всего стратегий преодоления несправедливости. Хоннет связывает расширение сфер признания с имманентной критикой и социальными конфликтами. Фрейзер настаивает на дуализме перераспределения и признания, требуя одновременной трансформации экономической и культурной сфер. Батлер предлагает стратегию субверсии — деконструкцию властных рамок признания через перформативное сопротивление. Маркузе призывает к критической нетолерантности, активной борьбе с репрессивными формами признания (таблица 2).

Таблица 2 - Эволюция концепта признания в социальной философии

Период	Автор	Ключевой вклад	Концептуальный сдвиг
1807	Гегель	Диалектика господина и раба	От атомизма к интерсубъективности
1821	Гегель	Три сферы этической жизни	От феноменологии к институциональной теории
1965	Маркузе	Репрессивная толерантность	Критика либерального нейтралитета
1990	Батлер	Гендерная перформативность	От идентичности к перформативности

1992	Тейлор	Политика признания и различия	От универсализма к мультикультурализму
1992	Хоннет	Три паттерна признания	От спекуляции к эмпирической теории
2003	Фрейзер	Перспективный дуализм	От монизма признания к дуализму перераспределения и признания
2004-2009	Батлер	Прекарность и оплакиваемость	От идентичности к уязвимости

Источник: разработано автором.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что категория признания представляет собой значимый теоретический инструмент анализа современных социальных конфликтов и форм социальной несправедливости. Эволюция этого концепта от гегелевской диалектики до современных теорий Хоннета, Батлер, Фрейзер демонстрирует возрастающую сложность понимания механизмов социальной интеграции и исключения.

Выявленное противоречие между признанием, властью и уязвимостью указывает на необходимость диалектического подхода: признание не может быть редуцировано ни к простому утверждению идентичности, ни к чистому инструменту господства. Оно представляет собой поле борьбы, где сталкиваются требования справедливости и механизмы властного регулирования.

Разрешение этого противоречия требует, как показывает анализ, одновременной работы на нескольких уровнях: институциональная реформа (Фрейзер), расширение сфер признания через социальные конфликты (Хоннет), деконструкция властных рамок (Батлер), критическая нетолерантность к репрессивным формам (Маркузе). Только такая многомерная стратегия способна обеспечить подлинный паритет участия и социальную справедливость в условиях усложняющихся форм общественного взаимодействия.

Выводы. Современные социальные движения, включая транс-активизм, не следует рассматривать как исключительно спонтанные политические явления. Напротив, они представляют собой практическое проявление теоретических тенденций, рассмотренных в данном исследовании. Если анализировать указанные феномены сквозь призму моральной грамматики Акселя Хоннета, становится ясно: движущей силой подобных мобилизаций

выступает не просто требование перераспределения материальных ресурсов. Участники этих процессов выражают опыт социального неуважения, стремясь восстановить свой статус полноправных моральных субъектов в публичном пространстве. Борьба против системного расизма или гендерного насилия переводит абстрактное гегелевское стремление к взаимному признанию в плоскость конкретных требований институциональных преобразований.

Вместе с тем, сведение анализа исключительно к культурному измерению признания неизбежно ведет к усеченному пониманию современных конфликтов. Настаивание Нэнси Фрейзер на неразрывной связи перераспределения и признания обретает здесь особую актуальность. Активисты, выступающие против расового профилирования или домогательств на рабочем месте, одновременно оспаривают те экономические структуры, которые делают определенные группы уязвимыми. Маргинализированное положение работников из числа меньшинств связано не только с культурным непризнанием, но и со структурными особенностями рынка труда. Следовательно, достижение паритета участия предполагает устранение как символических иерархий, стигматизирующих конкретные идентичности, так и экономических механизмов, воспроизводящих их материальную депривацию.

Концептуальный аппарат Джудит Батлер позволяет углубить данный анализ за счет введения категорий прекарности и оплакиваемости. Современные социальные движения наглядно демонстрируют, как властные структуры определяют, чьи жизни считаются достойными защиты и скорби, а какие оттесняются на периферию социальной видимости. Транс-активизм, в частности, бросает вызов самим нормативным рамкам, диктующим границы признаваемой субъектности. Перформативное утверждение гендера, нарушающее устоявшиеся бинарные коды, обнажает условную природу идентичностных категорий. В этом контексте требование признания трансформируется в радикальную критику институциональных условий, избирательно распределяющих уязвимость.

Подобный поворот подводит нас к центральному противоречию

современной политики признания. Социальные движения оказываются в парадоксальной ситуации: они требуют легитимации со стороны тех самых институтов и правовых рамок, которые исторически их исключали. Опора исключительно на признание со стороны государства чревата воспроизводством существующих асимметрий власти. Как предупреждал Герберт Маркузе, формальная толерантность легко превращается в репрессивную, если она лишь включает инакомыслие в существующий порядок, не затрагивая глубинных структур доминирования. Следовательно, задача социальной философии заключается не в простом одобрении текущих идентичностных притязаний, а в критическом исследовании тех нормативных стандартов, на основании которых осуществляется признание.

В конечном счете категорию признания следует понимать не как статичное состояние социальных отношений, а как динамичный и конфликтный процесс. Идеи Гегеля, дополненные эмпирическим обоснованием Хоннета и критикой нормативных границ со стороны Батлер, формируют концептуальную основу для анализа социальных противоречий XXI века. Подлинная социальная интеграция недостижима посредством исключительно символического включения маргинализированных групп. Она требует фундаментальной перестройки как экономического порядка, так и культурных паттернов оценивания. Лишь через переплетение борьбы за материальную справедливость с противодействием символическому унижению современные общества смогут реализовать эмансипаторный потенциал, заложенный в самой идее взаимного признания.

Список литературы

1. Visser M. Butler, Hegel and the Role of Recognition in Organizations // Philosophy of Management. 2024. Vol. 23. P. 225–238. DOI: 10.1007/s40926-024-00251-0.
2. Ненадыщук Е.М. От телесной онтологии к этике ненасилия: роль уязвимости как взаимозависимости в этико-политической мысли Джудит Батлер // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23, № 1. С. 279–301. DOI: 10.17323/1728-

192X-2024-1-279-301.

3. Knieriem M. The Limits of Recognition // Inquiry. 2024. DOI: 10.1080/0020174X.2024.2338822.

4. Порфирьева С.И., Стенина М.В. Семантика ненасилия: перформативность уязвимости Джудит Батлер и кривые линии Сары Ахмед // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7, № 4. С. 13–26. DOI: 10.17323/2587-8719-2023-4-13-26.

5. Mulaj J. Ontology as Ideology: A Critique of Butler's Theory of Precariousness // Constellations. 2024. Vol. 31, No. 4. P. 491–505. DOI: 10.1111/1467-8675.12673.

6. Седых Т.Н. Концепция ненасилия Джудит Батлер: взгляд теоретика феминизма на проблемы борьбы с насилием в современном обществе // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20, № 1. С. 155–167. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_155.

7. Kamitsuka M.D. Vulnerability, Recognition, and the Ethics of Pregnancy: A Theological Response // Hypatia. 2024. Vol. 39, No. 4. P. 670–687. DOI: 10.1017/hyp.2023.122.

8. Кучерявая М. Признание в социологии неравенства: обзор теоретических подходов // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23, № 3. С. 354–374. DOI: 10.17323/1728-192X-2024-3-354-374.

9. Sparti D. What the Phenomenology of Spirit Can Teach Us. Recognition (and Struggle) in Honneth and Hegel // Politica & Società. 2023. No. 1. P. 133–152. DOI: 10.4476/109440.

10. Ibsen M.F. Axel Honneth and the Recognition Paradigm of Critical Theory // A Critical Theory of Global Justice: The Frankfurt School and World Society. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 227–282. DOI: 10.1093/oso/9780192864123.003.0008.

11. Balbontin Gallo C. A Critique of Honneth’s Theory of Recognition: Arguments for a Recognition Theory in Context // Critical Horizons. 2025. Vol. 26, No. 1. P. 35–52. DOI: 10.1080/14409917.2025.2466316.

12. Turano L. Vulnerabilità al riconoscimento o principio di resistenza? Una riflessione

sulla giustizia a partire dai “Lineamenti di filosofia del diritto” di Hegel // Vulnerabilità, rischio e crisi. Percorsi interdisciplinari. 2025. P. 121–150.

13. Ng K. Fanon and Hegel on the Recognition of Humanity // Hegel Bulletin. 2024. Vol. 45, No. 3. P. 571–597. DOI: 10.1017/hgl.2024.25.

14. Khurana T. Living by Recognition: On the Sociality of the Human Life-Form // Hegel Bulletin. 2025. Vol. 46, No. 3. P. 1–25. DOI: 10.1017/hgl.2025.10066.

15. Charpenel E. A Necessary Complement to the Notion of Recognition? Hegelian Reflections on Reconciliation // Coronado C. (ed.). Justice, Recognition, and Institutions: A Dialogue with Axel Honneth. Cham: Springer VS, 2026. P. 3–26. DOI: 10.1007/978-3-032-00610-3_1.

16. Madureira M.M.S. Hegelsvergessenheit? On Some Aspects of Honneth’s More Recent Writings // Coronado C. (ed.). Justice, Recognition, and Institutions: A Dialogue with Axel Honneth. Cham: Springer VS, 2026. P. 27–40. DOI: 10.1007/978-3-032-00610-3_2.

17. Huda K.A.S.M.N. Recognition as Normative Orientation: Structure, Mediation, and Repair // Res Publica. 2026. DOI: 10.1007/s11158-026-09788-5.

18. Батлер Дж. Запрос на ненасилие / пер. с англ. Н. Проценко // Новое литературное обозрение. 2023. № 184 (6). С. 62–75. DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_62.

19. Кобылин И. Борьба за жизнь: от политического требования к жизнеутверждающей мании // Новое литературное обозрение. 2023. № 184 (6). С. 404–415. DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_404

References

1. Visser M. Butler, Hegel and the Role of Recognition in Organizations // Philosophy of Management. 2024. Vol. 23. P. 225–238. DOI: 10.1007/s40926-024-00251-0.

2. Nenady`shhuk E.M. Ot telesnoj ontologii k e`tike nenasiliya: rol` uyazvimosti kak vzaimozavisimosti v e`tiko-politicheskoj my`sli Dzhudit Batler // Sociologicheskoe obozrenie. 2024. T. 23, № 1. S. 279–301. DOI: 10.17323/1728-192X-2024-1-279-301.

3. Knieriem M. The Limits of Recognition // Inquiry. 2024. DOI:

10.1080/0020174X.2024.2338822.

4. Porfir`eva S.I., Stenina M.V. Semantika nenasiliya: performativnost` uyazvimosti Dzhudit Batler i krivy`e linii Sary` Axmed // Filosofiya. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2023. T. 7, № 4. S. 13–26. DOI: 10.17323/2587-8719-2023-4-13-26.

5. Mulaj J. Ontology as Ideology: A Critique of Butler's Theory of Precariousness // Constellations. 2024. Vol. 31, No. 4. P. 491–505. DOI: 10.1111/1467-8675.12673.

6. Sedy`x T.N. Koncepciya nenasiliya Dzhudit Batler: vzglyad teoretika feminizma na problemy` bor`by` s nasiliem v sovremennom obshhestve // Diskurs-Pi. 2023. T. 20, № 1. S. 155–167. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_155.

7. Kamitsuka M.D. Vulnerability, Recognition, and the Ethics of Pregnancy: A Theological Response // Hypatia. 2024. Vol. 39, No. 4. P. 670–687. DOI: 10.1017/hyp.2023.122.

8. Kucheryavaya M. Priznanie v sociologii neravenstva: obzor teoreticheskix podxodov // Sociologicheskoe obozrenie. 2024. T. 23, № 3. S. 354–374. DOI: 10.17323/1728-192X-2024-3-354-374.

9. Sparti D. What the Phenomenology of Spirit Can Teach Us. Recognition (and Struggle) in Honneth and Hegel // Politica & Società. 2023. No. 1. P. 133–152. DOI: 10.4476/109440.

10. Ibsen M.F. Axel Honneth and the Recognition Paradigm of Critical Theory // A Critical Theory of Global Justice: The Frankfurt School and World Society. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 227–282. DOI: 10.1093/oso/9780192864123.003.0008.

11. Balbontin Gallo C. A Critique of Honneth’s Theory of Recognition: Arguments for a Recognition Theory in Context // Critical Horizons. 2025. Vol. 26, No. 1. P. 35–52. DOI: 10.1080/14409917.2025.2466316.

12. Turano L. Vulnerabilità al riconoscimento o principio di resistenza? Una riflessione sulla giustizia a partire dai “Lineamenti di filosofia del diritto” di Hegel // Vulnerabilità, rischio e crisi. Percorsi interdisciplinari. 2025. P. 121–150.

13. Ng K. Fanon and Hegel on the Recognition of Humanity // Hegel Bulletin. 2024.

Vol. 45, No. 3. P. 571–597. DOI: 10.1017/hgl.2024.25.

14. Khurana T. Living by Recognition: On the Sociality of the Human Life-Form // Hegel Bulletin. 2025. Vol. 46, No. 3. P. 1–25. DOI: 10.1017/hgl.2025.10066.

15. Charpenel E. A Necessary Complement to the Notion of Recognition? Hegelian Reflections on Reconciliation // Coronado C. (ed.). Justice, Recognition, and Institutions: A Dialogue with Axel Honneth. Cham: Springer VS, 2026. P. 3–26. DOI: 10.1007/978-3-032-00610-3_1.

16. Madureira M.M.S. Hegelsvergessenheit? On Some Aspects of Honneth's More Recent Writings // Coronado C. (ed.). Justice, Recognition, and Institutions: A Dialogue with Axel Honneth. Cham: Springer VS, 2026. P. 27–40. DOI: 10.1007/978-3-032-00610-3_2.

17. Huda K.A.S.M.N. Recognition as Normative Orientation: Structure, Mediation, and Repair // Res Publica. 2026. DOI: 10.1007/s11158-026-09788-5.

18. Batler Dzh. Zapros na nenasilie / per. s angl. N. Procenko // Novoe literaturnoe obozrenie. 2023. № 184 (6). S. 62–75. DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_62.

19. Koby`lin I. Bor`ba za zhizn`: ot politicheskogo trebovaniya k zhizneutverzhdayushhej manii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2023. № 184 (6). S. 404–415. DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_404

Статья поступила в редакцию 20.08.2026; одобрена после рецензирования 09.10.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 20.08.2026; approved after reviewing 09.10.2026; accepted for publication 26.10.2026.

CONTENTS

5.7.2. History of Philosophy 9

Biryukov I. L. OSNOVNYE MODELI INTERPRETATSII TRANSCENDENTALNOY FILOSOFII I. KANT V RUSSKOY FILOSOFSKOY MYSLI KONTSA XIX I PERVOI POLOVINY XX VEKA BASIC MODELS OF INTERPRETATION OF I. KANT'S TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT OF THE LATE XIX AND FIRST HALF OF THE XX CENTURY 9

Nikitina T. S. TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF FREEDOM FROM MORAL AUTONOMY TO MORAL LIFE IN THE PHILOSOPHY OF I. KANT AND G. V. F. HEGEL 27

Kravchenko A. L. FROM REGULAE TO MEDITATIONES: TRANSFORMATION OF DESCARTES ' METHOD AND METAPHYSICAL JUSTIFICATION OF VALIDITY 43

Belyakov N. S. GENESIS OF HUSSERL'S PHENOMENOLOGICAL REDUCTION: FROM DESCRIPTIVE PHENOMENOLOGY TO TRANSCENDENTAL AND GENETIC ANALYSIS 67

Muftakhova A.N. ONTOLOGICAL DIFFERENCE IN M. HEIDEGGER: FROM "BEING AND TIME" TO "CONTRIBUTIONS TO PHILOSOPHY" 92

Bibarsov D. A. DECONSTRUCTION AS A STRATEGY FOR DERRIDA'S PHILOSOPHICAL READING: DIFFÉRANCE, TRACE, AND CRITICISM OF THE METAPHYSICS OF PRESENCE 130

5.7.7. Social and political Philosophy 153

Orlova E. A. CLIMATE JUSTICE: INTERGENERATIONAL RESPONSIBILITY AND GLOBAL INEQUALITY 153

Gerasimov M. V. DIGITAL POLITICAL PHILOSOPHY: PLATFORM CAPITALISM, ALGORITHMIC POWER AND THE SUBJECT 171

Lakaev P. V. RECOGNITION AND VULNERABILITY: FROM HEGEL AND HONNET TO BUTLER 190